
Россия, Русь! Храни себя, храни!

9
2021

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Леонид БОЛОТИН. Лукавые эпохи «перемен»	3
Ольга КИТОВА. Впереди — распад США и Евросоюза ...	19
Виталий ДАРЕНСКИЙ. Агрессия Запада против русской цивилизации	74
Валерий КИРИЛЛОВ. Миграционный спрут под «крышей»	139

ПРОЗА

Владимир ПРОНСКИЙ. Уезжай и возвращайся. Повесть	24
Юрий МАНАКОВ. Капустин яр и прочая пустыня. Рассказ ...	91
Михаил ЕСЬКОВ. День отошедший. Рассказ	147
Юрий КРАВЦОВ. Короткие рассказы	205
Александр ГРОМОВ. Государственное дело. Рассказ	226

ПОЭЗИЯ

Иван ЩЁЛОКОВ. Созревает шиповник... Стихи	66
Иван АЛЕКСАНДРОВ. Состояние духа. Стихи	125
Ольга КОЗЛОВЦЕВА. Какая есть... Стихи	131
Людмила БАНЦЕРОВА. Вчерашнее лето. Стихи	169
Маргарита КАРАНОВА. И вечно пламя... Стихи	174

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Ольга СЕВОСТЬЯНОВА. **В мире без Пушкина** 178

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

Виталий ДАРЕНСКИЙ. **Антихристианское «богословие майдана»** 187

СИМВОЛ ВЕРЫ

Мария МОНОМЕНОВА. **Русский христианский социализм** 232

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Валерий ГАБРУСЕНКО. **Забывтый полководец** 240

Валерий ШАМБАРОВ. **«Катюши» Первой мировой** 245

УРОКИ ИСТОРИИ

Владимир БОЛЬШАКОВ. **Десант мировой закулисы** 254

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Владимир ХОМЯКОВ. **Власти с этим смирились?** 265

Андрей ЗАХАРЧЕНКО. **«Очень хитрая штука»** 270

Андрей ВЫПОЛЗОВ. **Ментальный блицкриг** 272

Владислава РОМАНОВА. **Страдания без Бога** 275

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. **Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение** 279

ЛУКАВЫЕ ЭПОХИ «ПЕРЕМЕН»

С ноября 2019 года практически во всех политических СМИ России с разных точек зрения обсуждалось заявление Московского центра Карнеги и «Левада-Центра» о серии социологических опросов в августе 2017 года, мае 2018 года и в июле 2019 года, которые якобы свидетельствовали о стремлении в российском обществе к кардинальным переменам в сфере государственной политики, в экономике и в целом.

Подобные социологические опросы «Левада-центра», основанные на «случайной» выборке интервьюеров из населения России всего лишь 1600—2000 опрошиваемых на самом деле никак не отражают реальных политических настроений сознательного населения России. Исследования такого рода финансируются американцами, осуществляются *иноагентами* и ставят своей целью создать большой шум в российских, а также зарубежных СМИ и тем самым воздействовать на сознание действительно значительных масс наших соотечественников и мировой общественности.

Современное население России составляет примерно 146,5 миллионов человек. Даже с учетом того, что населения старше 16 лет составляет около 120

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

миллионов, 1% равен 1,2 миллионов человек. Что на фоне такого числа представляет собой «контрольная» группа в 2 тысячи опрашиваемых по телефону?! Одна шестидесятитысячная — 1/60000! — доля взрослого населения России. Или одна шестисотая — 1/600! — доля от 1% той же массы наших сограждан. Калькулятор показывает, что эти две тысячи как бы опрошенных составляют 0,0016666666666667 только от 1%!

Даже с учетом «случайности» отбора для телефонных опросов, тут даже не может быть речи о так называемой статистической погрешности. Но десятки крупнейших российских СМИ, главные телеканалы страны тиражировали и тиражируют такой «лохотрон» в качестве всамделишного «научного» социально-политического и социально-психологического исследования.

Широкая пропаганда «результатов» подобного опроса — всего лишь целенаправленный политический ход в отечественном и международном информационном пространстве. Но такой приём информационной войны совсем не понарошку, а на самом деле воздействует определенным образом на десятки миллионов пользователей российских СМИ с целью заставить их считать, что почти 60% сознательных соотечественников (из «золотых» 2 тысяч!) жаждут кардинальных перемен в политическом устройстве страны, причем без малейшего общего представления о конечных целях таких перемен. наших сограждан всеми силами (опять и опять) стараются убедить, что они хотят **перемен ради самих перемен**.

Мы теперь видим, что за время с ноября 2019-го произошло столько перемен и в России, и во всем мире, что говорить о «случайности» социологических опросов Левада-Центра и Московского Центра Карнеги в 2017—2019 годах было бы даже как-то неприлично. Понимаю, не многие согласятся с моим утверждением, что данный стратегический демарш в нашем информационном пространстве имеет в своем основании грамотно использованные приемы **боевой спецпропаганды**.

У большинства людей весьма превратное представление о природе обычной пропаганды, которую, как правило, смешивают с политической рекламой и назойливыми предложениями «выгодно вложиться» в очередную «пирамиду». Что же говорить об их представлениях о спецпропаганде?!

«Китайское» заклятие

В самых разных серьезных и таблоидных текстах часто приходилось читать о «древнем китайском проклятии»: «Чтоб тебе жить в эпоху перемен!»

В первой половине 2000-х по программе истфака МГУ я изучал историю Китая (Древняя и средневековая История стран Дальнего Востока). И с удивлением для себя обнаружил, что «недвижный столетиями Китаем» существует только в представлении европейцев в силу психологической *одновременной* приверженности китайцев различным древним традициям. Нередко — противоположным по сути, например, таким, как даосизм и конфуцианство. Даосизм или конфуцианство, становясь государственной политикой, всегда вступали в жестокое противоборство. Так при смене стратегических векторов страны оно проявлялось в древности, так древняя борьба обнаружилась в пору «культурной революции».

Сама история Китая — и древняя, и средневековая, и более поздняя — была весьма наполнена идеологическими и политическими кардинальными изменениями, крутыми переменами. Редко тот или иной относительно устойчивый, стабильный период продолжался в Китае более 30—40 лет. Хотя бы через одно-два поколения происходили серьезные, принципиальные перемены в жизни страны, последствия которых многие годы оставались в людской памяти как достаточно свежие. В смысле переменчивости история Китая ничем не отличается от истории крупных стран Европы.

«Недвижный Китай» возник только в воображении европейцев XIX—XX столетий, которые были просто плохо осведомлены в знании предмета. Выводы о «недвижности» делали только на основании временной технологической «отсталости» Китая. Революции и гражданские войны первой половины XX века, «большой скачок» начала шестидесятых, «культурная революция», расправа с «бандой четырех» после смерти Мао и кардинальные политико-экономические реформы девяностых по программам Дэн Сяопина, возвращение Гонконга неоднократно меняли лицо Китая при сохранении верности китайцев древним традициям. Так было ли у китайских мудрецов проклятие переменами?!

В кратком интернет-исследовании Константина Душенко читаем, что первое достоверное упоминание о таком «древнем» якобы китайском проклятии появилось 1939 году в статье американца Фредерика Кудера, специалиста по международному праву. Кудер там сообщил, что одно из своих писем 1936 года к Остину Чемберлену, британскому экс-министру иностранных дел, он закончил словами: «Мы жили в интересные времена».

Сэр Остин Чемберлен ответил: *«Много лет назад я узнал от одного из наших дипломатов в Китае, что одно из худших китайских проклятий врагу: «Чтоб ты жил в интересные времена!» И, конечно, никогда не было более тревожного времени, чем нынешнее»*.

«Китайский мудрец», который желал своим врагам жить «в интересную эпоху», упоминается в «Записных книжках» Альбера Камю 1948—1951 годов. Позже в докладе, прочитанном в Упсальском университете (Швеция) 14 Декабря 1957 года, Камю указал несколько другой адрес:

«Один восточный мудрец всегда просил в своих молитвах Аллаха, чтобы тот милостиво избавил его от жизни в интересное время».

Сенатор и кандидат в президенты США Роберт Кеннеди в своей Кейптаунской речи 6 Июня 1966 года говорил: *«Есть старое китайское проклятие: «Чтоб ты жил в интересные времена!» Нравится нам это или нет, но мы живем в интересные времена. Это времена опасности и неопределенности, но также — времена, открывающие больший простор творческой энергии человека, чем когда-либо прежде в истории»*. Сам Роберт Кеннеди был застрелен два года спустя.

Возможно, формулировка сочиненного европейцами или американцами проклятия связана с наименованием древнекитайского трактата «Книга Перемен». Наиболее ранний из китайских философских текстов, был принят конфуцианской традицией как один из канонов конфуцианского Пятикнижия. «Книга Перемен» — название, закрепившееся на Западе, но более правильный вариант — «Канон Перемен».

В общем, западные мудрецы совсем недавнего XX столетия сочинили для своей политической технологии внедрения в массы идеи «перемен ради перемен» мнимые восточные корни. На самом же деле тут маскировался уже достаточно старый масонский девиз «Порядок из хаоса», при котором «хаос» должен быть управляемым, а новый порядок вполне спланированным и обдуманым.

Большая перемена

Весной 1973 года на советском телевидении состоялась премьера комедийного сериала «**Большая перемена**», снятого по ранней повести известного детского писателя-фантаста Г.М. Садовникова «Иду к людям» (1962 г.), написанной на основе собственных впечатлений от годичной работы будущего писателя учителем истории в Школе рабочей молодежи в 1956 году.

Телесериал о ШРМ имел ошеломительную популярность. Мне же особенно нравились сцены с Евгением Леоновым и городской фон: фильм снимался в полюбившемся мне Ярославле, где мы с родителями жили в 1966—1968 годах.

Некоторые мои наиболее «продвинутые» знакомые, особенно если была проблема с пресловутым «пятым пунктом» и

с родителями-служащими, после восьмого класса ушли из обычной школы доучиваться в ШРМ. И отнюдь не из-за низкой успеваемости или плохого поведения. Их родители по знакомству устраивали своего отпрыска в какую-нибудь контору на сугубо «рабочую» специальность — помощниками электриков, сантехников, плотников и т.п. Порой ребята ни одного дня там не работали. Им только за мзду оформляли трудовую книжку, а зарплату они полностью отдавали благодетелю. Либо трудились там, где усилия и занятость были минимальными. Зато в ШРМ, куда они поступали, на общем фоне настоящих работяг они были абсолютными отличниками.

Так перед другими абитуриентами из числа обычных школьников они имели «классовые», «пролетарские» анкетные преимущества (полных два года трудового стажа) и довольно легко получали высокий средний бал аттестата для поступления в вуз. Из их рассказов о ШРМ мне, конечно, было известно, что веселая телеверсия была далека от тоскливой действительности. Но меня телевизионная условность ничуть не смущала. Кино есть кино, и разумные люди стараются от него получать эстетическое удовольствие, развлечение, отдохновение, а не какую-то «правду жизни», которой вокруг и без того хватает. Да к тому же в сериале была одна такая школьница, которая поступила в ШРМ, нигде притом не работая. То есть создатели фильма знали о существовании такого социального феномена и в сюжете намекнули на него, чтобы совсем уж не удаляться от «правды жизни».

Как я потом узнал, тогда же некоторые кухонные «политики» и «аналитики» начала семидесятых доверительно сообщали друзьям и знакомым, что название фильма «Большая перемена» носит символический характер: комедийное содержание только прикрывает курс, взятый некими внутренними влиятельными силами на кардинальную перемену в жизни СССР.

Конечно, большинство слушателей таких «откровений» в лучшем случае сдерживали себя от желания повертеть пальцем у виска. Сам я впервые услышал подобное о названии фильма «Большая перемена» несколько позже — от одного из сокурсников в начале учебы на журфаке в 1975 году в связи с полетом «Союз—Аполлон». От выразительного жеста у виска тогда я не удержался. Но в сентябре 1975 года сигареты «Союз—Аполлон» фирмы *Philip Morris International* можно было купить не только в столичных киосках, но и в сельпо Бородино, куда нас, международников-первокурсников, декан Ясен Николаевич Засурский направил на картошку для перековки «золотой молодежи» в сознательных советских

граждан и для проверки нас на вшивость. Какая-то действительно *большая перемена* назревала. Страна уже готовилась к «Олимпиаде-80».

Оттепель-2

Некоторые признаки новой «оттепели» в международных отношениях СССР стали проявляться со второй половины 1960-х и начала 1970-х годов. Они были связаны с заключением ряда крупнейших соглашений с некоторыми западноевропейскими странами. И хотя то «потепление» было нарушено Пражской весной 1968 года, всё же курс на сближение Запада с СССР продолжал действовать двусторонне в масштабных совместных проектах.

16 августа 1966 было заключено соглашение с итальянской фирмой *Fiat* о совместном строительстве автозавода ВАЗ на Волге в районе Жигулевских гор. Ещё в августе 1964 года внезапно скончался находящийся на отдыхе и лечении в СССР генеральный секретарь коммунистической партии Италии Пальмиро Тольятти, и в его честь в том же месяце старинный город Ставрополь-на-Волге переименовали в Тольятти. А через два года было принято решение: автозавод-гигант по итальянской лицензии строить именно в Тольятти. Первые советские «Фиаты» — автомобили «Жигули» с конвейера ВАЗа сошли в апреле 1970 года.

1 февраля 1970 года в Эссене между фирмами ФРГ и Внешторгом СССР был подписан эпохальный стратегический контракт — советский газ в обмен на германские трубы. Первый советский газ поступил в ФРГ в 1973 году. Последствия этого контракта развиваются и ныне по отношению к нескольким странам Западной и Центральной Европы, хотя и с большими сложностями.

В те же годы активно развивалось взаимодействие между СССР и Австрией, Францией, Данией, скандинавскими странами.

Однако успехи советской дипломатии и внешней торговли на Западе во многом обесценивались тем, что холодная война с Западом не ослабевала из-за крайне напряженных взаимоотношений между СССР и США.

Внешним признаком изменения таких взаимоотношений стало открытие 22 марта 1972 года в Сокольниках выставки «Исследования и разработки в США». На выставке экспонировали макеты космических аппаратов, скафандра «A7L», образцы «лунного» грунта, фототехнику, лазерные устройства, компьютеры, стереосистемы. Всё это было накануне

визита президента Ричарда Никсона в мае 1972 года в СССР. Визиту на высшем уровне предшествовала апрельская поездка в Москву советника президента по национальной безопасности Генри Киссинджера.

Тогда с Никсоном был подписан первый договор об Ограничении стратегических вооружений (ОСВ-I), ограничивающий бешеную *гонку вооружений*. Вскоре «Оттепель-2» приобрела собственное наименование — *Разрядка*. То есть — *разрядка международной напряжённости*.

Сам я побывал на той выставке по крайней мере трижды: первый раз с отцом, а потом ещё дважды уже с друзьями-одноклассниками. Главной целью дополнительных походов были выставочные значки и небольшие постеры с американскими астронавтами миссии «Аполлон-11» Нилом Армстронгом, Баззом Олдриным и Майклом Коллинзом, которые, как все тогда верили, осуществили первую высадку на Луну.

Судя по названию выставки, очевидно, её организация была напрямую связана с деятельностью корпорации RAND (Research and Development — *Исследования и разработки*), штатовским «некоммерческим» учреждением, а по сути — стратегическим исследовательским центром, действующим по бюджетным заказам правительства США и, по сути, являющимся ответвлением разведывательных органов.

Наверняка в рамках деятельности выставки американские ученые и представители разработчиков передовых технологий осуществляли контакты и переговоры с советскими учеными и научными учреждениями, особенно задействованными в сфере информатики, электроники, космической промышленности и... экономики.

Выставка «Исследования и разработки в США» в том же году прошла и в Волгограде. Её в общей сложности посетили миллионы советских граждан. Весной 1972 года «разрядка» выражалась ещё и в том, что, по крайней мере, в Москве совсем перестали глушить «Голос Америки».

В русле наметившегося курса 4 октября 1972 году в Австрии на основе международной аналитической организации «Римский клуб» по инициативе правительств США и СССР был создан Международный институт прикладного системного анализа (МИПСА). В его организации и деятельности принимали активное участие некоторые советские ученые. В частности, активным сотрудником института был будущий академик АН СССР, философ, а также идеолог развития отечественной информатики Джермен Михайлович Гвишиани (1928—2003), который был и членом Римского клуба. Несомненно, создание такой международной научно-полити-

ческой организации было результатом и выставки «Исследования и разработки в США», и переговоров на высшем уровне во время майского визита президента Никсона в Москву.

27 января 1973 года было подписано Парижское мирное соглашение по Вьетнаму, осуществлялся вывод оттуда американских войск, который завершился 29 марта выводом остатка американских частей из Южного Вьетнама.

Новым внешним признаком идеологического потепления стало проведение в начале лета 1973 года в Лужниках еще одной американской выставки. После страшной засухи 1972 года с лесными и торфяными пожарами и дымным смогом над всей Центральной Россией (природное знамение эпохи «разрядки») конец весны и начало лета 1973 года были ласковыми, теплыми и солнечными. Мы со школьными друзьями начали купальный сезон ещё 9 мая в бассейне с фонтанчиками перед высоткой МГУ на Ленгорах. А вскоре стали плавать и в самой Москве-реке напротив Лужников. Накупавшись вдоволь, мы через метромост переходили в знакомые нам, как свои пять пальцев, Лужники, минуя дальние милицейские кордоны через кусты живой изгороди, пристраивались в начало выставочной очереди и в считанные минуты попадали в павильон «Солнечный». Так мы с друзьями побывали на той выставке около десятка раз, а значков набрали каждый по паре пригоршней.

Хорошо запомнились и многие экспонаты: цветастый воздушный шар с газовой горелкой, какой-то автомобиль-универсал, одноместный вертолётик без кабинки с одним сидением, дом на колёсах, катера, разнообразные палатки, рыболовные снасти, велосипеды, охотничье снаряжение и ещё куча всякой разнообразной ерунды. Каждый экспонат сопровождался не только кратким техническим описанием, но и неизменным ценником в долларах.

Меня приводило в страшное удивление, почему здоровенный автомобиль-универсал стоит, кажется, всего 700 или 900 долларов, милый вертолётик 1200 долларов, дом на колесах — в районе трех тысяч, а «тряпочный» воздушный шар — более десяти тысяч, небольшой катер и того больше, почти игрушечная яхта из стекловолокна и вовсе несколько десятков тысяч. В моем детском представлении громадный легковой автомобиль или вертолет и тем более дом на колесах были гораздо ценнее воздушного шара или катера. Правда, выяснять такие «противоречия» у сотрудников выставки не было никакого желания. Мы не хотели привлекать к себе лишнего внимания ни американцев, ни тем более наших сотрудников в штатском, о неизменном присутствии которых уже тогда

догадывались, чтобы и в следующий раз беспрепятственно посетить павильон и ещё раз поглазеть на американское «добро». А ценовую политику «глупых» американцев обсуждали уже между собой.

Позже в том же 1973 году выставка прошла в Уфе, Иркутске, Ереване, Кишиневе и Одессе. В журнале «Америка», который дозволено было выписывать моему отцу, я потом читал, что выставку посетили уже десятки миллионов наших соотечественников.

В июне 1973 года состоялся визит генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева в США. 24 июня 1973 года Леонид Ильич в ходе визита даже заявил об окончании холодной войны.

Другой внешней чертой «разрядки» стало появление в том же 1973 году в московской широкой продаже импортной газировки *Pepsi-Cola* фирмы *PepsiCo, Inc.* Уже шла на спад война во Вьетнаме, где на Юге оставались только американские военные советники, в прошлом «ястреб» Р.Никсон оказался довольно «дружелюбным дядькой», за что, возможно, и поплатился Уотергейтом. В 1974 году появилась и «Пепси-Кола» лицензионного отечественного производства в Новороссийске. С известными оговорками первым «поколением пепси» можно было бы назвать моих сверстников.

В рамках научно-технического и политического сотрудничества СССР и США в 1972—1976 годах, как уже отмечалось, 4 июня 1976 года был учрежден академический Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований (ВНИИСИ) в качестве филиала Международного института прикладного системного анализа (МИПСА) в Австрии. ВНИИСИ создавался для комплексного исследования научно-технических и социально-экономических проблем, имеющих большое народно-хозяйственное значение и носящих междисциплинарный характер исследований, по типу корпорации RAND. В институте не существовало идеологических запретов на обсуждение любых острых проблем современной науки, развития отечественной экономики, международных отношений.

Сменивший Никсона на посту президента вице-президент Джеральд Форд в отношениях с СССР во многом продолжал политику, связанную с заключенными при Никсоне соглашениями. Первая часть программы «Союз-Аполлон» была осуществлена, но на второй срок в ноябре 1976 года Форду избраться не удалось, его в январе 1977 года в Белом доме сменил демократ Джимми Картер, и совместная космическая программа СССР и США была свернута. Идеологию и политику Штатов стал в значительной степени формировать

советник Дж. Картера по национальной безопасности ярос-
тный антисоветчик и русофоб Збигнев Бжезинский.

Новая Конституция СССР

Не хочу оставить без внимания и ещё один из ярких при-
знаков политических перемен во второй половине семидеся-
тых в СССР. В русле «разрядки» заметно активизировалась
работа над проектом новой Конституции СССР. Ещё в 1962
году на волне борьбы со «сталинским наследием» Н.С. Хру-
щев добился создания при Верховном совете СССР Консти-
туционной комиссии под собственным председательством.
Рабочая группа по подготовке текста, возглавляемая акаде-
миком Леонидом Федоровичем Ильичёвым, к августу 1964
года предоставила проект. Однако в ходе политических по-
трясений, связанных с Пленумом ЦК 14 октября 1964 года и
отрешением от власти Н.С. Хрущева, Конституционную ко-
миссию возглавил новый лидер Советского союза и КПСС
Л.И. Брежнев. Подготовленный проект был подвергнут жест-
кой критике и отправлен на переработку, но практическая
работа была заморожена. С 1968 года рабочую конституди-
онную группу возглавлял член ЦК КПСС, заместитель заве-
дующего отделом пропаганды ЦК КПССС небезызвестный
А.Н. Яковлев. Он активизировал работу над текстом новой
Конституции, пока его не отстранили от работы в ЦК и от-
правили в 1973 году послом в Канаду. Руководителем рабо-
чей группы тогда был назначен кандидат в члены политбюро
ЦК КПСС, академик Борис Николаевич Пономарев.

Не берусь судить, кто именно из этих лиц был наиболее актив-
ным смысловым и правовым реформатором конституционного
текста. Но одним из существенных изменений в сравнении со
сталинской Конституцией 1936 года было введение в основной
государственный закон статьи о КПСС: «Руководящей и направ-
ляющей силой советского общества, ядром его политической
системы, государственных и общественных организаций явля-
ется Коммунистическая партия Советского Союза».

Новая Конституция стала одним из ключевых признаков
действительно *большой перемены* во внутренней политике
СССР. Обновление основного закона Советского Союза свя-
зывалось с «демократизацией» общественных отношений в
стране, изменения были нацелены на улучшение «имиджа»
СССР и в мировой системе социализма, и перед лицом *бур-
жуазно-демократического* Запада.

И хотя в СССР по старым договоренностям с 1978 года
заработал и второй завод по производству «Пепси-Колы» —

в Евпатории, а 18 июня 1979 года в Вене на встрече Леонида Брежнева и президента США Джими Картера был подписан договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2), процесс окончательного прервался в конце Декабря 1979-го Афганистаном и международными «олимпийскими» разборками 1980 года... «Большая перемена» в отношениях между СССР и США была свернута.

С приходом же к власти в начале 1981 года президента Рональда Рейгана холодная война между СССР и США возобновилась в полном масштабе и даже на новом уровне напряженности. В марте 1983 года Рейган объявил СССР «Империей Зла» (Evil Empire)... Были организованы две провокации с южнокорейскими самолетами. В Карелии и на Дальнем Востоке. Вторая с «Боингом» сработала на 100%!

К 1983 году мировая система социализма вокруг СССР, сложившаяся к 1949 году из стран «народной демократии» в составе ГДР, Китая, Северной Кореи, Монголии, Чехословакии, Польши, Болгарии, Венгрии, Румынии, Албании, Югославии, как единое целое значительно сократилась. Сначала ещё при Сталине откололись Югославия и Албания. Затем от СССР уже при Н.С. Хрущеве отошел громадный Китай. К 1969 году Китай даже стал потенциальным геополитическим противником. И хотя к МСС потом присоединялись Северный Вьетнам, Куба, Вьетнам объединенный, в геостратегическом отношении это мало что меняло. Довольно оппозиционно по отношению к СССР держала себя Румыния.

Попытки Москвы расширить МСС за счет Анголы и особенно Афганистана стали главным поводом для рейгановской формулы. Как говорят сейчас — политический *слоган* или *мем* «Империя Зла» оказал громадное информационно-психологическое влияние на польские события начала 1980-х годов. Вслед за поляками стала поднимать голову пришибленная в 1956 году оппозиция в Венгрии, вновь 1968 год стал поводом для роста оппозиционности в Чехословакии, особенно в Чехии... Советскому Союзу и его народам магией словосочетания «Империя Зла» стал навязываться «комплекс вины» чуть ли ни перед всем человечеством. После Русской Весны 2014 года и значительного повышения обороноспособности России некоторые патриоты юморят над старым выражением: «Империя зла. Империя очень зла». Но тогда — в 1983-м году оккультная и по содержанию, и по стилю формула «Империя Зла» стала действующим оружием против СССР посильнее термоядерных и нейтронных бомб. Так односторонним информационно-психологическим убийствен-

ным приемом создавалась и международная, и внутренняя почва для настойчивого ожидания уже настоящих кардинальных перемен с «дорогой в никуда».

«Он будет добрый, ласковый...»

Как-то неожиданно для самого себя я вспомнил давнишний разговор на журфаке 1975 года о фильме «Большая перемена», когда почти десять лет спустя впервые услышал песенку Максима Дунаевского на слова Наума Олева в телевизионном сериальном мюзикле 1984 года «Мэри Поппинс, до свидания»:

*...Сотни лет и день, и ночь вращается
Карусель-Земля,
Сотни лет все ветры возвращаются
На круги своя.
Но есть на свете **ветер перемен,**
Он прилетит, прогнав ветра измен,
Развеет он, когда придёт пора
Ветра разлук, обид ветра.
**...Завтра ветер переменится,
Завтра, прошлому взамен,
Он придёт, он будет добрый, ласковый,
Ветер перемен.***

И вслед за мультяшным Винни-Пухом с голосом Евгения Леонова тогда уже вполне опасно подумал: «Это же неспроста!» Почему опасно? К тому времени я уже был молодым отцом, принял Святое Крещение и потому на общественные и политические процессы, связанные с «развитым социализмом», смотрел не наивным молодежным взором «больших надежд» на перемены к лучшему, а уже с определенной евангельской рассудительностью. Откровение Иоанна Богослова становилось в моем неопитском христианском сознании духовной реальностью и общемировой духовной перспективой. Наслание «китайского» проклятия непослушным молодым жить в беспокойную эпоху перемен было для меня уже не пустым звуком: сердцем почувствовал какой-то тревожный дух, что скрывается в той ласковой и внешне светлой песенке. Спроси кто меня тогда прямо, что же я чувствую, вслушиваясь в слова той песенки, не смог бы внятно ответить и наверняка постеснялся бы вслух признаться: тревогу! Сильную тревогу!

И уж, конечно, не сказал бы, что та тревога вызвана каким-то оккультным действием. Но вспоминаю о том невыра-

женном тогда чувстве и теперь никак иначе назвать его не могу. Только необъяснимой, но осязаемой тревогой.

Возвращаясь к темам спецпропаганды и политическо-го оккультизма не хочу излишне мистифицировать читателей тем, что я будто бы считаю, что соавторы сценария и режиссер фильма «Большая перемена» или поэт Наум Олев — автор слов песни «Ветер перемен», были сознательно вовлечены в некий заговор и сочиняли что-то под политический заказ.

Скорее всего у телефильма о ШРМ изначально были разные варианты названий. Пафосный из начала шестидесятых годов заголовок повести «Иду к людям» явно не подходил для комедийного фильма семидесятых. Рабочим наименованием сценария было «Приключения школьного учителя». У сотрудников Министерства просвещения СССР такое название вызвало протест. По легенде оператор Анатолий Мукасей предложил название «Большая перемена» — вроде бы и о школе, но в то же время с философским подтекстом: словосочетание подходило и к школьной тематике ленты, и в переносном значении для обозначения кардинальных жизненных перемен в судьбах многих персонажей фильма. Конечно, в итоге название утверждалось где-то в верхах...

Кухонная квази-диссидентская «оппозиция», которая умела «читать» скрытые смыслы и между строк, и между слов словосочетание «большая перемена» связала со своими чаяниями от «разрядки» и от наметившегося курса на потенциальное «культурное» сближение СССР с Западом (Пепси-Кола, Филип-Моррис...). Трехмысленное — школьное, житейское и политическое — словосочетание «большая перемена» всё же стало на некоторое время журналистским и общественно-политическим «мемом» в семидесятые и начале восьмидесятых. При всей неопределенности символического значения в сочетании слов «большая перемена», все кухонные посиделки в совокупности были весьма значительным и впоследствии влиятельным социальным феноменом. В конце концов, во многом *практическая идеология* «перестройки» произросла не из казенных поэтапных партийных документов 1985—1987 годов, а из таких кухонных мечтаний советской интеллигенции шестидесятых и семидесятых.

Повлиял ли такой *мем* в названии фильма «Большая перемена» на текст журналиста и поэта-песенника Наума Олева о «Ветре перемен», категорично утверждать не берусь. Хотя общий социально-психологический и программно-вербальный контекст названием фильма всё же был создан и за одиннадцать лет крепко прижился в общественном сознании.

Тема восточного «ветра перемен», несущего Мэри Поппинс с зонтиком, многократно возникала в повестях Памелы Трэверс с самого первого появления необычной воспитательницы: «...*Едва женщина вошла в садик, она поднялась в воздух и полетела прямо к дому! Да, было похоже на то, что ветер сперва донёс её до калитки, подождал, пока она откроет, а потом принёс её прямо к парадной двери. Весь дом так и задрожал, когда она приземлилась!*» К тому же своих воспитанников няня-колдунья учила *не бояться любых перемен*. Поэтому в идейном отношении тут скорее стоит обратить внимание на первоначальный выбор материала для экранизации. Тема слов песни была обусловлена самим сюжетом экранизации. Но русский стихотворный текст Н.М. Олева о «Ветре перемен» для 1984 года имел вполне самостоятельное и определенное «гражданское звучание», недаром сам Наум Миронович иронично и с подтекстом называл себя «злостным романтиком».

Однако лирический строй музыки Максима Дунаевского, сказочный антураж фильма с милой Натальей Андрейченко, которая пела нежным и чистым голосом Татьяны Ворониной, все эти обстоятельства не позволили песне «Ветер перемен» превратиться в какой-то грубый политический манифест. Так, обычная для интеллигенции лирическая «фига в кармане».

Милая, *чарующая* песенка как бы сразу пришлась по душе миллионам наших соотечественников: её постоянно гоняли на радио, выпускали пластинками-сорокапятками, непременно стали включать в музыкальные нарезки из фильмов для ТВ (предтечи нынешних музыкальных клипов), но всё же *обаятельная* песенка в наших судьбах ветер *посеяла*. Ведь ещё Пророк Божий Осия свидетельствовал об отступившем от Господа Израиле: «*Так как они сеяли ветер, то и пожнут бурю: хлеба на корню не будет у него; зерно не даст муки; а если и даст, то чужие проглотят ее*» (Ос. 8: 7).

Буря перемен

Менее чем через год после выхода телефильма «Мэри Поппинс, до свидания», в начале 1985-го, рок-музыкант Виктор Цой сочинил свою знаменитую песню «Перемен!»:

*Перемен! — требуют наши сердца.
Перемен! — требуют наши глаза.
В нашем смехе и в наших слезах,
И в пульсации вен:
«Перемен! Мы ждем перемен!»*

Не берусь гадать, могла ли словесная тема внешне эстрадной («попсовой») песенки с небольшими вкраплениями рок-музыки «Ветер перемен» напрямую повлиять на поэтический творческий поиск Виктора Цоя. Но свою вещь рок-музыкант писал уже в общей духовной атмосфере 1985 года, на которую совершенно определенное эмоциональное и духовное влияние оказал и фильм «Мэри Поппинс, до свиданья», и песенка «Ветер перемен». Если же говорить об экспрессивной стилистике строк Виктора Цоя, то, возможно, она была косвенной или даже прямой протестной реакцией на лирический и фантазийный настрой шлягера 1984—1985 годов:

*...Завтра ветер переменится,
Завтра, прошлому взамен,
Он придёт, он будет добрый, ласковый,
Ветер перемен.*

Зачем мечтать в каком-то добром завтра? Уже сегодня! И что за ласки?! Именно сегодня:

***Перемен!** — требуют наши сердца.
Перемен! — требуют наши глаза.*

Впервые группа «Кино» исполнила песню «Перемен!» на четвертом фестивале ленинградского рок-клуба 1 июня 1986 года. И уже во второй половине 1986 года концертная запись песни «Перемен!» широко звучала в молодежной среде.

А 1 апреля 1988 года состоялась премьера фильма Сергея Соловьева «Асса». Создание данного фильма, где в концовке звучит песня Цоя «Перемен!» было целенаправленной акцией, не то чтобы одобренной, но подготовленной и организованной политическими профессионалами. Исполнение акции «Асса» поручили модному среди молодежи кинорежиссеру С.Соловьеву. Такие продуманные демарши из одного творческого вдохновения не рождаются. Другое дело само исполнение художественного материала для такой акции было предложено действительно талантливому и остроумному режиссеру. На основании идеологических исходников-установок он создал вполне творчески свободную оригинальную вещь. Годы спустя — 19 июля 2011 года — режиссер, явно умалчивая о политическом, идеологическом бэкграунде своего фильма, вспоминал о цоевской песне в эпизоде: «...Жизнь показала, что с песней «Хочу перемен!» — очень подозрительная история. Потому что я сам махал ру-

ками в той десятитысячной толпе в парке Горького. И вот в этой толпе — я готов дать расписку кровью — ни один не знал, каких именно перемен он хочет, и ни один по-настоящему их не хотел. Получилось так, что я с «Ассой», верите или нет, послужил таким козлом-провокатором. То есть непростое, конечно, дело — орать: «Перемен!», не зная, чего именно ты хочешь. Тем более что перемены в итоге произошли...»

Ныне музыканты из круга Виктора Цоя могут сколь угодно рассуждать о том, что поэт-музыкант не призывал к политическим переменам: «Люди, которые на митингах поют эту песню, вызывают у музыкантов шутки и смех. Не больше. «Перемен!» писалась не для толпы. Не для *стада*. Местоимение «наши», используемое в тексте, относится к очень узкому кругу людей — самых близких, с которыми, возможно, ты сидишь рядом на кухне каждый вечер» (Георгий Каспарян).

Однако сам энергичный, заразительный и даже агрессивный характер *роковой* музыки Виктора Цоя в данном произведении свидетельствует о том, что слова песни отнюдь не сводились к выражению внутренних рефлексий молодой «творческой интеллигенции», зачастую недалёковидной и в своем снобизме попросту глуповатой. Музыкальное оформление *требования перемен* было нацелено именно на массовое возбуждение «стада», на внушение людским массам стремления к переменам ради самих перемен.

Так «добрый, ласковый ветер перемен», подувший с телеэкранов в последнем «застойном» 1984 году, в конце концов, породил разрушительную бурю «перестройки» и затем ельцинских «реформ».

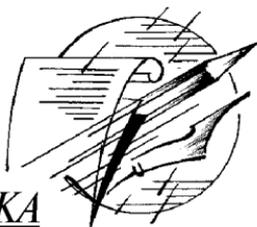
Всякое выразительное слово, призыв, побудительный мотив, которые становятся одновременным достоянием широких общественных слоев, обладают колоссальной действенной энергией...

P.S. А ведь «стадо» т.н. либеральной интеллигенции вновь требует *больших перемен*... И «стадо» «творческой интеллигенции» того же направления снова сочиняет заводные песенки про ожидание *больших перемен*... А кремлёвские политики вновь ищут сближения с западными «партнёрами» и ратуют за налаживание с ними добрых отношений... Но мы знаем, чем оборачиваются каждый раз для России эти «добрые отношения»... (Ред.)

ВПЕРЕДИ — РАСПАД США И ЕВРОСОЮЗА

Мы живем в эпоху терминального кризиса капиталистической социально-экономической системы, о чем говорят различные исследователи. Нынешний кризис предсказывал ещё Адам Смит, о нем подробно написал в своих работах экономист Михаил Хазин, который называет его кризисом падения эффективности капитала. Капитализм завязан на прибыли. Но когда возникает прибыль? При наличии спроса на товар. Если спрос стабильный, то не вкладываются деньги в расширение и развитие производства, поскольку эти затраты не окупятся, и рост экономики и развитие системы разделения труда останавливается. Это и есть кризис падения эффективности капитала. Капитализм — экстенсивная система, которая для своего развития требует постоянного расширения.

Как развивался капитализм? В Англии и некоторых других европейских странах начался рост производительных сил капитализма, а далее постепенно захватывались новые страны и регионы, становившиеся периферией капиталистической системы. Создавалась система разделения труда: в ядре капиталистической системы развивалось промыш-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ленное производство, выстраивались капиталистические отношения, а периферию использовали в качестве источника сырья и рынка сбыта. В своих колониях Великобритании, например, запретила текстильное производство, из-за чего в Индии вымерли тысячи ткачей-индусов.

Как только рынки периферии осваивались, падала норма прибыли, и новые регионы захватывались и превращались в периферию капиталистической системы. На основе ядра формировалась технологическая зона со своими технологиями, стандартами и правилами.

Вслед за британской технологической зоной постепенно возникли и начали развиваться другие технологические зоны в Германии, Японии, США и др. В начале XX века все колонии были поделены, и страны, построившие собственные технологические зоны, вынуждены были воевать за передел колоний и рынков сбыта: это стало причиной 1-й и 2-й Мировых войн.

По итогам Первой мировой войны возникла советская технологическая зона, остались — германская, британская, японская и американская. По итогам Второй мировой войны остались только две технологические зоны — советская и американская. Остальные страны попали на периферию СССР и США. Советский Союз был социалистической экономикой по способу распределения, но не по способу производства — производительные силы были такие же, как и во всей остальной капиталистической системе. Советский Союз на внешнем контуре выступал как единая централизованная глобальная корпорация.

После 1991 года остался единственный глобальный центр капиталистической системы и одна технологическая зона — американская. Она связана с Бреттон-Вудской международной системой организации денежных отношений и торговых расчётов, установленной в результате Бреттон-Вудской конференции в 1944 году: доллар в качестве глобальной валюты, МВФ, Всемирный банк и ГАТТ (Соглашение по тарифам и торговле, ныне ВТО). Организация Объединённых Наций как политическая система скрепляла этот конструкт. Эта система была скорректирована на конференции Международного валютного фонда в Кингстоне (Ямайка) в январе 1976 года, когда был осуществлен переход к современной системе взаимных расчетов и валютных отношений, основанных на свободно плавающем курсе.

Советский Союз не вошёл в эту систему — у нас была своя технологическая зона в рамках СЭВ. Но с 1991 года страны бывшего СССР вошли в глобальную капиталистическую

систему на правах периферии, их рынки были освоены, и с 2008 года начался финальный экономический кризис, который залили деньгами, но не остановили. Сегодня больше нет новых территорий и рынков для освоения.

В 1970-х гг. США столкнулись с кризисом падения эффективности капитала. Для увеличения спроса американцы и другие страны, входящие в ядро капсистемы, стали выдавать кредиты как юридическим, так и физическим лицам, параллельно снижая процентные ставки. Активная «накачка» началась при Рейгане, что вызвало экономический рост — это так называемая рейгономика. Но сегодня ключевая ставка и процентные ставки по кредитам в США и других странах ядра капсистемы опустились практически до нуля, долги выросли до максимума, и наращивать их больше нельзя. Что мы имеем на сегодняшний день? Долги. Способ расширения рынков за счет захвата новых территорий невозможен, ибо все территории уже входят в глобальную капсистему. Способ расширения рынков за счет кредитов также исчерпан. Ключевая ставка в США и в развитых странах Запада и так упала до нулевой отметки. Далее уже некуда падать, и нельзя перекредитовываться. Люди и предприятия набрали максимальное количество кредитов, которые они могут обслуживать.

Мы сейчас столкнулись с тем, что спрос больше не растет. А об этом писал еще Адам Смит — рано или поздно система дойдет до предела и остановится. Мы подошли к этому пределу. Это и есть терминальный кризис падения эффективности капитала и капитализма в целом. Параллельно развивается и структурный кризис из-за перекосов в глобальной системе распределения труда. Об экономическом кризисе уже говорит и руководитель МВФ Кристиалина Георгиева.

Что делать дальше? Рост экономики остановился. Началось падение. Деньги печатают, но они не вкладываются в производство. Какой смысл строить завод, если товар невозможно продать? Люди не вкладывают заработанные деньги в развитие экономики. А куда вкладывают? В биржу. И возник огромный финансовый пузырь. Обама, Трамп, а теперь и Байден печатали и продолжают печатать триллионы долларов, которые уходят на биржу. Что это? Пирамида. Сегодня, например, акция стоит сто долларов, а через некоторое время уже двести долларов. И начинается психоз — люди быстро скупают акции, вкладывая в них свои накопления. И стоимость компании на фондовом рынке начинает во много раз превосходить ее реальную стоимость. К чему это рано или поздно приведет? Конечно же, к краху финансовой пирами-

ды, а поскольку компании набрали кредиты под залог своих переоцененных акций, то и к массовым банкротствам компаний реального сектора экономики.

У нас наслоились друг на друга несколько кризисов — кризис падения эффективности капитала, структурный кризис, долговой кризис и кризис финансовых пузырей на бирже. Общее количество финансовых инструментов на биржах в десятки раз превосходит общемировой ВВП. Ко всем вышеперечисленным кризисам прибавился коронавирус. Но не просто так. Вирус имеет, может быть, и естественное происхождение, хотя на сей счёт мнения разделились. Однако всевозможные ограничения и запреты способствовали падению экономики. Коронавирус использовался как громоотвод, отводящий внимание от истинных причин кризиса. Людям говорят, что во всем виноват коронавирус, и под предлогом пандемии можно вводить запреты на протесты трудящихся, цифровой контроль.

В книге «Краткая история будущего», изданной в 2006 г., глобалист и создатель Римского клуба Жак Аттали описывает три этапа будущего.

Первый этап. Ослабление роли США и старой системы. В прошлом году Аттали объявил, что первый этап уже пройден, хотя по его книге это должно случиться к 2035 году. С военной и политической точки зрения Америка угасает. Американцы уходят с Ближнего Востока, постепенно покинут и другие места. У них нет иного выхода — они не могут поддерживать свою военную машину.

Второй этап. Глобальная перезагрузка. Уничтожение государств. Крупные компании и цифровые платформы управляют миром. И в итоге — электронный концлагерь.

Третий этап. Мировое правительство.

Мы находимся в конце первого этапа. Второй этап подробно описан в книге основателя и руководителя Давосского форума Клауса Шваба «Covid-19: the Great Reset» («Ковид-19: Великая перезагрузка»). Неизвестно, сбудутся ли мечты Шваба и Совета по инклюзивному капитализму, куда входят Ватикан, Ротшильды, члены Римского клуба и другие хозяева денег. Но сам Шваб написал, что план не сбудется, если к нему не присоединятся Россия и Китай. Пока наши страны не собираются ликвидировать свои государства и встраиваться в систему инклюзивного капитализма, где главными станут глобальные корпорации. Поэтому США и ведут активную борьбу против России, а теперь и против Китая, и очень торопятся, поскольку экономический обвал не за горами.

В США в 1929 году в результате кризиса падения эффективности капитала произошла Великая депрессия и общее падение ВВП на 25%. А ныне ВВП США, по оценкам Фонда Михаила Хазина, рухнет на 50%. Что ждет Америку? Расовые волнения, голодные бунты. В 1929 году в Америке началось массовое банкротство промышленности и сельского хозяйства. Возможно, и на сей раз США пойдут по этому пути. Большинство экспертов убеждено, что не позже 2025 года в Америке произойдет серьезнейший экономический кризис.

В 1991 году Советский Союз тоже был на пике возможностей в своей технологической зоне. И у нас был аналогичный кризис, он в СССР назывался падением фондоотдачи — по сути, то же самое, что и падение эффективности капитала. В России после распада СССР в 1990-е годы ВВП также сильно упал. Мы помним, что тогда происходило — людям не выплачивали зарплаты по полгода, шахтеры перекрывали дороги. Люди голодали, болели и умирали. Но русский народ привык терпеть. Наш болевой порог значительно выше, чем в Западной Европе и США. Мы пережили ту эпоху. Но смогут ли выжить США и Европа? Не факт. У них нет таких внутренних ресурсов, как у нас, — духовных, исторических. Они не будут терпеть — будут выходить, протестовать и грабить. Возможно, что это закончится распадом США и Евросоюза.

В целом же мир распадется на макрорегионы, один из которых возглавит Россия. В России не будет столь великого падения, потому что оно уже было в 1991 году. ВВП России в самом худшем случае упадет не более 10—15%. У нас хватает собственных ресурсов. Важно сделать рубль инвестиционной валютой, накачать экономику деньгами, прекратить вывоз денег за рубеж. И всё у нас пойдёт в подъём. По мнению академика С.Ю. Глазьева, при правильном подходе в России за счет импортозамещения и новой индустриализации возможен рост экономики до 10% в год.

УЕЗЖАЙ И ВОЗВРАЩАЙСЯ

ПОВЕСТЬ

Памяти мамы

ОСЕННИЙ МОТИВ

В конце сентября 1987 года с переговорного пункта в Пронске неожиданно позвонила мама, Надежда Васильевна. Если позвонила, значит, что-то случилось. Выслушав её, понял, что она просила приехать постеречь стадо, так как подходит очередь, а отчим или «дед», как она называла его, слёг. Отказать я не мог.

На следующий день я оказался в родной деревне Княжой и сопровождал на машине, возившей доярок, отчима в больницу, так как прошёл дождь, и на «жигулёнке» не выбраться из наших оврагов. Наутро подрядился пасти деревенское стадо. Стерёг его редко, и в этом виделась особенная, чуть ли не праздничная обязанность. Всегда любил в начале листопада выходить со стадом за околицу, когда рябины на опушке леса и кусты калины в лощинах стояли цветасто разукрашенные, словно ярмарочные девахи, продающие антоновку. Пурпурные созревшие ягоды привлекали дроздов, перелетающих с куста на куст трескучими стаями. Особенно приятно наблюдать за ними в погожий день, когда невесомый полёт паутин, не-

ПРОЗА

спешно уплывавших в голубую дымку, создавал неповторимо радостное настроение, подчёркнутое лёгкой печалью увядания. В такие дни можно бесконечно любоваться красочным пейзажем, когда не только природа, но и разномастное стадо бурёнок добавляло ярких мазков в палитру нарядной осени.

Но в этот раз любование прервалось, словно заслонились тучей, когда в Шамятинской лощине появился Михаил Иванович — товарищ отчима. Внешне неуклюжий, он шёл ходко, выбрасывая вперёд бадик, и, остановившись, поторопил:

— Вовка, собирайся! Друг мой скончался... Я побуду со стадом, а тебе мать велела вернуться.

Известие ошарашило лишь на минуту, потому что отчим в последние дни еле ходил, очень исхудал, и видно было, что смертельно болен. Прожил он с мамой 17 лет: плохо ли, хорошо ли — теперь уж всё равно.

Тем же вечером, добравшись до телеграфа в Пронске, позвонил в Москву тётке и младшему брату — попросил его привезти продуктов для поминок, дал телеграмму старшему Александру в Милославский район. Того ни о чём не просил, зная его вечное безденежье и бесшабашность. Сам приедет — и то хорошо.

Началась обычная суета, ставшая вполне привычной, так как родственники в последние годы уходили один за другим, и не было ничего страшнее привыкнуть к этой траурной круговерти. Но, видно, пришла такая печальная полоса, и ничего не оставалось, как терпеть.

Похоронив и помянув отчима, родственники разъехались, а старший брат оставался, пока была выпивка. Мы с младшим помогали по хозяйству несколько дней после его отъезда, а главное, решили отвести телушку в «Заготконтору»; там же по объявлению нашли покупателя на корову, считая, что маме не хватит сил заниматься серьёзной скотиной. Оставили разной птицы десятка четыре да пару овец. Овцы — вопрос спорный, но решили пока поддержать, если имелось заготовленное на корову сено. С поросёнком же рано разделяться — надо ждать морозов.

Вскоре и младший брат, набрав гостинцев, собрался в Москву. Довёз его до автостанции, и он уехал, чтобы отправиться на очередную вахту в Ямбург, где он работал экскаваторщиком на газовом промысле, и я остался с мамой. Пожил несколько дней, занимаясь мелкой работой, и пришло время отъезда. Собирался со стыдливим чувством, не представляя, когда вновь приеду. Мама будет ждать меня, как никого из сыновей, ведь она знала, что теперь буду иметь уйму време-

ни, если недавно стал «свободным художником», хотя не понимала до конца, что означало это выражение.

Вытекло оно из знаменательного события: летом я подписал с издательством договор, охранявший на три года от статуса тунеядца, и в скором времени должна была выйти из печати моя первая книга: повесть и рассказы — итог многолетней работы. Теперь надо лишь грамотно использовать свободное время и преодолеть одолевавшие заботы. Как решить их, я пока не знал, но надеялся, что непременно справлюсь с ними, хотя это будет нелегко. Во-первых, надо прокормиться, ведь гонорара за книгу надолго не хватит; во-вторых, не оставлять без внимания маму; в-третьих, найти согласие с подругой. Получалось, что сочинительство отодвигалось в конец плана, а хотелось, чтобы он начал исполняться именно с этого пункта. Тогда и остальные будут решаться без лишних проблем, по мере поступления.

И всё бы ничего, но мама впервые оставалась одна. Даже в войну была со свекровью и свёкром, с детьми, а теперь полное горькое одиночество, если тремя месяцами ранее похоронила дочь. А что значит для матери потеря ребёнка, я вполне представлял, имея сына-подростка. Поэтому и чувствовал себя предателем по отношению к ней. Единственное, чем мог обрадовать её и себя, так это тем, что знал: не пройдёт и месяца, вновь приеду. Теперь я вольный человек, хотя бы в этом.

Перед отъездом набрал картошки, зарубил двух уток, мама ошипала их и опалила в печке, разделала и набила нутро крапивой, чтобы не испортились; хотя наступил октябрь, но дни выдались тёплыми, правда, и ехать-то до столицы всего четыре часа. Приготовив гостинцы, выгнал «Жигули» из гаража — подтвердил неминуемый отъезд и увидел, как мама изменилась в лице.

Сколько себя помнил, момент расставания всегда горек. Но если совсем недавно знал, что, уезжая, не оставлял маму одну, то теперь всё изменилось, и мои обещания в момент отъезда выглядели весьма туманными. Тем не менее, обняв её на прощание, пообещал вернуться к сороковому дню кончины отчима. Впереди ждало общение с сыном, встреча с Леной, да и кое-кого из товарищей хотелось увидеть. Ну и, конечно, поработать над романом, ибо близилось его завершение, а это особенно заставляло сосредоточиться. Поэтому сказал маме строго, но обнадеживая:

— Ну что переживаешь?! Знаешь же, что теперь часто буду ездить, ещё надо ем!

— Не говори так! Разве может сын надоесть матери? — вздохнула она и уткнулась мне в плечо, завсхлипывала.

Растерявшись, я молчал, не зная, как поступить, но в какой-то момент будто током ударило: «Что же у меня совести совсем, что ли, не осталось?! Как могу бросить её?!» Посмотрел маме в глаза и решительно сказал:

— Поездка откладывается! — А она ещё сильнее заплакала.

Повинуясь неожиданному решению, выгрузил из машины картошку, уток, пишущую машинку, которой не успел воспользоваться в этот хлопотный приезд, не первый год работая над романом.

В ГЛУБЬ ПАМЯТИ

Мог ли я обижаться на маму? Нет, конечно! Но всё-таки некоторая досада скреблась на душе. Поэтому решил прогуляться, чтобы своим присутствием не укорять её, успокоиться самому и воспринимать всё произошедшее как должное и никак иначе. Поэтому сказал, не выдав своих чувств:

— Пойду прогуляюсь, а ты отдохни.

Загнав машину в гараж, отправился на Бутырки, где когда-то жили. Именно там, у Барского пруда, начиналось моё детство. Так уж получилось, что мы обитали на трёх улицах Княжой, приютившейся на оврагах, и не из-за прихоти, а так складывались обстоятельства под влиянием папы — Дмитрия Ивановича. Он появился в Пронске после войны, приехал по направлению министерства на должность главного инженера завода, познакомился с мамой, к тому времени вдовой, и вскоре перебрался из казённого жилья к ней, жившей в трёх километрах. Много тогда событий протекло, но для меня главным было то, что я родился здесь, в теперь не существовавшем домике. Первые же шаги сделал уже в Вильнюсе. После войны Прибалтику усиленно развивали, специалистам всех профессий и должностей хорошо платили. Но папа, отказавшись от постройки собственного дома в Пронске, как это сделал директор завода Ян Скубин, уехал не ради денег, а из-за конфликта с одним из чиновников райкома партии — спасся бегством от реально грозных событий.

Обосновавшись в Вильнюсе, он и нас перевёз туда, только старший мамин сын Александр, отец которого погиб на войне, не захотел ехать; его устроили в соседнем Скопине в ФЗУ, и стал он учиться на маляра-штукатур. Так что я оказался в Прибалтике с родителями, братом Борисом и сестрой Клавой. Дмитрий, младший мой брат, родился лишь через пять лет в Подмосковье, куда мы переехали из Вильнюса, прожив

там около четырёх лет. Причиной переезда стал случай, когда лесные братья повесили на пионерском галстуке русского мальчишка. А так как папа очень дорожил мной, своим первенцем, родившимся, когда ему было 53 года, то он всё бросил: жильё, хорошую зарплату и променял на барак в Барыбине, а позже в Белых Столбах — подмосковных станциях Павелецкого направления. Это добровольное понижение статуса не могло не сказаться на всех нас. На новом месте папа работал механиком на небольшом кирпичном заводе. Жили трудно, безденежно, поэтому отправили Бориса в интернат города Орехова-Зуева из-за сильной близорукости, где он получил место в общежитии и выучился на штамповщика, а позже женился, у него родился сын. Но недолго длилась его семейная жизнь. Брат попал в неприятную историю, был осуждён, из Сибири в Подмоскowie так и не вернулся, а осел в Казахстане. Там и сгинул. Мама многократно подавала на розыск, но всякий раз бесполезно. У Клавдии был свой путь: она окончила политтехникум в Рязани и долго моталась по стране. Её неустроенная жизнь оборвалась в недавнем мае, оставив ещё одну занозу в материнском сердце.

Всё это я вспоминал, шагая волглой тропинкой к Тюлямину мосту, хотя моста не было, а на его месте лежала присыпанная грунтом бетонная труба. За «мостом» находился небольшой выгон, где на телеграфном столбе висел «пожарный» лемех. За выгоном, перейдя ещё один «мост», я попал на Бутырки, и по левую руку начинался порядок, где мы прежде жили. Первой стояла наша изба. Теперь её место занимала усадьба приезжего животновода, купившего дом в конце пятидесятых. Тогда, намотавшись по стране, отправились на родину папы в Алексин, но там нас выжила его сестра, и через три года вновь вернулись в Княжью и уже сами купили домик на Хуторах — одном из деревенских порядков. И вот я на месте первого места жительства, а через дорогу — Барский пруд, пруд моего детства. Я ступил на плотину и осмотрелся, представляя эту местность в годы войны. Почти всё действие романа проходило в несохранившемся домике, но сохранился ландшафт: вдалеке уходил в серое октябрьское небо возвышавшийся на холме лес, называемый Быкомво, стелился по косогору за прудом Барский сад помещика Васильева, опоясанный двойной липовой аллеей, стояла старая ветла на углу усадьбы. В общем, многое из того, чем я жил в последние годы, теперь перетекло из воспоминаний в действительность, окружившую со всех сторон.

Можно бесконечно стоять и вспоминать, но я прошёлся по порядку — хотелось посмотреть на дом тёти Кати — мамин-

ной сестры, давно умершей, очень помогавшей нам, когда мы с братом осиротели. Зато остался её муж — Алексей Семёнович, её дочь Надя с мужем Николаем и их двое сыновей. Начинались сумерки, света в доме не было, и я повернул назад, решив заглянуть на Хутора. Пройдя по плотине пруда, поднялся на взгорок и пошёл вдоль рва, опоясавшего бывшую барскую усадьбу с растущими на них вёслами, и оказался у второго нашего княжовского домика. С ним у меня связано окончание школы, призыв в армию — всё то, что остаётся в памяти на всю жизнь, ибо годы юности неповторимы и запоминаются по-особенному. Домик был цел, в нём кто-то жил, но заходить я не стал, не зная новых жильцов. Да и что скажу им? Мог, конечно, зайти к соседке, двоюродной сестре мамы, но опять же не знал, дома ли она, и вообще — жива ли? К тому же, насколько помнил, они недолго любили одну другую, а причины я не знал. В юном возрасте мне было не до этого, да и теперь не особенно волновало, лишь иногда пересекаясь с её младшим сыном Виктором, мы проявляли взаимное внимание.

С Хуторов, ставших с присоединением Княжой к Пронску Хуторской улицей, как и Бутырки — Бутырской, а Большой порядок — Большой улицей, я отправился на эту самую улицу, где жила мама теперь. Перебралась она сюда в конце 70-го года, «сойдась» с пчеловодом Александром Ивановичем, которого мы на днях похоронили. В тот год он ушёл от жены, забрав свою долю в виде коровы, мама продала избушку на Хуторах, и совместно они купили за одну тысячу кирпичный дом, несколько лет перестраивали его. До середины 70-х с ними жил мой младший брат, а мы, старшие, разъехались по стране, и помощи от нас почти не было. Жаль, конечно, что не смогли организовать и всерьёз поддержать маму и отчима. Мы с младшим братом помогали, когда приезжали в отпуск, но это были эпизоды: фронтон, помню, забивали, погреб копали, сено и дрова заготовливали — и всё вспышками, без обдуманного плана.

Возвратившись на Большую улицу, где жила и другая мамина двоюродная сестра Настя, прошёл мимо её дома с тёмными окнами. Значит, она куда-то затопилась, что для неё являлось обычным делом.

БАРЫНЯ НАСТЯ

Знать бы, что на следующий день всё круто изменится, то пожалел бы, что накануне не уехал с более или менее спокойной душой, но разве можно что-то предположить заранее, если

к этому не имелось никаких предпосылок. С утра я выпиливал в саду старые вишни, а к обеду вернулся — Настя в кухне сидит.

Поздоровался, приобнял двоюродную тётушку, и она вздохнула, словно извинялась за своё присутствие. А чего извиняться, если я радовался, что мама хоть какое-то время проводит в компании родственницы. К тому же Настя и ранее частенько заходила — перекусить, попить чаю с вареньем или мёдом и обсудить деревенские новости. Мы к её визитам привычные. Настя и её родная сестра Маня — сироты с младенчества и вековухи. Уж не знаю, почему оказались незамужними, а жили неприкаянно: лениво и нерасторопно. Никогда не видел, чтобы они готовили первое. Самая обычная для них еда — «картофель» в мундирах, кучурка соли на столе, хлеб с квасом летом и чаем из чабреца зимой. И раз в неделю варили полведра яиц, чтобы надолго хватало. В летний сезон китаек да терентьевок из сада поедят и вишен со сливами. Когда-то у них была корова, овцы, но теперь сёстры обветшали, из живности держали лишь кур и уток. Осенью рубили молодых петушков, а за уток, остававшихся на вольной кормежке в пруду, принимались лишь с наступлением морозов, когда устанавливался лёд, и птицы неохотно возвращались к хозяйке, будто зная о своей участи. К этому дню петушки сёстрами были поедены, а утки пока колготились на пруду; линявшие и облезлые куры неприкаянно теснились в закутке, притесняя молодок.

Не обременённые заботами, сёстры жили весьма празднично — ходили по гостям. Давно всех приучили к этому, делая визиты в церковные праздники и в светские, в дни похорон и поминок; свадьбы случались редко, поэтому они были не в счёт. «Мероприятия» шли чередом, а так как деревня не маленькая, то и готовить еду сестрам не было особой необходимости — дня не проходило, чтобы они не оказались у кого-нибудь в гостях; если не было причины — заходили «просто так». Настя и сегодня, видно, пришла «просто так», привычно разместившись на застеленном топчане и заняв широкой частью тулова чуть ли не половину.

— Вот, Вовка, мать твоя позвала! — доложила она, оправдываясь, не переставая жевать.

Поесть тётя любила. Все в деревне это знали, а Настя никогда не стеснялась надоедать, не видя в этом ничего зазорного, забывая о неприкаянно слонявшейся сестре Мане. Года три, что ли, назад сосед сколотил Насте топчан в палисаднике, сделал навес, и она с мая и до сентября жила среди кустов сирени и кашки под песни скворцов и возню воробьёв, там

же и спала. Частенько доярки и старовысоковские бабы, возвращаясь из магазина, заходили к ней, угощали пряниками, недорогими конфетами, без которых она должна бы обходиться, учитывая свою тучность, но не могла отказаться от подношений. Понять её можно. Страдая от полноты, она была ленива, неповоротлива, потела от каждого шибкого движения. Ходила всё лето босая. Иногда её навещала медсестра, измеряла пульс, давление, уговаривала лечь в больницу на обследование, но разве Настю стронешь с места. «Д-а, в-о-т, — протяжно произносила она вводные слова, — медичка вчерась приходила, в больницу гнала, а чё мне там делать? Борзятиной на казённой койке валяться?!» — докладывала она бабам, тяжело составляя из слов предложения, будто из камней-валунов, радуясь уделённому вниманию и усмехаясь над собственным геройством. И в чём-то она была права. Что верно, то верно: княжёвские жители почти всегда умирали дома, а не в больницах.

До конца не понимая ситуацию, я поглядывал на маму, пытаясь догадаться о причине визита Насти, если недавно сёстры были на поминках, а Настя и после похорон два или три дня сидела в кухне, как пчелиная матка, принимая угощения. Вот и в этот раз мама достала из печи чугунок со щами из наваристой утки, разлила по двум тарелкам — мне и себе, а Насте в миску. Но прежде, чем приняться за щи, укрытые слоем янтарного жира, тётя попросила, увидев на столе колбасу:

— Колбаски бы надо сперва отведать!

Мама подала тарелку с колбасой, положила кусок хлеба, но от хлеба Настя отказалась:

— Медичка запрещает хлеб лопать! — радуясь своей нескрываемой хитрости, заулыбалась она. — Сахар в организме увеличивается!

И мне подумалось: «А ведь тётка мудра! Знает, как сгладить явное нахальство: надо самой заявить о нём, поместив в красивую и отвлекающую словесную обёртку!»

— Да ведь и то правда, — соглашалась, вертясь перед Настей, мама, не по годам стройная и ловкая, почти без седины в волосах, схваченных сломанной гребёнкой. — Редко когда удаётся нам отведать колбаски, а ведь так её иногда хочется! — И обняла Настю. — Ешь, милка моя, ешь, моя ненаглядная!

Нельзя сказать, что у мамы с сестрой были уж очень тёплые отношения, но они всегда помогали друг дружке. Происходило это без взаимного восхваления, а повелось с военного времени, когда у сестёр Ворониных зимой 43-го обвали-

лась изба-развалюшка, и они ютились у соседей. Сёстрам помогли лесом. Вот только война шла — ни лошадей лишних в колхозе, чтобы вывезти брёвна с делянки, ни плотников дельных — все способные мужики на фронте. И тогда мама подговорила баб на себе перевезти брёвна. Уж столько горя натерпелись с ними, но что значит одно небольшое горе по сравнению с теми горями, какие обрушились в нестерпимые военные годы. Той зимой старики срубили сруб, а как снег растаял, избу поставили — спешили до посевных работ управиться, а то потом до осени продыха не будет, если все помыслы о фронте и государственных поставках.

Мы с мамой жвыкали щи, а Настя присупонилась к колбасе и не успокоилась, пока не подчистила тарелку. А подчистив, сообщила:

— Вот теперь можно и щец похлебать! — И мама тотчас услужливо поставила перед ней табуретку с миской, ложку деревянную дала, потому что из металлической щи расплескаются, пока до рта донесёшь.

Настя нас совсем не стеснялась, вела себя привычно, но после обеда не ушла, а осталась до ужина.

В сторонке я спросил у мамы, что это значит, а она торопливо ответила:

— С Маней поругалась, поживёт два-три дня.

Перед ужином я с досады поставил на стол два стаканчика, налил водки Насте и себе, маме не предложил, зная, что она равнодушна к этому зелью. Настя отказываться не стала и залихватски выпила. Утерев рот ладонью, она вздохнула и сказала маме:

— Володька у тебя уважительный, но отсталый! Вот сидит с двумя старухами и старается им угодить. Это разве по-современному?!

От второго стаканчика Настя отказалась, а я под настроение налил себе, и, закусив, сидел, слушал разговоры сестёр, забыв недавнюю сердитость. И всё-то мне было интересно, всё-то радостно, словно я загодя начинал запасаться новостями, интересуясь любыми деталями, даже самыми мелкими. Но в какой-то момент почувствовал, что слушать более не хватало сил. Поблагодарив за ужин, перешёл в «зал», раскинул диван-кровать и устроился на пахнушей избой подушке. Какое-то время прислушивался к голосам, доносившимся из-за лёгкой двери, но очень быстро и они оставили меня.

Визит Насти двумя-тремя днями не ограничился. Она то собиралась уходить, то передумывала, и её «нерешительность», как я понял, могла длиться бесконечно. Да и с сестрой она не ссорилась, как оказалось, если Маня заходила в

гости, а Настя распоряжалась, как хозяйка, отдавая «приказание» маме накормить сестру. Лишь через неделю-другую догадался, что Настя и не думала уходить. Да и разве плохо ей жить на всём готовом, а вот я себя чувствовал неуютно от её неопределённости. Почему сразу-то не сказала? Сказала — я бы уехал, не опасаясь, что мама будет одна. А теперь рад выехать, да слякоть установилась — никак не выбраться на шоссе. Да и смысла нет, если до поминок осталось всего ничего. Единственное, что меня спасало в этой ситуации — это наличие пишущей машинки. Как знал, что всё-таки понадобится, прихватив из Москвы.

ДА БУДЕТ СВЕТ

Как-то проснулся среди ночи от... темноты, а скорее от черноты. В городе-то её нет из-за уличного освещения, а тут хоть глаз коли, если даже собственную руку не видно. И сложилось такое ощущение, что я — невесомый и бестелесный — лечу в неосязаемом пространстве. Долго лежал, прислушиваясь к залиvistому храпу Насти, доносившемуся из кухни, представляя каково жить в одном с нею доме. Потом услышал, как скрипнула мамина кровать в спальне, и понял, что она ощупкой пробирается в кухню, цепляясь за перегородку, остерегаясь разбудить меня. Её забота показалась приятной, но лишней, потому что я давно не спал и сам старался никого не будить. Теперь же переживал за маму, боясь, что она оступится в темноте. Когда же она включила в кухне свет, то не смог более валяться, и, одеваясь, уже знал, чем займусь: установлю фонарь на столбе перед домом. «Как можно терпеть такое неудобство, когда есть все возможности! Придут люди на поминки, и не будут спотыкаться!» — рассуждал я, вспомнив, что видел в чулане фонарь и моток провода.

После завтрака Настя, натрескавшись яичницы и увидев, что мы начали готовиться к поминкам, отправилась к себе, «чтобы не колготиться», словно она действительно колготилась. Ну что же: ушла, так ушла. Когда более или менее рассвело, я разыскал выключатель, подсоединил к нему проводку и, вооружившись пассатижами, полез по лестнице на столб. Подвесив на торчащей арматуре фонарь с вкрученной лампочкой, подсоединил проводку и, спустившись с лестницы, щёлкнул выключателем, установленным под козырьком веранды. Лампочка вспыхнула, но в свете наступившего дня впечатления не произвела, зато вечером, просеивая муку для завтрашних пирогов, мама так и выглядывала в окно, не уставая удивляться:

— Ой, какая светлынь-то! Бабы обзавидуются!

Начав с установки фонаря, я продолжил готовиться к поминкам: установил столы, принёс доски для сидений, провёл масло в лампадке. Зарубил несколько уток. С ними пришлось повозиться, ошпыывая в корыте и собирая пух для подушек. Опалив птиц, разделали их и вынесли в чулан на веранде, плотно закрыли дверь от кошек. В этот день завершили предварительные работы. Завтра останется напечь блинов и пирогов, сварить компот. И, конечно, достать из погреба разносолов. В этот раз предстояло обойтись без колбасы, но трёхкилограммовая банка тихоокеанской сельди имелась в запасе.

Утром следующего дня неожиданно подморозило, и я рискнул, съездил в Архангельскую слободу, заказал панихиду на помин р. б. Александра, купил свечей, оставил денежку на помощь храму, а вернувшись, зажёл лампадку на божнице и вплотную занялся подготовкой поминального стола. Пирогов к этому часу «дышали» в большой миске под полотенцем, а каравайцы, тоже накрытые, уже дожидались поминальщиков на столе. Вскоре он мало-помалу заполнился тарелками, стаканами. Если перед похоронами отчима нам помогали родственники, то теперь мы с мамой едва успевали поворачиваться. Вскоре помаленьку подходившие соседки начали молиться за упокой души усопшего. Мужчин ожидалось несколько, но пришли лишь двое — Павел Николаевич и Михаил Иванович, оба коммунисты, поэтому им прилюдно молиться не полагалось, и они терпеливо топтались у крыльца, дожидаясь приглашения к столу. Оба они и отчим, Царствие ему небесное, участвовали в войне. Михаил Иванович вернулся по ранению, Павлу Николаевичу повезло — он был бойцом трудового фронта на Урале, из-за дефекта руки не призванный в действующую армию. Отчим, как и Михаил Иванович, воевал, но не был ранен, демобилизовавшись через два года после Победы румяным и упитанным. После войны они сдружились и выручали друг друга, заняв неплохие посты по колхозным меркам: один устроился бригадиром на ферме, второй кладовщиком, а отчим заведовал пасекой. И один без другого никуда, особенно если это касалось выпивок.

Когда женщины помолились, я позвал мужчин. В домашнем тепле они сразу раскраснелись. Худой и долговязый Павел Николаевич, как старший, произнёс короткую поминальную речь о друге и, завершив её привычной присказкой «Ёх твою мах», попросил помянуть Александра Ивановича. Все потянулись к кутье, макнули каравайцы в мёд. Спирт-

ное принимать на поминках не положено, но редко где этого церковного правила придерживаются. Поэтому налил водки тем, кто не заслонял ладонью стаканчики. Сестры Настя и Маня не отказались, как и друзья-приятели. Моей обязанностью было следить за столом. Поначалу вкушали тихо, но мало-помалу оживились, освоились, особенно приятели. Они быстро выпили норму — три стаканчика и начали собираться явно с сожалением, не решаясь нарушать обычай: не на свадьбу ведь пришли! Поэтому и уходили, со значением поглядывая на меня: «Мол, надо бы добавить!» Давно зная их, вышел с ними на веранду, где было светло от уличного фонаря. В чулане взял бутылку, достал из ведра три огурца, поставил на столе стаканчики.

— Вот это, Володь, правильно, что и себя не забываешь! — похвалил Михаил Иванович. — Артельный ты человек!

Он ещё хотел что-то сказать, но глуховатый Пал Николаев остановил:

— Потом, ёх твою мах!

Вскоре выпили по второй, осушили бутылку, Михаил Иванович, захмелев, вновь попытался что-то сказать, но его товарищ лишь отмахнулся, благодарно потрепал меня по плечу и отправился домой. Иваныч остался, льстиво улыбался и явно дожидался момента, когда обращу внимание на его улыбку и осчастливлю ещё одним стаканчиком. Когда же из двери донёсся голос мамы, позвавшей меня, я развёл руками, а он досадливо сморщился:

— Пойду, спасибо и на этом!

Вскоре, следом за «святителями», как их называли в деревне, и старушки по одной, по двое начали расходиться. Позже всех ушла Настя. Когда дом опустел, мы убрались, разобрали столы, перемыли посуду. Попив с мамой чаю, уложил её спать и вышел на улицу, где почувствовал себя теперешним местным жителем, радостно дышал морозным глуповатым воздухом, хрустел снегом.

ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ

После поминок появилась возможность сорваться в Москву, но захотелось поохотиться. Мы с братом обычно приезжали на Октябрьскую и носились по пронским полям и перелескам, успевая за день намерить десяток-другой километров. Чаше возвращались пустыми, но бывало и с зайцами. Тогда начинали их свежевать, жарить печёнку, ну и, понятное дело, выпивать, тем более что отчим охотно присоединялся к нам. Когда выходные и отгулы заканчивались, мы воз-

вращались в Москву, а Княжюю видели во снах да в воспоминаниях.

В этот раз охотничьего азарта мне хватило лишь на один день, тем более что никого не добыл. Но не расстроился — пишущая машинка не позволяла, и долгими вечерами я корпел над текстом, освободившись от Настиного храпа, а мама не мешала, не имела такой привычки. В какой-то день, когда менялась погода, я даже вызывал «скорую», а потом побывал у врача. Степенная от собственной важности врач не захотела выписывать лекарства: мол, мама давно не проходила смотровой кабинет. Но я убедил заботливого медика повременить с этой затеей и «приводом» пожилой женщины на осмотр. Врач поворчала, но сдалась.

— Какой же ты, сынок, молодец, что не отдал меня докторам, как же я не люблю к ним таскаться.

Она радовалась полученным лекарствам, с удовольствием принимала клофелин, готова была выпивать несколько таблеток, но я проверял её и укорял:

— Нельзя эти принимать помногу!

— Зато сплю хорошо!

— Во-во... Однажды заснёшь и не проснёшься!

— Ой, упаси Господь! Как же я тогда сынка любимого увижу?

В эти дни было необыкновенно хорошо с мамой, спокойно. Ещё радовало, что занимаюсь любимым делом, что всё ближе завершение романа, над которым работал каждый вечер до полуночи, чувствуя рядом родную душу. Иногда мама вдруг начинала шумно вздыхать. Думая, что она проснулась, я подходил к ней и, убедившись, что она спит, успокаивался. Накинув телогрейку, выходил из веранды на крыльцо, смотрел на колыхавшиеся в свете покачивающегося фонаря молодые запорошенные ели. Им лет десять, они набирали силу, притягивали и ласкали взгляд икрящейся снежной кисеёй, опустившейся на колючие ветви. На душе было тепло и спокойно.

После короткой оттепели вновь подморозило, выпала свежая пороша, и я не удержался — с ружьишком вышел за околицу и направился в бурьяны за фермой; недавние мечты о поездке в Москву подзабылись, и было жаль упускать возможность поохотиться. Идти всего ничего, если у фермы близ стожка недавно привезённой зелёнки зайцы изрядно наследили. Сперва хотел тропить их, но следы перепутались — не разобраться. Понимая, что совсем уж близко от фермы они не лягут, я отправился к тянувшей вдоль лощины берёзовой лесопосадке и пошёл краем её, граничащим с

полем. Здесь обычно и поднимались с лёжки зайцы, чтобы сразу развить предельную скорость и издали помахать охотнику лапкой. Я шёл, держа ружьё наготове, и план мой оказался верным. Вскоре из кустов полыни выскочил заяц и, прижав уши, пустился наутёк. Выстрел прозвучал вовремя, пришёлся по месту, и через минуту косоглазый оказался в рюкзаке. Не желая более испытывать судьбу, повернул к дому и удивил маму быстрым возвращением. Она явно не ожидала этого, а когда зашёл в дом, то увидел в кухне отгороженный простынёй угол, корыто на полу, таз на табуретке и ведро горячей воды.

— Вот и молодец, что не стал зря ноги обивать! — похвалила она, думая, что я вернулся пустым.

Когда же я положил у порога зайца, заинтересовав кошку, мама вздохнула:

— Ну и зачем загубил животное? Неужели мы голодные сидим?

Пришлось промолчать, не желая развивать ненужный разговор, ничего не изменивший бы, и приготовился свежевать добычу. Через какое-то время мама, словно чувствуя вину за поспешное замечание, подошла, посмотрела, как я снимаю шкурку, вздохнула:

— Не обижайся, сынок...

Хотя я и не обижался — не тот случай, но насупленность сразу пропала, и я сказал, оправдываясь:

— Теперь уж ничего не изменишь.

— А я собралась мыться... Может, перейдёшь в зал, и там зайца обрабатываешь?

«Сегодня же пятница! Женский банный день!» — вспомнил я, что как-то ездил в баню в субботу — мужской день. И сразу спросил:

— Мам, когда в бане-то была последний раз?

— Какая баня? Сам же знаешь, что её нет у нас.

— А в Пронске?

— Разве я дойду туда!

— А машина на что? Дорога наладилась — должны проскочить. Собирайся!

— Ой, — охнула мама, — воды зря нагрела.

— Ничего не зря — овцам поило наведём.

БАННЫЙ ДЕНЬ

Когда разделался с зайцем и вынес тушку на веранду, выгнал машину из гаража, прогрел мотор, а мама, напоив овец, собрала узелок с бельём, — мы выехали и вскоре добрались

до накатанной дороги. Не успели проехать и ста метров, мама, увидев женщину в чёрной плюшевой жакетке, попросила:

— Останови, сынок! Это — старовысоковская Аннушка. Подвезти надо!

Затормозил, посигналил, а мама засуетилась, не зная, как открыть дверь. Тогда я открыл свою, позвал путницу. Она подошла к машине, с опаской заглянула в неё. Я открыл заднюю дверь, и женщина неуклюже уместилась на сиденье. Приглядевшись, удивилась:

— Надьк, это ты, что ли, барыней разъезжаешь? Вот счастливая?

Мама сдержанно улыбнулась:

— Сынок приехал. В город меня везёт!

— Это Димок, что ли? — спросила Нюра и пригляделась ко мне.

— Володька... Уж такой желанный! — гордо сообщила мама. И похвалилась: — Не курит, не выпивает. Книгу пишет!

— Ой, страсть-то какая! Весь в Дмитрия Ивановича!

Не понимая, что делать: негодовать или рассмеяться, попросил:

— Кумушки, хватит мои косточки перемывать.

Вроде бы и шумнул, но сердиться не хотелось. Вполне понимал маму. Столько она горестей приняла от детей своих, и от меня в том числе, что теперь ей было необыкновенно приятно сообщить о том, какой хороший у неё сын, зная, что Анна растрезвонит об этом.

С попутчицей мы расстались в Пушкарской слободе около конторы совхозного отделения, куда она добиралась за какой-то справкой, а сами в первом переулке свернули налево, на Кирпичную улицу, где стояла баня. Посетителей в ней оказалось мало. Купил маме билет и проводил до двери, напомним:

— Буду здесь тебя ждать.

Она ушла, а когда появилась средних лет посетительница, попросил её:

— Присмотрите, пожалуйста, за пожилой женщиной. Это моя мама.

— Обязательно! — пообещала она.

Я сел на свободный стул, а кассир спросила:

— Откуда же вы такой заботливый?

— Из Княжой.

Похвала, конечно, приятна, но когда её слишком много, то поёжиться хочется. Да и помочь маме — обычное дело. Или у нас не привыкли к подобному вниманию, или нет

времени уделять его, и мне повезло, что оно появилось. Вышла мама минут через двадцать румяной то ли от давления, то ли от банного пара.

— Что так быстро?! — удивился я.

— А чего колготиться? Голову помыла, сама ополоснулась — и на выход, пока давление не разыгралось.

— Какой же у вас, мамаша, сын внимательный! — сообщила кассир. — Все бы такими были!

— Он меня никогда не забывает, даже теперь, когда книгу пишет!

Попрощавшись со словоохотливой женщиной, я подхватил маму под руку. В машине начал выговаривать:

— Ну не надо лишний раз людям сообщать о книге, которой пока нет. Это никому не интересно и выглядит похвалой. Некрасиво получается. Хоть с тобой на людях не появляйся!

Она промолчала, отвернулась к окну. Уж лучше бы что-нибудь сказала, а то, вижу, обиделась. Тронул её за рукав:

— Прости, лишнего наговорил.

Она внимательно посмотрела и, заметив, что я вполне серьёзен, улыбнулась:

— Вот то-то же! И не оговаривай меня. Хоть на старости лет погоржусь сыном!

Мир между нами восстановился быстро, да и не могло быть по-иному. Около дома неожиданно увидел на столбе мужика, снимавшего фонарь.

— Мам, кто это?

Приглядевшись, она узнала человека.

— Это совхозный электрик с фермы.

Я вышел из машины.

— Ваша работа? — спустившись со столба, спросил вислоусый мужик, казавшийся снизу карликом, и указал на снятый фонарь и провисший провод.

— Моя! И что?

— А то... По закону на вас необходимо штраф наложить за самовольное подключение.

— Так для всех же старался... Пол-улицы фонарь освещает, разве плохо?!

— Мало того, что воруете электричество, так ещё и противопожарную инструкцию нарушаете, и спорить со мной бесполезно.

— Ну, если нарушаю, тогда из дома проведу.

— Вот это — пожалуйста, но с соблюдением правил безопасности.

Более я не стал говорить, а электрик, нацепив на ремень «кошки», пошёл вдоль порядка.

— Эх, — вздохнула мама, — надо бы ему стаканчик поднести. Ведь он для того и шебуняет по деревне, чтобы к кому-нибудь придрататься и выпить на дармовщинку.

Мы зашли в дом, я уложил маму на кровать и сказал:

— Отдохни, а я в Пронск смотаюсь.

— Да оттуда только что.

— Всё изменилось... Куплю моток провода, выключатель да лампочек. Из дома сделаю проводку.

Во мне взвырала обида и гордость. «Вместо того чтобы цепляться к людям, развесили бы по деревне десяток лампочек, — сердито думал я. — Почти все, кто живёт здесь, работали в колхозе, а потом в совхозе. Уж такие тяготы вынесли, войну пережили, а, получается, на лампочки перед домом не заработали!» Это казалось несправедливым, и захотелось сделать по-своему. В универмаге выбора особенного не было, но всё-таки купил моток провода, мелких «стаканчиков», изолянту, шурупов. Подумал о дрели, но её в магазине не оказалось, и вспомнил, что в инструментах отчима как-то видел бурав. Сложив покупки в сумку, уж было собрался уходить, но задержался, поговорил с понравившейся продавщицей. Чем — сказать не могу, но чем-то таким, что даже сказал «до свидания», расставаясь.

— Приходите ещё! — попросила она и внимательно посмотрела искристыми голубыми глазами, словно запоминая.

Не верилось, что она так говорила со всеми покупателями, почему-то подумалось: «Сказала это только мне!» Поэтому не удержался, всколыхнувшись от её игривого настроения:

— А вас как зовут?

Она назвала своё имя, а я сразу переименовал его:

— Понятно: Незабудка! А я — Владимир!

— Вы всегда такой выдумщик?!

— Почти. Как начну выдумывать — не остановишь.

На том и расстались.

Вернувшись, более всего провозился, сверля тупым и ржавым буровым отверстием в дубовой колоде. Потом протянул провод до козырька над крыльцом, установил фонарь, выключатель в веранде, из кухни запитал новую линию током. Выключателем щёлкнул — есть контакт! Позвал маму.

— Принимай работу!

Она посмотрела на горевшую лампочку, похвалила:

— Удобнее стало, не надо на улицу выходить!

От всех сегодняшних событий: охоты, поездки в баню, возни с лампочкой, я только к вечеру вспомнил, что не обе-

дал. И, как оказалось, мама тоже макового зёрнышка во рту не держала — меня ждала. Уже в сумерках сели за стол, а позже, завалившись на диван, подумал: «Вздремну, а потом поработаю», но проспал до утра и вспомнил о зайце.

— Хватится! Половина его уж в печке томится! — порадовала мама. — Так что отдыхай.

Но разве можно отдыхать, когда творческая заноза напоминала о себе. Ничего не оставалось, как, быстро позавтракав, сесть за пишущую машинку. Пропустив вчерашний вечер, я набросился на неё, как на добычу, чтобы выплеснуть на чистую бумагу очередные эпизоды окончания, выстроившиеся в чёткий сюжетный ряд. Эмоций хватало, они даже перехватывали дыхание, когда описывал тогдашнюю жизнь своей Надежды Васильевны, её драматические и трагические переживания. Она ничего об этом не знала, а я не спрашивал ни о чём, давно воссоздав в воображении все те грозные события, свалившиеся на неё после гибели на фронте мужа. Было понятно: скажи ей обо всём этом, развороши муравейник воспоминаний, она обязательно поправит, изменит готовый план, пытаюсь помочь. Но главное, стронет собственную душу, у неё повысится давление, появятся перебои в сердце. И ведь не объяснишь ей, что план-то мой наполовину придуманный. В нём не всё происходит именно так, как происходило в её жизни. В моём воображении события выстроились последовательно, логично. Время уточнений давно прошло, особенно они терзали в начале работы, когда, будто четырёхлетний младенец, приставал с вопросами «А почему?», «А как?», пытаюсь докопаться до истины в давно минувших событиях. Изучал энциклопедии, воспоминания исторических личностей, беседовал со старожилками, сидел в архивах. В общем, провёл большую работу, прежде чем погрузиться в глубину заветного путешествия, и вот теперь оно заканчивалось, и был соблазн поскорее закруглиться в ущерб композиции. Эту опасность я вполне понимал и не мог позволить себе легкомысленного поведения. Почти неделю провёл за машинкой, редко выходя на улицу. Спал зачастую одетым — среди ночи валился на диван, укрывшись колушкой, чтобы, проснувшись, вновь накинуться на машинку.

Мама в эти дни отступилась от меня, жившего непонятной ей жизнью. Но как-то пристально взгляделась в усталые и слезящиеся глаза, попыталась оценить моё состояние.

— Сынок, ну что привязался к этой лихоманке?! Возьми ружьё — прогуляйся!

Всё правильно говорила. Я и сам понимал, что необходимо остановиться, передохнуть, чтобы не испортить концовку, и

отправился побродить с ружьишком в полях. В юности, когда жили на Хуторах, меня влекло на север от деревни, в лес и лощины, манившие таинственностью и дикими обитателями, именно там я по-настоящему понимал радость проникновения в живую природу. В полях же, кроме берёзовых посадок, покрытых пушистым инеем, ничто не могло порадовать, хотя не красота окружающего раздолья мне сейчас была нужна, а возможность развеяться, продышаться.

В МОСКВУ

После неустойчивой погоды последних дней по-настоящему подморозило. Сходил за огороды, проверил, крепко ли схватило колеи и... собрался в столицу, вспомнив о сыне, о Лене. Мама сразу переполюшилась:

— Ой, ой, как же поедешь с пустыми руками?!

И заставила зарубить двух уток. Пока гнулся в подполе, набирая картошку, она разделала птиц, опалила, благо печка топилась, завернула в тряпицу. Когда собрался уезжать, мама приуныла:

— Возвращайся скорее, не бросай меня. А как вернёшься, поросёнка заколем! Сынка поцелуй за меня. И передай ему три рубля на мороженое.

— Есть у меня деньги.

— Нет-нет — ты мои возьми. И возвращайся скорей! Буду ждать!

В Пронске позвонил подруге, предупредил, что вечером приеду. Думал, подпрыгнет на стуле от радости, но она ответила непривычно скучно:

— Давно бы пора!

По возвращении в столицу, заехал в свою квартиру, где проживал с бывшей женой и сыном Димой. Никого в квартире не оказалось. Заташил мешок картошки, положил утку в холодильник — подарки от бабушки, и помчался в Химки, зная, что Лена к этому часу должна вернуться с работы. Не виделись мы полтора месяца, и это показалось нешуточным испытанием. Ей под тридцать, живёт в однушке, долго ждала принца, но вместо принца явился я. Пока такая жизнь устраивала, но годы шли, и она мечтала выйти замуж, родить ребёнка, а я отделивался обещаниями. И нельзя сказать, что обманывал. Нет, просто, наученный опытом предыдущего брака, не хотел поспешных движений, считая, что жизнь всё расставит по своим местам. Тогда и на серьёзные поступки можно решиться, но пока не было уверенности, что мне это очень необходимо. Хотелось спокойно поработать над рома-

ном, а потом уж... Что будет потом, я не знал, да и не хотел пускаться в предсказания.

В последние месяцы после подписания договора с издательством я временами жил у Лены. Проводив её утром на работу, усаживался за пишущую машинку. За несколько дней обрастал щетиной, и, как-то заглянув в зеркало, понял, что такая внешность никому не понравится, а уж женщине тем более. Приходили и шальные мысли: «А нужен ли я ей, истерзанный думами и постоянными переживаниями? Женщины любят свежих, сильных!» В этом я убедился, когда однажды она легла от меня отдельно. Не стал ни уговаривать вернуться, ни что-то объяснять. Просто на другой день устроил выходной. Повалился в постели, потом неторопливо побрился, поплескался в ванной, чувствуя, как от воды молодёю. И очень радовался своему обновлению. Сходил в магазин, купил продуктов, приготовил ужин, а вечером съездил на станцию и встретил своё сокровище. Такое внимание она оценила и была как никогда улыбочива и весела. Да и мне радостно, что сумел создать ей настроение.

Всё это повторилось после возвращения из Княжой, но с той лишь разницей, что теперь я более думал о маме и воспринимал её вынужденное одиночество как своё. Мысли не оставляли, и я знал, что эти переживания не могли продолжаться долго. Оставалось только понять, насколько хватит моего терпения, чтобы не сорваться и уехать, не обговорив отъезд. Я вполне понимал, что может наступить такой момент, когда вход на чужую территорию будет запрещён, но и к этому внутренне был готов, и всё потому, что у меня в эти месяцы была лишь одна настоящая забота — о маме, ну и романе, конечно.

Пугливая, худенькая Лена-Елена это поняла, и ей в таком случае надо либо выставить меня, либо смириться. Она пока смирилась. Слезливый характер не позволял ей принимать резких решений. Говорила, как всегда, мягко, находясь в плену природной интеллигентности. Работала она экономистом в строительном управлении на Пресне, занимала отдельный кабинетик на втором этаже, сидела, обложенная папками с бумагами, счётами, арифмометром, имела у неё и электрическая пишущая машинка — моя мечта. Когда я заглядывал в гости, мы пили чай, а она нет-нет да поглядывала на часы, давая понять, что не располагает временем. Первое время думал, что у неё кто-то есть, но потом понял, что она не умеет быть неискренней, вся на виду: какая есть, такой и принимай. И эта жизненная установка не самая плохая.

Прожил я в Химках неделю, провожая и встречая хозяйку с работы. Это хорошо, это наполняло сердце позитивом. Но когда оставался в чужой квартире один, не находил себе места, словно кто-то запер меня в клетке. Самое страшное, что застопорилась работа над рукописью. Попусту сидел за машинкой, словно всё напрочь забыл. Обзывал себя самым глупым животным, пытался писать текст от руки, но, накропав страничку-другую, вдруг понял, что мысль уводит в сторону от сюжета, вполне может испортить его, и, осознав это, разорвал листки и постарался забыть написанное. И стало ясно, что в эти дни я жил ожиданием возвращения к маме и, как следствие, серьёзного разговора с Леной. И вот в подошедшие выходные дождался-таки монолога, хотя он походил более на реплику, состоявшую из нескольких фраз. Главная из них объясняла дальнейшие отношения:

— Мы устали друг от друга. Надо сделать перерыв! — сказала она, а у самой слёзы на глазах.

— А ты не думаешь, что этот перерыв может затянуться навсегда?

— Возможно... Но я не могу более ждать непонятно чего.

И сразу чувства во мне всколыхнулись, обида толкнула на резкие движения. Я собрал в сумку вещи, подхватил машинку и, сказав «пока», ушёл, а она даже не попыталась остановить.

В ГОСТЯХ ХОРОШО, А ДОМА ЛУЧШЕ

Через полчаса был у себя в Строгине и застал сына. Он обрадовался моему появлению, на радостях предложил ему сходить в кино, но Дима отказался, сказав, что через полчаса встречается с приятелями. Знаю я эти встречи в подвале ближайшего дома. Месяца два назад заглядывал к ним, решив провести инспекцию, и обнаружил пробитый в стене лаз в какое-то помещение, в которое взрослому не пролезть. Сыну — 11 лет, и вполне понятно моё переживание за него, тем более что его мать, с которой развёлся несколько лет назад, постоянно внушает, не желая его общения со мной, мол, «отец бросил тебя». Из-за этого я разговаривал с ней как плательщик алиментов. Не более. Сын всё это понимал, и ему не приходилось объяснять, что я всегда с ним душой, всегда о нём думаю. Когда он ушёл, я отправился в «Универсам», купил еды на ужин и завтрак, зная, что завтра помчусь в Княжую.

Утром, позавтракав, распрощался с приунывшим сыном, собиравшимся в школу и попросившим ещё привезти утку, очень понравившуюся.

— Утку не обещаю, а ветчины привезу! Да, — вспомнил я, — вот тебе три рубля — бабушка прислала на лимонад и мороженое. И от меня десяточка, — достал из портмоне красненькую купюру. — Вполне можешь тратить на что угодно. — Я не стал его разоблачать, напоминать о том случае, когда от него пахло табаком. Зачем портить отношения перед отъездом, тем более что он всё равно сделает по-своему.

— Пап, жалко, что уезжаешь. Буду ждать тебя. Бабушке привет передавай!

— Передам, конечно. Она часто вспоминает тебя, спрашивает, когда ещё наведишь.

На улице около машины расстались, по-мужски пожав руки: он пошёл в школу, а я отправился в Княжую, где ждали совсем другие впечатления, чем в Москве, к которой за долгие годы так и не привык. По пути всё-таки не удержался, заскочил в издательство, где сообщили, что вот-вот должен прибыть сигнальный экземпляр книги, а я сразу задумался: ехать или нет? Понимал, что меня ждёт мама, но и очень хотелось поддержать свою первую книгу под названием «Мягкая зима», вёрстку которой прочитал в сентябре. Называлась она соответственно теперешнему сезону, будто специально так подгадал.

Выслушав младшего редактора, принял решение с поездкой повременить. Дождаться книги и уж тогда триумфально возвратиться. Единственное, что печалило, так это мамино ожидание, но и здесь нашёл выход. Вернувшись домой, поставил машину, сходил на почту и начеркал короткое письмо, сообщив, что задержусь, что всегда думаю о ней и люблю! Опустил конверт в почтовый ящик и немного успокоился, а увидев магазин галантереи, вспомнил, что у мамы сломана гребёнка. Зашёл и не прогадал, увидев на витрине.

— Мне, пожалуйста, две! — думал, что приветливая продавщица спросит что-нибудь, но она тактично промолчала, лишь улыбнулась.

Вышел из магазина, а на душе радость, что вовремя вспомнил о маме и подумал: «Хотя от чего радость? От двух гребёнок? Да такая покупка Настиным курам на смех!» Поэтому съездил на следующий день в Шукино и купил кофту, решив, что такой подарок и везти не стыдно.

В тот же день, успокоившись, вспомнил о рукописи, и опять захлестнуло неистовство. Страничка за страничкой приближал концовку, не разбираясь в таком понятии, как день и ночь. Время суток было без разницы, тем более что короткие дни в эту пору с напёрсток. Я превратился в небри-

того, страшного человека. Как-то в комнату заглянул сын и испуганно спросил:

— Всё печатаешь?

— Как видишь. Осталось немного... — отговорился я и почувствовал себя необыкновенно неловко оттого, что не мог с ним позаниматься, и пообещал: — Вот закончу через несколько дней, обязательно сходим в кино и на каток.

— Тогда пока дай рублик на коктейль! — сообразив, что ничего более от меня сейчас не добиться, попросил сын.

Не хотелось, конечно, отделяться от него «рубликом», но обстоятельства были выше меня, и я был рад хотя бы такому повороту событий.

Любое рвение иногда требует отдыха, хотя бы относительного. Поэтому несколько дней сидел за машинкой лишь до обеда, а когда сын приходил из школы, занимался с ним. Мать его в эти часы была на работе. К вечеру, чтобы лишний раз не пересекаться с ней, я отправлялся в Дом литераторов. Встречаясь с приятелями, заглядывал в Пёстрый зал или ресторан, известный старинным интерьером и дешёвизной, где можно посидеть в кругу маститых писателей. Да, известные «портреты» встречались, только я-то мало с кем был знаком, хотя это меня нисколько не огорчало. Я верил в себя, знал, что рано или поздно, пробьюсь под согревающие лучи славы. Иначе и быть не могло, если вот-вот выйдет книга, если есть несколько публикаций в центральной печати, если на днях завершу роман. Как ни крути, а намечалась вполне очевидная дорога.

Пообщавшись с писателями, я ещё решительнее сел за машинку, доводил себя в очередной раз до изнеможения и бессонницы. Была мысль единым махом написать окончание, но нет, терпение, похожее на издевательство над собой, заставляло дописывать текст осмотрительно, без шараханий и уклонений от выстроенного в голове сюжета. И как-то так получилось, что когда по подсчётам оставалось работы на неделю, я за два дня, растерзав машинку и самого себя, завершил роман последними фразами «А снег всё валил и валил. Шла новая зима...» Была ночь, я сидел за машинкой, утирал слёзы, и всё ещё не верил, что окончил многолетнюю работу, и теперь счастье и ликование разлилось на душе. И захотелось взлететь, воспарить над всем, что есть, радуясь волшебному завершению. Я подошёл к окну.. Там, как и в романе, падал снег, и мне почему-то подумалось, что ничего в мире не происходит случайно, что все события в жизни человека связаны между собой и с природой, да по-иному быть не могло, потому что мы являемся частью её. На календаре за-

вершающийся день был обозначен седьмым декабря, и этот день запомнился навсегда, не мог не запомниться.

ОТЦОВСКИЕ ЗАБОТЫ

Наутро по привычке было подступил к машинке, но вспомнил, что на какое-то время освободился от её диктата. Долго лежал на заправленной кровати и, закрыв глаза, блаженствовал от ничего неделания. Оказывается, иногда это доставляет удивительную радость, хотя и понимал, что она приходит лишь после завершения огромной работы.

Дождавшись сына из школы и попросив его по-быстрому сделать уроки, заинтриговал:

— А потом будем делать, что захотим!

Сын согласился и тотчас предложил:

— Купим фотоувеличитель.

— Как скажешь. Давно пора. А то аппарат есть, а фотографии печатаешь у приятелей.

Он и получаса не просидел за учебниками и доложил:

— Можно ехать!

— Но с условием: после доделаешь уроки!

Сын понял, что я его хитрость раскусил, и согласился, не мог не согласиться. В этот момент он был готов на что угодно. Поехали на чопорную улицу Горького, где и купили громоздкий фотоувеличитель. Когда я расплачивался в кассе, сын подал мне десятку и, подумав, добавил ещё три рубля, решив помочь отцу.

— А это откуда?

— Сам же недавно подарил! И бабушка присылала!

— Молодец, что сохранил. Оставь деньги себе.

Накупив фотобумаги, проявителей-закрепителей, красный фонарь, возвращались, словно с удачной охоты, тем более что у Белорусского поели чебуреков. Перед тем, как сесть в такси, сын купил в киоске шоколадку «Алёнка».

— Подари бабушке, когда к ней поедешь! — как старший младшему сказал он.

— Да я куплю.

— Нет. Скажешь ей, что это от меня лично!

Мне было известно, что у сына с бабушкой особая дружба. Будучи в Княжой, узнав, что в магазине принимают посуду, сын стал ходить с ней: она за хлебом, крупой да сладостями, а он сдавать бутылки. Каждая бутылка — двадцать копеек, надо только отыскать в крапиве, куда их бросал дедушка-отчим, да отмыть в бочке. Сдал пять штук — рублик в кармане.

— Мам, не порть внука! — сколько раз укорял её.

— Этим не испортишь. Пусть с детства знает цену деньгам.

Понятно, что после таких поездок сын очень не хотел уезжать от бабушки. В сегодняшнем же походе за фотоувеличителем более всего понравилась инициатива сына с шоколадкой. Но всё равно захваливать не стал.

— Молодец, что о бабушке помнишь! — сказал скупой, а душа расцвела.

В квартире сыну сразу стало не до меня, и чтобы не мешать, я отпросился к брату, зная, что он на днях вернулся с полярной вахты. Прихватив известный напиток и конфет его детишкам, отправился в Ясенево. Встретились, поговорили о маме. Исхудавший и обросший бородой, брат порадовался, что я опять к ней собираюсь:

— Вот и хорошо! А я с жёнушкой побуду!

Понять брата можно. Всё-таки два месяца без семьи в неслладких северных условиях что-то значат. Для меня же главное, что поведалься с ним. И не более того. Потому что книг он не читал, и ему эта тема была совсем неинтересна. Вот когда разговор завели об охоте — он оживился, рассказал, как ловят в тундре белых куропаток. Оказалось, очень просто: наделают конических лунок, насыпят в них клюквы, а глупые птицы тянутся за ней и опрокидываются, а обратно уж выбраться не могут. На следующий день иди и собирай добычу, если, конечно, не поднимется метель. А если и не будет её, то от посёлка всё равно далеко уходить нельзя, одному — тем более. Поговорили и о работе на Севере.

— Я бы на твоём месте не терялся — тоже завербовался бы. Права имеешь, устроился бы шофёром и в ус не дул. Заработки там отличные! — уговаривал он.

— Эх, брат! Я почти двадцать лет кручу баранку, и заработками меня не удивишь, но иное на душе вьётся — всяко бывало! — отказался я, хотя и был благодарен ему за заботу.

Как мне теперь уехать далеко, на кого оставить маму? Как можно забыть сочинительство? Брат, похоже, не думал об этом, а для меня это было главной заботой. И никаких денег не надо. Да и была у меня работа на ближайшее время: вычитывать и редактировать рукопись, доводить её «до ума».

Мы, конечно, выпили — жена его только успевала подавать закуски. Посмотрел я на подросших дочку и сына брата, и всё бы хорошо, но нет-нет да вспоминалась мама. «Завтра же уеду в деревню! — сказал сам себе. — Сколько можно ждать сигнального экземпляра. В следующий приезд получу!» А чтобы окончательно утвердиться в принятом решении, отказался от «посошка», зная, что завтра садиться за руль.

Попрощался с братом, а утром, перед отъездом в Княжую, всё-таки позвонил в издательство и услышал ответ:

— Несклько дней книга дожидается.

Несказанно обрадовавшись такому совпадению, я оставил сыну записку, подхватил машинку, в сумку уложил пачку писчей бумаги, в отдельный конверт копировальную, прихватил канцелярские белила, подарки маме от себя и сына и выскочил из квартиры. Вскоре был в издательстве, получил книгу, показавшуюся в этот момент самой лучшей книгой в мире, сдержанно поблагодарил за хлопоты и покинул присутствие. Надо бы организовать в редакции широкое чаепитие, сполна проявить признательность, но у меня душа не лежала ни к редактору книги, ни к заведующей. Они были новыми людьми, и года не проработавшие, а когда пришли, то первым делом попытались выбросить мою книгу из издательского плана, к которому не имели никакого отношения. Заведующая отделом сказала вроде бы сочувственно, но её чёрные глаза искрились плохо сдерживаемой радостью: «К сожалению, ваша книга не состоялась!» Я, конечно, обратился к главреду, кое-как отстоял позицию, но половину заявленного объёма новоявленные маркитанты отняли, а значит, лишили половины гонорара, хотя и это не главное, главное, что обошлись по-хамски. И как мне после этого сидеть с подловатыми людьми за одним столом, говорить им какие-то льстивые слова?.. Никак невозможно! Поэтому, прикупив продуктов, с лёгкой душой взял курс на родину.

ДОМОЙ

Дорога знакомая. Уж сколько раз по ней туда-сюда мотался. Вот и теперь мчался по Рязанскому шоссе, местами по-прежнему узкому, местами расширенному. Проскочил Коломну, Рязань, впереди — Пронск. Книга лежала перед глазами на «торпед», и я не мог налюбоваться своим детищем. Да и не могло быть иначе: любой подтвердит, у кого выходили книги.

За Пронском, осторожно съехав с большака, обнаружил вполне накатанную дорогу, лишь около фермы скакнул на неглубокой тракторной колее, засыпанной растерянной соломой, и выехал на свой порядок. Около дома сигналить по привычке не стал, решив сделать маме сюрприз. Но она каким-то образом заметила меня раньше — когда разгружал багажник. Повернулся — она нерадостно выглядывает в распахнутую дверь веранды.

— Мам, вот и прибыл! — оповестил я, но увидел печаль на её лице. — Что случилось?

— На днях Настя умерла...

От неожиданности я замер.

— Что с ней?

— Старость. После твоего отъезда она ко мне вернулась. Я её испугала в корыте, обиходила. Она ведь несчастная всю жизнь была, ни от кого доброго слова не слышала. Уж сколько раз мы вместе с ней ревели на пару. Соберёмся, начнём вспоминать жизнь, и слёзы ручьём. Она ко мне перебиралась не просто так: её родная сестра давно из дома выгнала. Пока был жив Александр Иванович, то остерегалась, а как его не стало — осмелела. Да и то сказать: сестра я ведь ей. Как не приютить. А накануне смертушки пошла к себе, сказала, что будет собирать узелок. Как чувствовала свой час. В тот день не вернулась, пошла я наутро проведать её, а перепуганная Маня навстречу несётся. Всё ясно стало. Потом совхозные трактористы выкопали могилку, помогли похоронить.

— Это чего же — без поминок?

— Собрала я их у себя... Покормила... Ну ты проходи, а то застыл на полпути.

Занёс в дом машинку, вещи, а с мамой даже не обнялся из-за неподходящего момента.

— Вот, — указала она на тушу поросёнка на веранде. — Не дождались тебя, хотя и письмо получила, но ты же не уточнил, когда приедешь. А поросёнка кормить — себе дороже. Вчера мужики зарезали.

— Ну и хорошо! — я согласился с её доводами. — Завтра разрублю.

— А сейчас пойдём за стол — пшённым кулешом твоим любимым накормлю. — Она знала, что я всегда любил кулеш со свиными кишками, необыкновенно вкусными почему-то именно в кулеше. Пробовали жарить — не то, а колбасу у нас не принято делать.

— Как знала, что приеду — кулеша-то наготовила?

— Так и самой захотелось мягонького похлевать.

Прежде чем сесть за стол, выложил в холодильник колбасу и сыр, рыбные консервы, вспомнил о шоколадке, которую сын упаковал в картонки, чтобы не сломалась.

— Вот и Димок вспомнил обо мне!

— Так и есть... Прислал ответку! Вы же заединщики! А это, — развернул я гребёнки, — от меня подарочек. А то, помнится, вышла из бани с огрызком вместо настоящей гребёнки — не солидно!

Мама улыбнулась, понимая, что шучу, и обняла меня, поцеловала.

— Это ещё не всё! — и достал упакованную кофту, развернул: — Примерь!

Мама то ли от радости, то ли от стеснения залилась румянцем, но кофту приняла, сняла меховую безрукавку и померила подарок, удивилась:

— Откуда же мой размер-то помнишь?

— А чего его помнить, если он всю жизнь у тебя не меняется: 52!

— И сколько же такая стоит-то?

— Какая разница. Носи, она тёплая, как раз для зимней поры.

За столом мы неторопливо говорили о житье-бытье, а мама нет-нет да поглядывала на застеленный топчан, где лежала кофта, а я ждал момента, чтобы рассказать о книге. Представлялось: приеду, поднесу подарки, потом сядем за стол, я покажу её, а мама рассыплется красивыми словами... Но сейчас повременил с этим.

После обеда занялся иным: сбегал дважды к колодцу, принёс из дровяника охапку поленьев на завтра и для лежанки, затопил её, дождался, пока огонь загудит за дверцей, и под этот ласкающий гул, показавшийся ликующим, раскрыл *свою* книгу! Было интересно взглянуть на строчки, вышедшие из-под собственного «пера», хотя помнил их по памяти. Я читал рассказ за рассказом и не заметил, как прогорели дрова. Лишь услышал, когда вошла мама, управившаяся с птицей и овцами, и закрыла вьюшку. Заметив, что я лежу с книгой в руках, она тихо вышла, а я читал и читал. Потом вкусно запахло жареным луком, и я вышел к маме.

— Садись — картошку на печерёвке пожарила! — пригласила она и сняла с газовой плиты сковородку, разложила парящую картошку по тарелкам, подвинула ко мне солёные огурцы. И я понял, что вот теперь пора похвалиться, когда более или менее забылось печальное известие о Насте, и положил книгу перед мамой, а она впервые с момента приезда улыбнулась:

— Молодец, добился-таки своего!

— Да, мам! И это только начало. На днях завершил роман — это тоже для меня событие!

— Эх, мучаешь себя, парень! Нет бы отдохнуть, пока не работаешь, а ты с машинкой своей не расстаёшься. Как там Лена?

— Нормально. Что ей сделается! — не стал огорчать маму подробностями нашего расставания.

— Жалко мне её, какой год ждёт, когда сделаешь предложение, да разве тебе до этого! Ты со своими книгами безумным стал!

Я промолчал, зная, что если что-нибудь скажу, то не услышу ничего одобрительного. Не дождавшись ответа, мама вздохнула, перевела разговор:

— Поросёнка-то завтра, что ли, разделаешь, пока он не захряс? Или опять за машинку засядешь?

— Сказал же — роман закончил, теперь могу и дурака повалять. А хрюндель завтра никуда не денется.

МАМИНЫ РУКИ

Всё так и произошло утром, как было задумано. Но прежде я повалялся в постели — захотелось после стольких славных дел расслабиться и побаловать себя ленью. После лёгкого завтрака наточил топор, затащил тушу в кухню и, подложив доску, начал рубить с ног и головы. Потом отхватил зашеину, рассёк бесчувственного Борьку по хребту, и каждую половину на три окорока. Вырезал из них кости, подстелив клеёнку, уложил окорока на полу, а мама натёрла сало, называемое у нас ветчиной, крупной солью, потому что вместе с салом принято засаливать и слой мяса. Один окорок осыпала чесноком — на любителя. Всё. Был Борька — и нет его. На обед я накрутил мяса для котлет, и, пока они жарились на плите, мама достала из печи два чугунка: один с грибным супом, другой с тушёной на свиные солянку.

— Ну вот: мясо с мясом будем есть! — сказал я за столом, когда мама подвигала ко мне то одно угощение, то другое.

Наблюдая за её руками, не мог не заметить, какие они натруженные, с бугристыми суставами. Уж сколько они переделали за долгую жизнь разных, порою грязных работ, отчего пальцы были в заусенцах, ногти неровные, и пришедшая мысль как уколола: «Ведь ничего не стоит распарить её руки в тёплой воде, аккуратно постричь их и просто прикоснуться, передать своё тепло!»

От такой мысли у меня и на сердце потеплело, почему-то вспомнились прежние времена. Ведь маму в Княжой всегда считали культурной, да и было отчего: жена главного инженера завода! Какая жительница могла похвалиться таким положением? Вот только мама никогда не хвасталась, никогда скромность не покидала её, а более даже стеснительность. Почему-то особенно запомнилось, как она вела себя в гостях за общим столом. Уж, бывало, вся искраснеется, не зная как взять вилку. Самый для неё лучший вариант — вообще ни к чему не прикоснуться. Положит перед собой пирожок и весь вечер стесняется поднять глаза. Папа уж и не об-

рашал на это внимание, а если обратит — вообще беда. Могла подняться и уйти.

Напомнил ей об этом и сказал, что у культурного человека руки должны быть ухоженными, а она сразу отмахнулась:

— Какие есть. Я с малых лет в работе. Ты-то тоже дурака не валял, особенно когда Дмитрия Ивановича не стало.

И я вспомнил, как в то лето впервые заработал денег, обозначая тяжёлой геодезической рейкой точки на плане, по которому на дальней окраине Пронска наметили строить новую ферму. Маркшейдер, с кем я работал, оценил мои дневные старания в пять рублей. Принёс я их маме, получив в совхозной кассе, а она прослезилась.

Напомнил ей сейчас об этом.

— Молодец! С тринадцати лет начал деньги зарабатывать. Я-то только в сорок узнала, что это такое — получить казённые денежки.

— Ты же всю жизнь в трудах, а начала лет с восьми нянькой в Пронске! — напомнил ей.

— Это так. Только деньги за меня получала матушка, а потом я полжизни в колхозе горбатилась, пока руку не сломала, да только там с нами расплачивались не золотыми червонцами, а натурпродуктом — соломой, зерном, иногда немного сахару дадут. Как хочешь, так и живи. Лишь в сорок лет получила первую получку деньгами. Под Москвой это было, куда мы переехали из Литвы. Устроил меня твой отец на водокачку дежурной. Работа простая: лампочка на башне водокачки загорелась — иду включать мотор. Через двадцать минут она погаснет — мотор выключаю и возвращаюсь в барак.

— А что — чистая работа, и не переломишься!

— Это верно. Только по работе и платили. Помню, в первую получку за неполный месяц отхватила 167 рублей тогдашними деньгами и две облигации займа по десять рублей навязали, а всё равно радость невозможная. Растерялась, не зная, что дальше делать. Вышла из конторы, а на улице увидела Дмитрия Ивановича и разревелась от счастья. Он удивился и долго смеялся, узнав причину, даже подковырнул:

— Надо первую получку обмыть!

— Обмыли?

— «Обмыли»... Накупили конфет, пряников — всей семьёй устроили чаепитие.

Я всё это ясно представил, глядя на мамины руки. Поэтому после обеда молча нагрел небольшой тазик воды, позвал её из спальни, усадил напротив себя. Она сперва не поняла, что я затеял, но когда опустил её руки в воду, отдёрула их:

— Зачем?

— Мам, пора ими заняться. Давай-ка подстригу коготки, заусенцы почию.

— Нет-нет, — запротестовала она. — Я не барыня какая, чтобы возиться со мной. Лучше в баню отвези.

— И в баню отвезу. Ну, и чего ты противишься-то?! Ведь всю жизнь за нами горшки таскала, давно пришла пора и детям о тебе позаботиться!

Она смотрела испуганными и удивлёнными глазами, словно не могла поверить в сказанное. Мои простые слова показались ей, видимо, настолько необычными, что она вдруг затряслась от всхлипываний. Она не рыдала в голос, а, скукожившись, склонила голову, словно стеснялась на меня взглянуть, и торопливо смахивала мокрыми руками со щёк слёзы. Говорить в этот момент я ничего не мог, да и не нужны были сейчас слова. Ведь напомни ей, что она перенесла в войну, какие тяготы и лишения испытала, растя детей, она ответит словом о несостоящем: «Не я одна, все так!» Поэтому просто подсел к ней и обнял за плечи. Так и сидели, пока она перестала вздрагивать, а я попытался окончательно успокоить её:

— Мам, всё хорошо, всё нормально же...

Пока её руки отмокали в тёплой воде, я успел поточить ножницы и начал палец за пальцем аккуратно постригать маме ногти, остерегаясь резануть «с мясом», потом подвернувшейся щёткой прошёлся по ним. Пальцы не очень-то слушались, а на левой, когда-то сломанной и плохо сросшейся руке, пришлось приспособливаться, добираясь до того или иного ноготка. Полегоньку-помаленьку все подстриг, вот только пилочки не имелось, и ободки остались, но всё равно стали почти незаметными без заусенцев. Ополоснув, я промокнул руки полотенцем, смазал своим кремом после бритья, и они стали мягкими, душистыми. Я держал их перед собой и любовался ими, радовался удавшейся задумке.

— Ну, всё, сынок, хватит. Мне надо картошку на вечер чистить! — застеснялась она.

— Не позволю! Хотя бы полдня ничего не делай! Ну, пожалуйста, мам! — вполне серьёзно попросил я. — Вот с завтрашнего дня занимайся, чем хочешь, а сегодня ты барыня!

Уж не знаю, что мама подумала, но молча вздохнула, улыбнулась:

— Тогда сам чисть, если напросился. Голодными нам, что ли, сидеть?!

— И почищу, и птицу накормлю, и овец!

И действительно не позволил маме ничего делать: ни до ужина, ни после, даже сам помыл посуду. И вдруг стал замечать, что она будто бы привыкла к праздности. Ходила из кухни в комнату, заглядывала в спальню, перебирала вещи в сундуке и постоянно поглядывала на свои руки, а потом и вовсе уставилась в зеркало. Она заметила, что я улыбнулся, пошутила:

— Губы, что ли, накрасить?!

— А что, мам, попробуй!

— Рада бы, да нечем. Да и ни к чему, а то привыкну лентяйничать, тогда заголосишь с голоду.

Мы весь вечер шутиливо переговаривались, а потом мама по привычке приняла клофелин, а я стал дочитывать книгу.

КОНФЛИКТ НА РОВНОМ МЕСТЕ

Утром выпала пороша. Как удержаться, чтобы не побродить с ружьём?! Даже завтракать не стал, лишь выпил стакан чаю. Когда собрался, мама попросила:

— Ты хоть зайцев-то пожалей! Пусть себе по полям носятся. Мяса у нас и без них хватает!

О зайцах в это утро я думал менее всего. Действительно, что они плохого сделали? Меня вдруг поманил простор, открывающийся сразу за огородами, дальше перекрестье заснеженных увалов, полого спускающихся к долине Прони. Если недавно смотрел на заснеженные поля и ничего не видел в них привлекательного, то теперь захотелось подняться на одно из них и заглянуть до самого дальнего синего горизонта, незаметно сливавшегося с заснеженной равниной. Снега к этому дню намело изрядно, он успел уплотниться, поэтому нацепил лыжи. Захотелось идти и идти, неведомо куда и зачем, но всё-таки поставил задачу дойти до Прони. Почему именно до замёрзшей в эту пору реки? Да потому, что без какой-то цели невозможно жить. Она необходима в любой задумке, даже в самой несложной.

Словно повинувшись указанию мамы, я даже не загонял патроны в столы ружья. Мне действительно в это утро не хотелось охотиться и отвлекаться от созерцательности, на которую сам же себя и настроил. «Так что живите, зайцы, радуйтесь моему хорошему настроению и благодарите свою заступницу! Когда ещё вам так повезёт?» — окончательно решил я.

Дойдя до заснеженной реки, постоял, повспоминал, как здесь купался летом, охотился осенью в зарослях камыша и куги, и повернул назад. И впервые за последнее время не спе-

шил, не глядел на часы. Некуда торопиться. Это было так удивительно и необычно, что я неспешно скользил и скользил по лыжне вдоль лошин, не чувствуя усталости.

Когда, вернувшись, пообедал, захотел полистать книгу, но не увидел её около машинки.

— Мам, где «Мягкая зима»?

Она ничего не ответила из спальни, явно затаилась, а потом неслышно вышла, призналась:

— Ой, Вовка, не ругайся! Когда ты на охоту затопился, я в магазин ходила... Нашу книгу бабам показала, а продавщица ухватилась — попросила почитать. Завтра отдаст.

— Похвалиться, значит, захотела?

— Не похвалиться, а погордиться! Что же мне, сходить и отобрать? Стыдно ведь...

— До завтра, так до завтра. Главное, чтобы не зачитала. Ведь эта книга у меня одна, называется сигнальным экземпляром, и в магазинах её пока нет. Вот когда появится в продаже, тогда накуплю, сам буду раздашивать.

Мы вроде бы договорились, а на душе всё равно было неуютно, словно родного ребёнка отдали в чужие руки. Остаток дня тосковал по книге, а утром отправил маму к продавщице:

— Иди и пустой не возвращайся! — приказал я, понимая, что так сердито не надо бы разговаривать, но ничего не мог с собой поделать.

Когда рассвело, мама затопилась к Валентине до открытия магазина, ведь открывала она его, особенно зимой, часов в десять. И не сразу вернулась. А пришла расстроенная, и молча отдала книгу. Потом укрылась в спальне и долго не выходила. Я заволновался.

— Мам, что опять случилось-то? — спросил, по-настоящему переживая.

— Дай лучше таблетку от давления — кровь в висках дукает!

Принёс таблетку, воды. Она выпила и посмотрела на меня с превеликой укоризной, вздохнула:

— Зачем же позоришь-то меня?

— Это как?!

— А так... Мне теперь будет стыдно в магазине появиться. Не знала, что о Мане и Пете написал. Не думала, что меня так ославишь!

— Да ничего не писал я о деревенских, а если что-то и было, то под вымышленными именами.

— А как же Маня с Петей? Они-то чем провинились перед тобой? Теперь все узнают, что о Настинной сестре насочинял!

И я вспомнил рассказ, где герои — доверчивая простушка Маша и змей-искуситель Петя. Причём, у нашего деревенского Пети фамилия иная, а фамилия Маши лишь соответствует деревенскому прозвищу Мани. Когда сочинял, то совсем забыл об этом, потому что не имел их в виду. И вот теперь, всё вспомнив, действительно почувствовал себя неловко и начал оправдываться:

— Кроме продавщицы, никто и не узнает об этом.

— Она такая языкастая, каждому доложит. И как мне теперь по деревне пройти?

— Обычно. Иди и не думай ни о чём. Мало ли что и где написано. Да и доказательств никаких нет.

Она поняла, что я её успокаиваю, отвожу от себя гнев, и решила оставить слово за собой:

— Что бы ты ни говорил, а пора тебе взяться за ум и перестать греметь этой лихоманкой, — и указала на машинку. — Вот привязался, вот привязался-то! Э-эх!

«Мама-мама, знала бы, что написал о тебе в романе, — подумал я. — О твоих переживаниях, мытарствах, слезах. И пусть ничего зазорного в этом нет, и многое ты сама же рассказывала, вспоминая долгую и нерадостную жизнь, но как мне пропустить мимо ушей, мимо своего сердца все твои страдания, ставшие и моими страданиями?!» Поэтому постарался сгладить её ворчание, чтобы окончательно не расстраивать:

— Нет, мам, теперь это выше моих сил. Видишь стопку бумаг? Не зря же я отдал работе над текстом много лет. Единственное, что могу обещать, так это то, что буду более вдумчивым, имея в виду земляков.

— Ну, хотя бы успокоил, а то уж и дышать нечем было.

Более или менее отношения прояснили, а мне вспомнилась чередка героев, большинство из которых имели деревенские прототипы. И хорошо, что роман не вычитан, это лишь предстояло сделать, кое-что поправить, и пусть осечка с Маней и Петей будет уроком.

ЧАРЫ НЕЗАБУДКИ

На следующий день мама забыла о «разборке», а в пятницу вспомнила о бане: сама напросилась, помня, как мы быстро добрались до Пронска в прошлый раз. Дорога к этому дню окончательно накаталась, поэтому мы собирались с лёгкой душой. Мама надела любимое и единственное тёмно-зелёное зимнее пальто с чёрным воротником из крота, новую кофту, тёмно-коричневую лёгкую шаль, новые валенки с бле-

стящими галошами. Служительница нас едва узнала, похвалила «Вот молодцы», продала билет, а перед тем, как маме скрыться за дверями, я сказал ей:

— Пока съезжу — лампочек куплю.

— И хлеба свежего не забудь.

Уже на ступеньках магазина вспомнился мимолётный взгляд продавщицы, вспомнилось и то, что называл её Незабудкой, а когда увидел к своей радости вновь — налился неудержимым весельем и всегдашней привычкой подшучивать. Подойдя к прилавку, поздоровался и спросил:

— Сто лампочек имеются в наличии?

Она замерла, словно ослышалась, и восприняла вопрос вполне серьёзно, замялась:

— Сто, наверное, не будет. Их быстро разбирают..

— Хотя бы пяток-то найдётся? — попросил я, мило, как мне показалось, улыбнувшись.

— А вы шутник! — улыбнулась она в ответ, раскусив меня.

Этой шутки оказалось достаточно, чтобы разговориться. Покупателей было мало, нам почти никто не мешал и, нахально разглядывая женщину, исподволь рассматривавшую меня, я очень быстро узнал, что она растит дочку, в прошлом году развелась, и от её значительных откровений у меня заколотилось сердце. Чтобы не упускать возможность и ловко использовать взаимное настроение, спросил:

— А что сегодня вечером делает Незабудка?

— Она забирает дочку из садика и воспитывает её.

— А завтра?

— Завтра после обеда дочка поедет к бабушке на выходные отдохнуть от мамы...

— И?.. — нахальничал я. — Может, чаю попьём?!

— Можно... — она неожиданно охотно поддержала, внимательно и пронзительно посмотрев в глаза, и, чуть застеснявшись, слегка прикрыла ресницами синие глаза с чистыми белками.

Уточнили время, место и я, высоченный, гордо пошагал к выходу. Садясь за руль, вскользь заметил, что Незабудка смотрит из-за морозных узоров широкого окна. Что она думала в этот момент — бог весть. Главное, что встретимся. В фантазиях в этот момент рисовались самые буйные картины, родившиеся от прилива сил, ведь прошла неделя, как я бездельничал, и за это время отдохнул, отоспался.

Мама ожидала, разговаривая с кассиршей (значит, я долго всё-таки болтал с Незабудкой), и сразу заметила моё изменившееся настроение, а я вспомнил, что забыл купить хлеба и честно признался.

Мы заехали по пути в слободской магазин, а после взяли курс на Княжую. Обычно-то я не особенно разговорчивый, а тут разболтался, чем заставил маму подозрительно посмотреть.

— В кафе не заезжал? — спросила она, намекая на выпивку.

— Нет. Одноклассника встретил, немного поговорили.

Пришлось соврать, но я и враньём-то не считал поспешные и, наверное, не очень убедительные слова, но мама успокоилась. Когда вернулись, она начала собирать обед, я же принёс из колодца воды, дров, птице вынес таз распаренного комбикорма, охাপку сена овцам, напоил их — старался избавить маму от привычных хлопот. За обедом она почти не ела и отправилась полежать. Я не удерживал, зная её не лучшее состояние после бани. Сам же поел наваристых щей, жареной на свинине картошечки, плавающей в жире. И, как ни странно, тоже завалился спать. Ведь красота же, когда есть возможность полентяйничать, не всегда же изнурять себя мыслями и бесконечной работой. Хотя мысли были: о завтрашней встрече! Когда стемнело, включил уличную лампочку и долго ходил по пустынному порядку, как праздный дачник. После ужина мама приняла лекарства, улеглась спать, а мне не спалось от будоражащих мыслей.

В наступившем дне они были только о Незабудке. Я искал подходящий повод объясниться с мамой, но ничего не мог придумать, кроме поездки в баню. Тем более что наступила суббота — мужской день для посещений — очень убедительная причина. Понимая, что с Незабудкой предстоит чаепитие, хотел запастись сладостями в нашем магазине, но благоразумно передумал, зная, что продавщица обязательно доложит, кому следует. Решил купить по пути. Когда же начал собирать смену белья, мама насторожилась.

— В баню хочу съездить — всё тело чешется! — драматично пояснил я.

— Съезди, чего не съездить, а то коростой зарастёшь... — нехотя согласилась она, не особенно веря в моё признание.

Легко пообедав, я поехал с таким расчётом, чтобы в сумерках быть у больницы — месте нашей встречи. Почему у больницы? Незабудка не захотела, чтобы машина «светилась» около её дома. Пронск — не большой город, где множество машин и никто не замечает, кто к кому приехал. В таких маленьких городках слежка — любимое занятие. Перед баней заехал в слободе в магазин, где вчера приметил десертный крымский портвейн, и начал покупки с этого напитка. Подавая бутылку, продавщица обтёрла рукавом халата горлышко от пыли, извинилась:

— Дорогой, редко берут...

К портвейну я купил конфет, пряников, мармелада и взял курс на баню. Что ни говори, а в ней бывал редко, живя в городе, где всегда горячая вода, а здесь это не самое плохое занятие. Впрочем, недолго я обливался струями пронской воды. В парилку так и вовсе не пошёл — не любитель, да и какой смысл доводить себя до изнеможения и попусту тратить силы.

И вот я подъехал к больнице, и у ворот появилась фигурка женщины. Она — Незабудка! Вышел, поздоровались. Поговорив, оставил машину недалеко от входа в отделение «скорой помощи», и мы пошли под гору к частному дому, где она жила.

— Ты не подумай чего-то плохого, но машину будем оставлять в стороне, а то подростки озоруют: увидят с чужими номерами — могут шины проколоть. А у «скорой» всю ночь разные машины мелькают, — пояснила она.

— Ох, уж эти шкоды, нигде нет от них спасения! — усмехнулся я, поняв её объяснение, наверное, не так, как ей хотелось.

Дальнейшее было ожидаемо. Привычный к многостраничным подробностям, я мог бы всё это изложить с описанием интерьера, романтического портрета и поведения голубоглазой Незабудки — невысокой, ладной и опрятной, будто светившейся от чистоты и ухоженности, но зачем гасить вспыхнувшее читательское воображение. Чтобы совсем уж не оскотить чьи-то фантазии, скажу лишь о том, что если бы не надо было возвращаться к маме, я бы и не уехал. Но в какой-то момент сорвался и помчался к ней, представив, как она переживает, не зная, где сын, и поэтому наверняка не спит. В этот момент меня никто не смог бы удержать, даже Незабудка. Всё ей напоследок объяснил и поцеловал, расставаясь.

На часы взглянул, лишь подъезжая к дому: почти полночь! Вот это да! Как же будить маму в такой час, чтобы она открыла дверь? Но подъехав, увидел в спальне неяркий свет, а когда, осветив фарами полдеревни, загонял машину в гараж, свет вспыхнул во всём доме.

Мама встретила в двери веранды. Ничего не спросила, не стала укорять за долгое ожидание, лишь произнесла со значением:

— Мя-у-у..

Я не понял её, а она дважды повторила:

— Мя-у-у, мя-у-у — котик нагулялся!

Как тут удержаться от смеха.

В доме она ничего не стала расспрашивать, лишь сказала:
— Ужин на плите... — И пошла спать.

Уснула быстро, а я ворочался и ворочался, вспоминая сегодняшней вечер, показавшийся тёплым, сладким, запоминающимся. Давно не выдавалось такого. Думаю, и Незабудка радовалась неожиданному приключению. Поэтому очень не хотела меня отпускать, но, вняв доводам, проявила капризность: «Утром буду ждать! А то потом мама дочку привезёт — не разгуляешься».

Наступившей ночью я будто и не спал. А проснувшись утром, вскочил и, не завтракая, чем немало удивил матушку, ехидно спросившую: «Опять, что ли, в баню?», выскочил из дома. Ничего не стал объяснять, да и чего молотить языком, когда ещё вчера она всё поняла.

Вернулся от Незабудки, когда день заканчивался. Сразу натаскал из колодца воды, дров из дровяника. Хотел инициативой замаслить матушку, выглядевшей насуплено. Когда разделся, она всё-таки спросила:

— Обедать-то будешь или в гостях похарчился?

— Буду, мам, буду! Всё, что есть в печи — всё на стол мечи!

Пообедав, отправился на диван — любимый предмет домашнего интерьера. Мама сперва не тревожила, а потом всё-таки не утерпела и спросила:

— Завтра-то опять поедешь?

— Не, ма, буду книгой, как ты говоришь, заниматься. До следующей банной субботы.

— Ну и хорошо! Подольше поживёшь, хотя теперь не до меня, — смирилась она, радуясь, что пока не собираюсь в Москву, а со мной, как давно понял, ей спокойно.

Какое-то время мама ходила из спальни в кухню и обратно, словно хотела что-то спросить, да не решалась. И всё-таки подошла.

— Вот о чём хотела узнать-то?

— О чём? — засыпая, переспросил я.

— О Лене... Что скажешь-то ей, когда приедешь?

— Ничего не скажу.. Ушёл я от неё. Вернее — она сама вытурила.

— И правильно сделала. Уж сколько лет ей голову кружишь. А чего добился?

— Мам, да не добивался я ничего. У неё своя жизнь, у меня своя. Не для того с женой развёлся, чтобы теперь потакать женским прихотям! Не устраиваю — до свидания. Всё, вопрос закрыт!

— Ведь так и пробросаться можно. Устареешь, кому будешь нужен?! — укорила она, но я не ответил.

«Выяснив отношения», мама сникла, а я после короткого разговора проспал без сновидений до утра, а после завтрака положил рукопись перед собой, зарядил машинку бумагой на тот случай, если придётся менять уж слишком вымаранные страницы, и начал вычитывать. Это совсем другая работа, отличная от работы над черновым вариантом. Редактирование всегда доставляет удовольствие возможностью проявить вдохновение и поиском незаезженных слов, стилистических оборотов. Ведь это такая радость: что-то убрать, что-то дописать или перестроить предложение, добываясь чёткого звучания; когда же читаешь вслух, то все огрехи проявляются, будто сами по себе. Это ли ни счастье — услышать их и исправить! За месяц вполне по силам справиться с этой работой, а потом поеду в Москву. Пообщаюсь с сыном, отдам рукопись машинистке и буду пристраивать роман в какое-нибудь издательство, пробежусь по редакциям журналов с рассказами, побываю на творческих вечерах, встречу с товарищами. После чего вернусь в Княжую, чтобы не оставлять маму надолго. Пока не до конца было понятно, как это будет происходить, многое будет зависеть от обстоятельств, но всё сделаю для того, чтобы скрасить её одиночество.

Подогрев себя мыслями, я читал страницу за страницей, вносил правку, а возникавшие вопросы записывал на отдельном листочке, чтобы потом побывать в районной библиотеке и покопаться в книгах, уточнить возникшие вопросы. Неделя за чтением пролетела незаметно, и вот уж банный день на носу. Мама в пятницу отказалась ехать в баню, зато я заранее сообщил о своих субботних планах. Она ничего не сказала, ничем не упрекнула, видимо, зная, что отговаривать от поездки бесполезно. Собираясь, предупредил, чтобы она закрылась и спокойно спала до утра.

— Мам, уж ночку-то побудешь без меня?! — спросил я, извиняясь.

— Езжай-езжай, всё равно ведь не удержу.

И я помчался в Пронск, прихватив кое-чего к столу. Встретился с Незабудкой и повторилась недавняя история, с той лишь разницей, что теперь она выглядела прелестнее и казалась слаще, чем неделю назад. Любовался ею, что-то ласково говорившей и мило улыбавшейся, и мог улыбаться в ответ бесконечно.

Когда собрался следующим днём домой, зашёл разговор о встрече Нового года:

— Надеюсь, что вместе будем? — спросил я.

— Я бы рада, но не получится. На днях сестра приезжает с мужем и детьми — все соберёмся у мамы.

— Мама — это святое, — согласился я неопределённо, не зная, что ещё сказать.

С этой неопределённостью, не особо радостной, и уехал. И всё бы ничего, но когда вернулся, моя Надежда Васильевна неожиданно спросила, будто знала о моём разговоре с Незабудкой:

— Где будешь Новый год-то встречать?

Поэтому поспешил обрадовать:

— Вместе, мам, встретим!

— И даже в *баню* не поедешь?

— Не, мам! Разве тебе плохо со мной

— Мне-то куда с добром, да только тебе скучно будет.

— А ты не думай обо мне. Ведь сама говорила: «Мать у сына одна, а жён может быть много!»

Довод оказался беспроницаемым, и я сменил тему разговора, словно убедился, что никак не могу повлиять на сложившийся ход событий, а если это выше моих сил, то и не стоит противиться им.

Через день, не желая попусту терять время, поехал в библиотеку — снять накопившиеся вопросы по рукописи. Часа три провёл за толстенными томами, вчитываясь в историю минувшей войны, делая записи в блокноте. Даже спина заняла, хотя накрылся шубейкой, опасаясь подмёрзнуть в прохладном читальном зале. Вскоре попрощался, поздравил библиотекарей с наступающим Новым годом. Если в библиотеку ехал переулками, то обратно — центральной Первомайской улицей. В какой-то момент была мысль заглянуть к Незабудке, но сразу же, пытаясь заглушить в себе обиду, подумал: «Что ей скажу, чем обрадую? Ведь всё решили: она сама по себе, я сам по себе!» Собрался просквозить мимо, но остановился, увидев, что здание универсама огорожено, стёкла в нём закопчены и полопались. Остановился.

— Что тут было? — спросил у двух женщин, что-то обсуждавших.

— А разве непонятно?

— Никто не пострадал? — спросил, вспомнив знакомую.

— Ночью горело... Слава Богу, никто!

Вернувшись в Княжью, рассказал о пожаре маме. Она сразу всколыхнулась:

— А я же вещи сдала в комиссионный?! Всё сгорело теперь?

— Тебе-то какая разница: сгорели или нет. Ещё неизвестно, купили бы их, а если сгорели — без проблем деньги получишь. Квитанция-то цела?

— А как же. В серванте лежит.

— Ну и не думай об этом. После праздников разберёмся.

Накануне Нового года мною были забыты волнения последних дней, и я почувствовал себя иным человеком, начал готовиться к празднику: срезал веточку у ёлки и поставил в банке на столе в зале, сходил в магазин, купил конфет, пряников, бутылку настойки. К вечеру с мамой настрогали салата, картошечку пожарили, ну и разносолов из погреба подняли. В привычное время мама приняла таблетки и легла полежать, попросив толкнуть перед полночью. Я пообещал, и какое-то время сидел за рукописью, коротая время. В половине двенадцатого подошёл к маме, хотел разбудить, но чувствуя, как она крепко спит, не решился.

Сел за стол, выпил рюмку за старый год, потом, после новогоднего поздравления и боя курантов, за новый. Вскоре выключил телевизор и вышел на улицу, подумав, что мама может проснуться от шумного телевизионного веселья, и тогда станет стыдно за неумение сохранить её покой. Ведь теперь я обязан быть ответственным, если выпало счастье находиться рядом и заботиться о ней. Это прежде легко приезжал и уезжал, будто мамина жизнь протекала сама собой. Теперь всё изменилось, и я знал, что без меня она превратится в заброшенного и несчастного человека, а редкие письма лишь обострят нескончаемое ожидание, когда не с кем словечком обмолвиться и в глаза посмотреть некому. Будет милая матушка томиться и разрывать сердце ожиданием неопределённого дня, когда соизволю навесить.

На дальнем порядке шумела компания, а у нас — тишина и уют. Мне казалось, что я всегда буду остерегать покой мамы, как преданный стражник. От этого стало тепло на душе, спокойно. Нагулявшись, осторожно вернулся, послушал, как она дышит, и устроился спать с лёгкой совестью.

Утром увидел маму печальной.

— Что случилось?

— Почему же не разбудил-то меня?

— Ты так хорошо спала, что не решился потревожить.

— Нет, не годится это, парень! Совсем из меня эгоистку сделал. Где это видано, чтобы молодой человек от одиночества тосковал в новогоднюю ночь? Я знаю, кто в этом виноват. Я и виновата. Так что собирайся домой. Тебя сын ждёт не дожётся, да и Лена осталась неприкаянной. Глядишь, не всё потеряно. А мне совестно держать тебя на привязи. Помог в трудную минуту, не бросил — спасибо!

— Как же обходиться-то будешь? Одна, зимой?

— А что мне поделается? Кого бояться? Лампочка ночами горит, день начал прибавляться — скоро весна, грядки — новая жизнь закружится. Будет скучно, Маню позову. Пусть живёт до твоего приезда. Ведь ненадолго же уезжаешь, ведь так?

— Мам, как я могу?

— Вот и хорошо. Ты ведь желанный. Не переживай. Будет и у тебя праздник!

Я обнял её и не знал, что сказать. Она приняла молчание за согласие и подсказала:

— Сегодня отдохни, а завтра отправляйся с Божией помощью!

Моя душа в этот момент будто раскололась надвое, но возразить я не мог, и принялся готовиться к отъезду. Из сарая перетаскал на заднюю веранду ворох дров, водой заполнил свободные посудины. На следующий день, когда начал сборы, мама вынесла к машине тяжёлый ломоть ветчины, завернутый в наволочку:

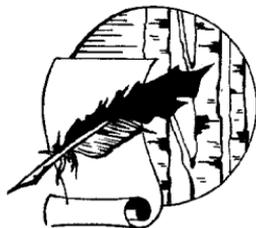
— Возьми своим. Как без подарка явишься?!

— Много!

— Бери-бери — большому куску рот радуется. А теперь присядем на дорожку.

— Мам, всегда с тобой буду! — сказал я на лавочке перед палисадником и почувствовал, как сжалась душа, и дыхание перехватило, и не было сил посмотреть в её печальные глаза, словно, уезжая, совершал что-то невозможно постыдное.

Она перекрестила меня, и через минуту я был за рулём и осторожно выехал за деревню. Пробиваясь через змеинные полосы позёмки и снежные перемёты на шоссе, засветло успел добраться до Рязани. Я уезжал, чтобы возвратиться, но всё равно за Рязанью навалилась тоска, захотелось обнять маму, быть с ней рядом и никогда-никогда не расставаться, но машина уносила меня всё дальше и дальше.

Иван ЩЁЛОКОВ

СОЗРЕВАЕТ ШИПОВНИК...

* * *

Ничто тебя не сделает счастливым:
Ни куча денег, ни высокий пост.
Чины — полова среди сжатой нивы,
Богатству путь заказан на погост.

Милее сердцу золотые слитки
Берёз осенних рядом с большаком
Не с Чичиковым в сумрачной кибитке —
С доверчивым в телеге мужиком.

С ним не с руки трепаться по безделью.
Он сам себе вожжа, дуга и гуж.
Навоза дух честней, чем запах денег:
В нём плоть земли — там тлен от мёртвых душ.

* * *

В том краю, где меня не увидишь,
Не коснёшься губами щеки,
Зацветают старинные вишни
Над обрывом у самой реки.

Даже ветер залётный, пацански
Демонстрируя юную статью,
В лепестково-вишнёвое царство
Прокрадётся тебя целовать.

В том краю ты меня не узнаешь,
Обойдёшь этот сад стороной.

И устелет вишнёвая завязь
Завитушки тропинки пустой.

Следом ветер, пацан-забияка,
Зря блудивший в густом вишняке,
Из цветущего вырвется мрака
И с обрыва сорвётся к реке.

* * *

Созревает шиповник — в разгаре сентябрь.
Первый лист золотится по дачным делянкам.
Я ещё не остыл от горячей поры, не озяб
От прохлады осенней с ночным полустанком.

Я ещё поклоняюсь мгновеньям любви,
Как шиповник, впиваюсь колючками страсти
В полустаночный сумрак, в объятья твои
И в плацкартное место с билетом на счастье.

И пускай мне кричит уходящий состав:
Полустанок — всего лишь минутное чудо,
Упаду я шиповником в заросли трав,
Чтоб уже никуда не уехать отсюда.

СНЕГ

Здесь шёл мой снег.. Шёл только для меня,
Томил небесным выдохом и чувством.
Душа на голос в холод из огня
Брела монахом в снеговую пустынь.

Всё путалось: сегодня и вчера,
Любовь и страсть, разлука и прощенье...
Снег шёл и шёл на поиски добра,
В орбитах зла заполучив вращенье.

Снег мною был: он смахивал лицом,
Осанкой, взглядом, и, конечно, духом.
Снег Богом был — я был ему Отцом,
Всевидным Оком и Всеслышным Ухом.

Спал мир многоэтажный в белизне,
Ни стон, ни вздох не отпустив наружу.
Снег шёл и шёл... Он шёл сейчас во мне
С надеждой тайной успокоить душу.

* * *

На фоне чахлого разлива
И затянувшейся весны
Качают вербы терпеливо
Клоки лохматой тишины.

Гогочут гуси у соседа.
Толпятся зори у болот.
И я чуть свет куда-то еду,
Минуя нужный поворот.

Короткий сон, смешная трата
Ума и сердца... В колесе
Звучит гусяная соната
И глохнет в лесополосе.

* * *

А болото — всего лишь болото.
А речушка — вода да вода...
Только мне всё тревожнее что-то,
Будто к нам подступилась беда.

Будто с первой проталиной вместе
Мы плутаем в пространствах немых,
Где фату не примерит невеста
И не спляшет на свадьбе жених.

Не по сердцу живём, не по солнцу —
Кто как хочет и кто как привык...
Иссушаем себя, как болотца,
Глушим душу, как в речке родник.

И о чём твоя песня, синица?
И о чём твои думы, ветла?
Неуёмная глупая птица
У кормушки не ведает зла.

* * *

Когда не бывает дождя,
Мы устаём от солнца,
Когда не бывает солнца,
Мы проклинаяем дожди...

Когда я не вижу тебя,
Я ощущаю сердце,
А если я чую сердце,
Значит, и боль впереди.

Когда не бывает войны,
Мы забываем о мире,
Когда нас лишают мира,
Мы жить привыкаем войной...

Я крайностей этих раб,
А ты им — весы и мера...
Мы оба по высшей мере
Несём этот груз с тобой.

* * *

Красный паук на чёрной земле.
Лето в разгаре — от края до края.
Солнце букашкой на пыльном стекле
Радугу чертит, лучами играя.

Что это — страсть или грусть ни о ком:
Сроки сдвигать, словно шторы из тюля,
Чтобы букашкой с красным брюшком
Ползать в весёлых соцветьях июля?

Лето уйдёт — ни следа, ни тепла,
Лишь сохранится от целого частью
Радуга в раме на месте стекла
С красным брюшком от паучьего счастья.

* * *

Дачный сюжет с виноградной лозой.
Скручены плети дымков от кострища...
Новый сезон открываем с тобой
В круговороте земной колготищи.

Радуюсь людям, галдят воробьи,
Облюбовали корявую грушу.
Что ещё нужно для поздней любви?
Чем оживить зимовавшую душу?

Годы для сердца — ни рай и ни ад.
Март раздувает от важности ноздри...
Ладим к опорным прутам виноград,
Чтобы продлить себя в солнечной грозди.

* * *

Назад обернусь — докучно,
Вперёд загляну — тревожно.
Высокая дремлет тучка,
Ей всё в этом небе можно.

Ей можно дождём пролиться,
А можно и в речку кануть...
В ней прошлое не толпится
Мгновеньями и веками.

В ней будущее туманно,
Как звёздная пыль над дачей...
И кажется очень странным,
Что всё у людей иначе.

* * *

Минута слабости, как вечность,
Минута силы — яркий миг.
Я эти дни сомкну в колечко
Счастливых разностей моих.

И будет в них февраль-проказник,
Смешав оттенки и тона,
Готовить масленицы праздник
С округлой щедростью блина.

И будут тонко петь капли,
Не заглушая птичий гам,
Чтоб мы быть сильными умели
И светлым верили слезам...

Минута слабости, что гостья,
Минута радости — жена.
Наверно, жить всегда непросто,
Но жизнь и в слабости сильна.

* * *

Я уеду от прошлого дальше,
Дальше детства, реки и излук,
Дальше дат и букетов из фальши,
Даже дальше любви и разлук.

Разве это потеря — уехать?!
Неизбывная память души,
Облачившись, как рыцарь, в доспехи,
Подвиг вечного смысла вершит.

Мир живёт на показ и потеху
И не терпит вокруг пустоту,
Отзываясь о прожитом эхом,
Окликая в грядущем мечту.

Лишь бы только пылила дорога,
Донник цвёл, и щемило в груди
От всего, что так мало и много
Где-то в прошлом и там, впереди.

* * *

Не сгорал над костром мотыльком на лету,
Перед силой хвостом не вилял, словно пёс,
Просто жил, даже если и невмоготу,
С чем родился и что через годы пронёс.

Не селился пичугой у гнёзд воронья
И зерна не таскал из кормушек чужих...
Это здорово — жить, никого не виня,
И себя не винить заодно среди них.

Я свободно и прямо хожу по земле.
Весь открыт для ветров из любой стороны...
Не вздувается пламя в остывшей золе,
Затухают сердца, если души больны.

Солнце дарит мне свет, звёзды — ночи красу.
Освежаюсь в грозу, а в метели грущу.
Мотылька пожалею, и птаху спасу,
Незлобиво на волю и пса отпущу.

Для того и дано имя мне — человек.
Остальное — всё ложь с погруженьем в молву.
Среди гор и равнин, океанов и рек
Я живу на земле, я любовью живу.

* * *

Давно не целовал твоей руки,
Как будто в этом не было резона.
Прогнозы лет, как в юности снежки,
Летят в окно по правилам сезона.

Пусть даже буду несколько смешон
На фоне дня, бульвара, снегопада,
Лицо по брови спрячу в капюшон,
Чтоб избежать взыскующего взгляда.

Шаги скользнут по линиям судьбы,
Споткнутся на запястье о морщины...
Прогнозы не спасают от мольбы,
А правила стареют, как мужчины.

Прости меня, что много-много лет
К твоей руке я не слетал, как птица.
Причин серьёзных оправдаться нет,
Есть повод за былое повиниться.

Как прах вчерашний, капюшон смахну,
И хлынет мир весёлый и цветастый
В мои зрачки. К твоей руке прильну
И тихо прошепчу: «Владей и царствуй!»

* * *

Зима. Пандемия. Народу негусто.
Метели сошли, зачастили дожди.
И красным горит светофорная люстра
Минуту, другую, а ты себе жди.

Скучает охранник у входа сбербанка.
Напротив задумчив гранитный Кольцов.
На красный плетётся дремучая бабка,
За ней пять бездомных всклокоченных псов.

Водила на «Ладе» сигналит до визга,
Крутой внедорожник идёт на вираж.
И лишь дальнобойщик жмёт тормоз без риска,
С улыбкой взирая на милый пассаж.

Смешно или грустно — картина такая.
Всё свалено в кучу мгновеньем одним.
А красный горит и горит, не сгорая.
И мы истуканами в масках глядим.

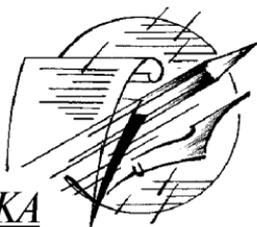
г. Воронеж

Редакция «Молодой гвардии» сердечно и дружески поздравляет замечательного поэта, главного редактора воронежского журнала «Подъём» Ивана Александровича Щёлокова с прекрасным 65-летним юбилеем!

Желаем ему неувядаемой творческой энергии, крепкого здоровья, новых книг и процветания возглавляемому им славному всероссийскому журналу, который в этом году отметил свой 90-летний юбилей.

АГРЕССИЯ ЗАПАДА ПРОТИВ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Хорошо известно, что Великая Отечественная война была самой страшной войной во всей мировой истории — как по количеству жертв, так и по количеству ее участников. Также хорошо известно, что наибольшие потери в этой войне понесли именно народы СССР, причем не менее половины этих потерь составило гражданское население. Тем самым, эта война носила характер целенаправленного геноцида русского и других народов исторической России со стороны нацистской Германии и ее многочисленных европейских союзников (а последние по численности составляли почти четверть всех войск, действовавших против Красной Армии). Более того, в случае победы агрессоров, в соответствии с планом «Ост» предполагалось организовать многократное сокращение населения европейской части СССР с целью колонизации ее немцами, причем некоторые территории — Западную и Южную Украину, Прибалтику и Крым — предполагалось полностью «зачистить» от местного населения и заселить немцами. (А украинских, прибалтийских и татарских и прочих нацистов гитлеровцы собирались использовать лишь как

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

наемных киллеров, а после исполнения ими своей черной «работы» — просто ликвидировать. Но их современные безграмотные последователи этого даже не знают — они наивно думают, что С. Бандера боролся за «независимость Украины», а на самом деле он был обычным наемным убийцей собственного народа.)

Этим определяется вся колоссальность этого события для нашей исторической памяти. Именно в событиях, ставящих целый народ на грань жизни и смерти, проявляются самые лучшие, заветные его нравственные черты, которые нужно свято помнить и хранить навсегда. К сожалению, историческая память большинства людей угасает в течении всего нескольких поколений, и тогда становится возможной самая бессовестная манипуляция с исторической памятью, подмена реальной истории лживыми мифами. В настоящее время это происходит не только на Украине, где неонацистские мифы усиленно внедряются даже в школьные учебники, но и в Европе, где трактовка событий Второй мировой войны также уже во многом начинает повторять тезисы министра пропаганды третьего рейха Й. Геббельса.

В основе современной западной псевдоисторической мифологии лежит тезис о том, что якобы в Великой Отечественной войне столкнулись «два вида тоталитаризма» — фашизм и сталинизм. В частности, 1 июля 2009 г. комитет так называемой «Парламентской ассамблеи ОБСЕ по демократии» принял резолюцию «Воссоединение разделенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке», в которой прямо уравниваются нацизм и «сталинизм». Однако слово «сталинизм» здесь рассчитано на наивных людей и поэтому никого не должно вводить в заблуждение — речь идет вовсе не о «режиме», а именно о нашей стране, подвергшейся нападению отнюдь не только германского нацизма, но, по сути, почти всей объединенной Европы. Зачем это понадобилось в настоящее время — совершенно очевидно: Европу весьма беспокоит возрождение нашей исторической памяти, которое активно происходит в России. Если уничтожить нашу историческую память, то Россия станет послушной марионеткой Запада, его «сырьевым придатком». Ведь силы для сопротивления народ всегда черпает в исторических примерах — а если эти примеры обогнаны и забыты, тогда у народа не остается никаких смысловых ресурсов для отстаивания своей цивилизационной суверенности. Но если эта память возродится, то мы снова будем способны на самостоятельное развитие во всех сферах жизни. Именно поэтому великое прошлое нашей страны и ста-

раются оболгать и замалчивать, навешивая на него ярлык «сталинизма». В этом состоит особая технология обмана, основанная на логической ошибке, которая называется *qui pro quo* — «одно вместо другого». В данном случае Великая Отечественная война, в которой наш народ боролся за выживание против европейских агрессоров, которые хотели его уничтожить, ныне западными идеологами лицемерно подменяется совсем другими понятиями — «борьбой двух режимов».

В ответ на такую лицемерную подмену понятий всегда стоит отвечать простым и ясным тезисом: режим, который существовал в России в 1941—1945 годах вообще не имеет никакого отношения к сути той войны, в которой наш народ отражал внешнюю агрессию и боролся за жизнь. Режим мог быть какой угодно — сталинский, царский или самый демократический, но суть той войны была бы та же самая, поскольку от «режима» она никак не зависит. А если уж европейцы так обеспокоены проблемой «режимов», то пусть они тогда сначала объяснят, почему это большая часть Европы в то время имела фашистские режимы и была союзником Гитлера? Очевидно, что современные европейские политики и идеологи явно действуют согласно известной поговорке о том, кто кричит «Держи вора!» Кричит сам вор, для того чтобы отвлечь от себя внимание. Так и современные европейцы очень старательно пытаются скрыть и заставить забыть тот факт, что большинство стран Европы были фашистскими и были союзниками Гитлера в войне против СССР. (В том числе даже и Франция, которая затем формально оказалась в числе победителей, однако режим Виши поставлял Гитлеру огромное количество стратегических ресурсов, без которых тот просто не смог бы вести войну, а также десятки тысяч добровольцев на фронт.) Именно это желание скрыть свое фашистское прошлое и прислужничество Гитлеру в первую очередь и движет современными европейскими политиками. Второй причиной их лицемерных заявлений является дискредитация современной России, которую пытаются изобразить «наследницей сталинизма».

В ответ на упомянутую резолюцию глава российской делегации в ОБСЕ, замглавы комитета Госдумы по международным делам Александр Козловский тогда заявил, что «отождествление нацизма и победившего его сталинского строя является извращением истории». «Те, кто ставят на одну ступень нацизм и сталинизм, забыли, что именно сталинский Советский Союз понес самые большие жертвы и внес наибольший вклад в дело освобождения Европы от фашизма», — указал он. В этих крайне дипломатичных выражени-

ях Европе напомнили лишь элементарные вещи, которые должен был бы знать каждый школьник. Но, к сожалению, в них было невозможно сказать самое главное. Во-первых, то, что само обозначение нашего государства и его народа, борющихся за жизнь с европейскими агрессорами, словом «сталинизм» — является откровенным хамством и невежеством. Во-вторых, не упомянут и тот факт, что агрессия против СССР — это дело рук всей Европы, создавшей Гитлеру все условия для агрессии на восток. Вторая мировая война формально началась 1 сентября 1939 года, но реально она началась уже 30 сентября 1938 г. так называемым Мюнхенским соглашением, которое подписали руководители Англии и Франции Н. Чемберлен и Э. Даладьё с Гитлером и Муссолини, разрешившим Гитлеру оккупировать Чехословакию (как уже до этого ему разрешили оккупировать Рейнскую область и Австрию в нарушение всех международных договоров).

Польша, как известно, тоже участвовала в оккупации Чехии, то есть начала войну как агрессор и фактический союзник Гитлера, но потом сама же и стала его первой жертвой. Польша была самым подлым образом предана своими союзниками Англией и Францией, которые по договору обязаны были предоставить ей большую военную помощь и начать военные действия на западе, но не сделали ни того, ни другого. Однако вместо англофобии и франкофобии, которая была бы естественной реакцией на это историческое предательство, в современной Польше пропагандируется русофобия на уровне государственной политики. Откуда такое странное раздвоение сознания? Оно обусловлено тем, что Польша является страной, не имеющей собственного мнения и полностью подчиненной идеологии, которую навязывает ей коллективный Запад. А обвинения в том, что СССР якобы «оккупировал Польшу вместе с Гитлером» являются откровенной ложью и невежеством. Во-первых, Красная Армия вошла только на территории западной Украины и западной Белоруссии, оккупированные Польшей в 1920-м году, а вовсе не на этнические польские территории. Во-вторых, она вошла только после того, как Польша как государство уже была ликвидирована и оккупирована А. Гитлером. Поэтому со стороны Польши никаких претензий ни к СССР, ни тем более к современной России не может быть в принципе. Тем не менее, столь абсурдные претензии там внушаются уже на уровне школьного образования. Вместо этого, полякам стоило бы вспомнить, какое их количество также служили А. Гитлеру как добровольцы.

В настоящее время актуализировалась тема общих причин Второй мировой войны, поскольку эту тему Запад также пытается использовать для ведения идеологической войны против современной России. Современная Европа лицемерно пытается дезавуировать свое фашистское прошлое также путем лицемерного перекладывания ответственности на СССР. При этом обычно ссылаются на тот факт, что в марксистской идеологии была заложена цель «мировой революции», то есть распространения советского строя на весь мир. Однако почему-то забывают о том, что и идеология коллективного Запада точно так же имела глобалистские притязания — и в этом смысле точно так же стремилась к мировому господству, как и марксисты. Почему же тогда в развязывании войны обвиняется СССР, который стал жертвой коллективной агрессии Запада, а не сам Запад, взрастивший А. Гитлера и создавший ему все условия для агрессии против СССР? Это очевидное лицемерие, рассчитанное на людей, невежественных в истории. При этом известно, что А. Гитлер был приведен к власти именно с целью войны против России (сам А. Гитлер всегда говорил только о России и русских, никогда не употребляя слово «СССР») и «завоевания жизненного пространства на востоке». Приведен он был к власти путем очевидного заговора немецкой олигархии, за которой стояла олигархия мировая. Гитлеровская партия не имела большинства в парламенте, ее поддержка у избирателей уже начала быстро падать, но в последний момент президент П. фон Гинденбург своим волевым и, по сути, незаконным решением назначил А. Гитлера канцлером.

Как мировая финансовая олигархия и ведущие страны Запада привели А. Гитлера к власти в качестве главного «тарана» для уничтожения России очень хорошо изучено во множестве исследований и давно не составляет секрета. Из последних работ на эту тему достаточно упомянуть популярную, но по глубине анализа исторического процесса намного превосходящую большинство академических исследований этой темы книгу Н. Старикова «Кто заставил Гитлера напасть на Сталина?», а также целый ряд работ других авторов. Для понимания этих работ нужно принципиально изменить ракурс видения и понимания исторического процесса в XX веке. До сих пор большинство людей продолжают воспринимать новейшую историю в рамках модели борьбы национальных государств и их коалиций между собой. На самом же деле эта борьба давно уже стала полностью управляемой силами более высокого порядка. С того времени, как в XIX

веке сформировался мировой рынок с мировыми деньгами и единым мировым финансовым центром силы, мы имеем дело не со спонтанной борьбой разных государств между собой, а с управляемым из этого центра процессом войны (в разных ее формах) консолидированного Запада против всего остального человечества с целью его подчинения интересам глобальной финансовой олигархии. Хотя внешне всё выглядит по-прежнему как борьба разных государств, однако эти процессы полностью управляемы и контролируемы «хозяевами мировых денег», находящимися в разных странах Запада, но имеющими единый центр принятия решений, который в настоящее время полностью переместился в США. Когда разные страны Запада воюют между собой, как это было в Первую и Вторую мировые войны, это не значит что Запад разделен — нет, просто разные его страны играют разные заранее прописанные роли в войне Запада против остального мира. Мы имеем дело с управляемой историей, однако это управление всегда основано на обмане тех, кем управляют.

Началом установления мировой диктатуры финансовой олигархии было принятие в 1816 году Британской Империей золотого стандарта в денежное обращение. Ротшильды к этому периоду уже контролировали основную часть золотых запасов Банка Британии, они и зафиксировали цену золота. Принятие любой страной золотого стандарта означало, что денежная системы такой страны вставала под контроль Банка Британии, а значит и Ротшильдов, т.е. она напрямую становилась зависима от лондонских посредников по продаже золотых слитков. Когда Россия получила крупный займ, предоставленный британскими Ротшильдами, в 1864 году в России появился первый коммерческий кредитный банк, однако после проведения реформы бюджетный дефицит только увеличился. Для покрытия долга перед Ротшильдами в 1867 году Россия вынуждена была продать Аляску Соединенным Штатам Америки за 7,3 млн. долларов. Незадолго перед этим во время гражданской войны на Североамериканском континенте Ротшильды уже четко отработывали технологию «управляемого хаоса» и искусственно разжигаемых гражданских войн, которую мировая олигархия затем будет успешно применять по всему миру: они финансировали обе воюющие стороны, зарабатывая и на тех, и на других: лондонский банк Ротшильдов давал деньги армии Севера, а парижский банк — армии Юга.

Насколько Россия уже тогда попала в сети мировой финансовой олигархии хорошо показывает история, описанная А.Герценом в мемуарах «Былое и думы» в разделе с изде-

вательским названием «Император Джемс Ротшильд и банкир Николай Романов». Герцен обманным путем продал Ротшильду свои ценные бумаги, которые были недействительны, поскольку в России находились под арестом по решению суда. Однако Ротшильд, узнав об этом, не только не вернул их Герцену, но наоборот, потребовал Россию произвести все выплаты по этим незаконным бумагам. И тогда, как пишет, нагло издеваясь над русским царем, А. Герцен, «петербургский 1-й гильдии купец Николай Романов, уstraшенный конкурсом и опубликованием в «Ведомостях», уплатил, по высочайшему повелению Ротшильда, незаконно задержанные деньги с процентами и процентами на проценты, оправдываясь неведением законов». В результате этого акта Герцен попал в финансовое рабство к Ротшильду и фактически стал первым «власовцем», предавшим Родину во время войны. Он писал прокламации для разложения Русской армии во время Крымской войны и на деньги Ротшильда издавал в Лондоне журнал «Колокол», который ввозился нелегально в Россию с целью подрыва государственного строя и морального разложения русской элиты.

Правительства стран, еще сохраняющих независимость, вовлекаются в войны, а затем свергаются с помощью заговорщиков; затем заговорщики остаются без поддержки своих бывших хозяев и уничтожаются следующими заранее подготовленными заговорщиками и т.д. Это не «теория заговора», а самая конкретика исторического процесса, которую невозможно скрыть. Так называемые «заговоры» — это лишь «инструмент» разрушения государств, а не движущая сила истории. Движущей силой истории с середины XIX века является мировой рынок и управляющая им мировая олигархия. Силой, которая им противостоит, являются пока еще суверенные цивилизации, в том числе и цивилизация Русского мира. Борьба этих двух сил и определяет ход исторического процесса в течение последних полутора веков.

Эту новую сущность всемирно-исторического процесса первым в мире открыл великий русский ученый и философ Н.Я. Данилевский в своей гениальной книге «Россия и Европа» (1869). Стоит лишь удивляться его прозорливости — ведь книга была написана именно в тот момент, когда только-только сложилась новая расстановка мировых сил. На Западе в это же время на заказ мировой олигархии была создана теория «классовой борьбы», целью которой была маскировка войны цивилизаций под видом войны социальной. Кроме того, теорию Маркса предполагалось использовать для внедрения и пропаганды в тех странах, которые Запад

стремился разрушить с помощью социальных революций. Маркс и Энгельс оставили много свидетельств своей звериной русофобии во многих работах и письмах. С их точки зрения, Россия и другие славянские народы являются главными врагами «прогресса», т.е. Запада, и поэтому подлежат уничтожению — Россия как государство, а некоторые славянские народы Европы, по Энгельсу, — даже и геноциду. Тем самым Маркс и Энгельс, сами не желая того, «проболтались» и лишь подтвердили открытие Н.Я. Данилевского. Русский гений видел неизбежность попытки Запада уничтожить Россию и в целом «славянский культурно-исторический тип» как своего ближайшего геополитического конкурента, мешающего Западу осуществлять свою глобальную экспансию. Среди суверенных цивилизаций земного шара, которые Запад планировал уничтожить и поставить под свой полный контроль, Россия стояла первой как ближайший сосед, сохраняющий в себе принципы христианской цивилизации. Н.Н. Страхов писал Вл. Соловьеву: «Когда Данилевский говорил о грядущей борьбе между двумя типами, то он именно разумел, что Европа пойдет нашествием еще более грозным и единодушным. Возьмите дело с этой стороны. Перед взорами Данилевского в будущем миллионы европейцев с их удивительными ружьями и пушками двигались на равнины Славянства; давнишний *Drang nach Osten* действовал, наконец, с полной силой и заливал эти равнины огнем и кровью. Он видел в будущем, что его любезным славянам предстоят такие испытания, такие погромы, перед которыми ничто Бородинская битва и Севастопольский погром. И он взывал к мужеству, к единодушию, к твердой вере в себя, и он надеялся, что если мы будем так же уметь жертвовать собою, как жертвовали до сих пор, то мы выдержим и отразим этот напор Европы, что мы отстоим себя, а если отстоим, то, значит, и зацветем новой жизнью». Эти пророческие видения уже рисуют нам будущую картину и войны 1914—1918 годов, и Великой Отечественной войны.

Решающим событием в становлении новой мировой системы стала Первая мировая война, целью которой было уничтожение государств, до того времени еще не подчинявшихся «хозяевам мировых денег» и сохранявшим реальный суверенитет. Это были Империи — Российская, Германская, Австро-Венгерская и Османская, а также Франция в качестве великой державы. Официальная мировая пропаганда, естественно, изображала это как «победу прогресса» над «отжившими монархиями», однако реальная цель этого была совсем другой. Уничтожение этих последних суверенных государств

привело к их распаду на множество марионеточных режимов, полностью зависимых от их финансовых хозяев с Уолл-Стрит.

В свою очередь, ученых и мыслителей, которые видят этот реальный процесс, всячески высмеивают, приписывая им некую мифическую «теорию заговора». На самом же деле не существует никаких «теорий заговора»; заговоры — это не теория, а практика создания «управляемого хаоса» в странах, которые уничтожают с помощью акций спецслужб и предателей, внешне изображая это как «народные революции». А затем ликвидируют и самих заговорщиков — как это обычно делают с наемными убийцами — если не физически, то как политическую силу. А академических историков приучают больше всего на свете бояться мифических «теорий заговора», к числу которых *de facto* относят всё, что выходит за рамки внешней картинки событий, создаваемой наемными журналистами. Тем самым, если историк хочет считаться «настоящим ученым», то он должен мыслить исключительно на уровне «читателя газет» (М. Цветаева), а также ссылаться на некие «объективные законы истории», которых он сам не знает. Анализ скрытых причин и действующих факторов исторического процесса — то есть, именно то, что и делает историю наукой, ныне стал «нерукопожатным».

К чести России, у нее всегда было достаточно подлинных ученых и мыслителей, способных видеть сущность истории и ее скрытые движущие силы. Среди новейших примеров можно упомянуть доктора юридических наук, профессора Санкт-Петербургского университета Д.А. Шестакова, который ввел термин «глобальная олигархическая власть», обозначающий «неформальную и нелегитимную власть мировой олигархии», скрытно управляющую миром путем установления контроля с помощью финансовых рычагов над законными правительствами. Этот термин был предложен им 27 июня 2014 года на заседании Санкт-Петербургского международного криминологического клуба в рамках его доклада «Криминологическая теория революций», а обоснование концепции мировой криминально-олигархической власти было сделано им еще раньше в работе «Планетарная олигархическая преступная деятельность». Только такой уровень анализа мировых процессов позволяет понимать подлинные причины исторических событий XX века, в том числе двух мировых войн.

В XX веке войны, особенно мировые — это, в первую очередь, бизнес-проекты, которые приносят колоссальные

сверхдоходы «хозяевам мировых денег», финансирующим в равной степени обе воюющие стороны. Это доходы на смертях миллионов людей, которые заранее планируются с поистине сатанинским цинизмом. Сначала разжигаются аппетиты олигархов «великих держав» обещаниями быстрых сверхдоходов на военных поставках, и потом уже стравить правительства их стран в войне между собой уже не представляет особого труда — здесь всё решают деньги и необходимость сохранения своего статуса в мировом олигархическом сообществе. Только ради этого стравливаются народы и гибнут миллионы людей! Таковы подлинные причины всех войн XX века, лицемерно замаскированные под «защиту национальных интересов».

В Российской Империи тоже были свои олигархи, жаждавшие подзаработать на крови (Рябушинские и К° — именно они потом и совершили государственный переворот в феврале 1917-го). Но именно как государство Российской Империя тогда была единственной, кто до последнего сопротивлялся планам режиссеров «мировой закулисы» (И.А. Ильин). Царь шел на все возможные и невозможные уступки Германии, однако был загнан в безвыходное положение, поскольку уклонение от войны быстро привело бы к тому, что после поражения Франции и Сербии Россия осталась бы без союзников одна перед лицом неизбежной агрессии трех империй — Германской, Австро-Венгерской и Османской, и чем могло бы для нас закончиться столь страшное нашествие, трудно себе представить. Царь принял единственно правильное решение спасти Францию, но всё уже было срежиссировано даже с учетом будущей победы России. Когда в начале 1917 года Россия вместе со своими союзниками по Антанте стояла на пороге близкой великой победы, заранее подготовленные заговорщики совершили государственный переворот и начали процесс развала армии. Ведь пока сохранялась православная монархическая власть, политика России в первую очередь определялась религиозно-нравственными принципами, а не чьими-то корыстными интересами. И именно поэтому российские олигархи, пользуясь покровительством своих западных кураторов, столь активно финансировали и организовывали свержение монархии — для того, чтобы захватить страну и получить ее в полное распоряжение своим корыстным интересам. Но их, как это всегда делается, западные хозяева обманули и оставили на растерзание еще более радикальным «революционерам». Заговорщиков, как и наемных убийц, всегда в конце концов ликвидируют их бывшие хозяева — таков главный закон современной «уп-

правляемой истории». Точно так же они потом поступили и с Гитлером, когда он уже выполнил свою роль.

Россия была лишена плодов победы, хотя среди всех стран внесла в нее самый большой вклад, а вместо этого получила разруху Гражданской войны. Заговорщики февраля 1917-го были обмануты своими западными хозяевами, которые им на смену уже готовили новых заговорщиков, а значит, и неизбежную и страшную Гражданскую войну. Впрочем, западные хозяева очень хорошо понимали, что кто бы ни пришел к власти в ходе Гражданской войны, любая новая власть в любом случае начнет восстанавливать великую страну. Эта роль выпала на долю большевиков, которые очень быстро отказались от своей теории, предполагавшей ликвидацию государства как такового (а также армии, товарной экономики, семьи и т.д.), и очень скоро стали уже под другими названиями восстанавливать все структуры бывшей Российской Империи, включая и саму власть фактического монарха. Но как только они достигли в этом больших успехов, режиссеры мировых событий сделали новый заранее просчитанный шаг — начали восстанавливать великую Германию для новой войны против России. В 1933 году в Германии была приведена к власти заранее подготовленная на деньги немецких и мировых олигархов политическая сила с самой радикальной идеологией «завоевания жизненного пространства на востоке», то есть уничтожения России как великого государства и геноцида русского народа. Эта идеология несколько не смущала лидеров так называемых «свободных стран», которые по плану отдали ему ровно столько стран Европы, сколько ему было нужно для обеспечения ресурсами и подготовки к войне против СССР. В 1938 году американский журнал «Time» объявил А. Гитлера «человеком года», выражая мировое «общественное мнение», подконтрольное олигархам Запада.

Как и Российская Империя в 1914-м, СССР в 1941-м был единственной в мире страной, которая не имела никакой выгоды от войны, но которая вынуждена была защищаться от агрессии Запада. Эта преемственность ситуаций показывает тот *цивилизационный характер войны*, который был впервые открыт и предсказан Н.Я. Данилевским. Не важно, какой политический строй в России — царский или советский — Запад одинаково будет стремиться уничтожить ее именно как Россию — своего главного геополитического конкурента. Все те преступные методы геноцида, которые Гитлер применял на захваченной территории СССР, вовсе не были его изобретением, но были им позаимствованы из богатого

опыта других «прогрессивных европейских стран». В частности, концлагеря были изобретены англичанами еще во время англо-бурской войны, а на территории Европы их применили австрийцы в Терезине и Талергофе, где во время Первой мировой войны ими массово уничтожались галицкие русины, не хотевшие признавать себя «украинцами» и свято хранившие свое русское имя (именно здесь начинается история преступлений и украинских нацистов, которые отдавали на расправу русинов как «предателей Австрии»).

Но главное злодеяние, которое Гитлер готовил на территории СССР, известное нам по плану «Ост», было изобретено не в Европе. Эта технология массового истребления коренного населения и захвата его территории — это изобретение made in USA, и на нём вообще основано возникновение США как государства. В основе плана «Ост» лежал пример истребления населения целого континента и создания на его костях «самого свободного общества». Кроме того, американцы истребили при перевозке из Африки не меньшее количество захваченных там рабов — и именно на этом злодеянии сделали свой основной капитал Ротшильд и К° — будущие хозяева Уолл-Стрит и «мировых денег». Гитлер просто хотел повторить тот геноцид, который устроили американцы, только теперь в роли «индейцев» должны были оказаться русские. Ему было, у кого учиться.

В своей книге «Моя борьба» Гитлер также вовсе не оригинален в своих идеях и лозунгах — он всего лишь пересказывает в популярной форме основные положения двух известных расовых теорий, появившихся во второй половине XIX — начале XX века. И их авторы — вовсе не немцы, а француз Ж.-А. Гобино и англичанин Х.-С. Чемберлен. Эти теории давали «чистокровным» и «избранным» немцам надежду на будущее, внушали оптимизм, но при соблюдении определенных расовых законов. Обе расовые теории активно использовала официальная государственная пропаганда пангерманизма и национализма в Германии в период Первой мировой войны. Поэтому население Германии восприняло гитлеровскую пропаганду как нечто давно знакомое и привычное. Вообще, нужно помнить, что такое антихристианское представление о своем «расовом» превосходстве над всеми другими народами изначально лежит в основе европейского духа, и хотя его сейчас усиленно подавляют идеологией «мультикультурализма», оно лежит в исторической основе европейского мышления как такового. На протяжении веков европейцами были только те, кто воспринимал всех не-европейцев как «людей второго сорта». Прямо это могло и не выс-

казываться, но всегда подразумевалось. В частности, в основе русофобской пропаганды, начавшейся в Европе во времена Ивана Грозного (она и создала все мифы об этом царе, бытующие до настоящего времени), было отнесение русских к числу «азиатов», «татар» и т.п. Этого уже было достаточно для того, чтобы не считать их за людей и относиться к ним соответственно. Поэтому Гитлер в этом отношении — просто верный наследник Европы и не более того.

Увы, на протяжении всей своей тысячелетней истории Русь и Россия были объектом агрессии Запада — цивилизации, всегда воспринимавшей окружающие ее народы исключительно как потенциальные колонии и объект эксплуатации. Уже 1000 лет назад, в далеком 1018 году, князь Святополк, прозванный «Окаянным», — убийца своих братьев, первых русских святых Бориса и Глеба, — привел на Русь оккупантов-поляков. Поляки же, посадив «своего» князя во власть, стали гарнизонами по городам, рассчитывая сделать Русь своей вотчиной. Но вскоре сам обиженный ими Святополк поднял восстание, истребившее оккупантов. И потом на протяжении многих веков Русь многократно стояла на краю гибели при нашествиях с Запада, но выстояла лишь чудом народного подвига и чудом помощи свыше.

В XX веке Гитлер, приведенный к власти на деньги мировой финансовой олигархии, должен был лишь исполнить многовековую мечту Запада: наконец-то сделать Россию колонией. Ради этого ему было позволено всё — ему почти без боя отдали всю Европу, лишь бы он собрал максимум сил для похода на восток. Под его знамена снова собрался сброд со всей Европы: от Испании до Галиции, от Италии до Норвегии, т.е. все, кто хотел пограбить и сделать себе карьеру на истреблении «русских варваров». Агрессия против СССР — это дело рук всей Европы, создавшей Гитлеру все условия для агрессии на восток. Но Русь, стоя на краю гибели, вновь победила.

Судя по реальным действиям Запада в то время (а не по лицемерным заявлениям его политиков) изначальный план мировой олигархии — хозяев Гитлера — предполагал поражение СССР в войне. Тогда зачем же столь талантливый актер в роли премьера Британии У. Черчилль так пламенно говорил о поддержке России уже 22 июня 1941 года, хотя до этого всегда был ее непримиримым врагом? Британские военные эксперты все в один голос говорили ему, что СССР будет разгромлен в течение двух месяцев — то есть были полностью согласны со своими гитлеровскими коллегами. Тогда почему же они стали на сторону СССР и к их позиции

присоединились США? Привычный, ложный и наивный ответ на этот вопрос состоит в том, что Британская Империя страшно боялась высадки Вермахта на острова и нашла в СССР едва ли не свое единственное спасение. Этот привычный миф не выдерживает никакой критики. Как известно, Гитлер более 20 раз публично и официально предлагал Британии заключить мир после того, как уже была разгромлена Франция и стала фактическим союзником рейха. Не только предлагал сам, но и послал в Англию своего ближайшего «собратника» Р. Гесса для соответствующих переговоров. Но Британия неизменно отвечала отказом и хотела продолжения войны. Бомбардировка Британии велась именно с целью шантажа и принуждения ее к миру — но бесполезно. Главный вопрос в том, почему Британия так хотела войны, с какой целью?

На самом деле Гитлер никогда не собирался высаживаться на Британские острова и все «планы» на этот счет были чистым блефом. Во-первых, потому что у него для этого просто не было возможностей в силу полного превосходства британского флота и невозможности подавить британскую авиацию. Во-вторых, если бы ему и удалось каким-то абсолютно сверхъестественным образом высадиться на островах, то их оккупация привела бы к таким потерям, а затем потребовала бы использования такой большой части сил Вермахта, что потом собрать еще одну армию для своей главной цели — похода на восток Германия уже просто физически не смогла бы. Тем самым такой ход событий был абсолютно исключен. Тогда зачем британцы и американцы стали союзниками СССР?

В их изначальном плане Германия побеждала СССР и выходила на линию Архангельск — Астрахань, как это и указано в плане «Барбаросса». Затем Гитлер заключает с оставшейся частью СССР мирный договор по образцу Брестского 1918 года, только теперь Германия оккупирует вдвое больше территорий, чем тогда. Но что тогда будет представлять собой оставшаяся часть СССР? Она уже не будет великой страной, но станет полностью зависимой от своих англо-американских союзников — некой полуколонией в роли «второй Индии». Именно рассчитывая на такой исход, британцы и американцы усиленно изображали из себя «союзников» с первого дня войны, хотя реальную помощь оказывать не спешили, явно рассчитывая, что она все равно пропадет зря. Помощь, и то весьма скромная, стала поступать только в 1942 году. И только в 1943-м ситуация изменилась — «союзники» поняли, что СССР устоял, войну он не проиграет, и

перешли к некому плану «Б». Суть его состояла в том, чтобы победить вместе с СССР, а затем после войны диктовать свои условия обеим истощенным и разоренным странам. Этот вариант мировую олигархию тоже вполне устраивал: Германия исчезала как великая держава, а СССР должен был вступить в новую, уже «холодную войну» с коллективным Западом, которая должна была, по их расчетам, окончательно подорвать его силы и потом разрушить. Огромное превосходство во всех ресурсах позволяло Западу не бояться той самой мифической «агрессии СССР», о которой лицемерно кричала его пропаганда. А для «подстраховки» у Запада постоянно имелись свои планы агрессии, начиная с «Немыслимого» 1945 года. Таким образом, в XX веке мировая олигархия использовала своего рода стратегию «удава», постепенно истощая силы России несколькими последовательными историческими катастрофами — сначала разрушением Империи и организацией Гражданской войны; затем организацией агрессии европейской коалиции во главе с Гитлером; наконец, разрушением СССР в результате спланированной «холодной войны» и новой разрухой, которая во многом продолжается и до сих пор. Никакая другая страна не выжила бы после подобных страшных испытаний. Как известно, Д.И. Менделеев прогнозировал, что даже и с учетом резкого падения рождаемости вследствие урбанизации в России в 1950 году должно было проживать 282,7 млн. человек, а в 2000 году — 594,3 млн. человек. По его же подсчетам, в США к середине XX века население достигнет почти 180 млн. человек, и этот прогноз сбился с высокой точностью, поскольку в 1959 году в США проживало 179 млн. человек. Эта огромная разница с Россией объясняется тем, что в США не было революции и войн, которые обрушились на Россию в XX веке. Сравним 594,3 млн. человек с тем количеством населения, которое сейчас проживает в России. *Эта страшная разница показывает наши потери при отражении агрессии Запада в XX веке.* Но цивилизационная война продолжается, и цели Запада не менялись.

В ответ на современную идеологию Запада очень эффективным может быть ответный удар в виде концепции, согласно которой *Вторая мировая война — это агрессия коллективного Запада против России, существовавшей в форме СССР.* Тот факт, что СССР все-таки сумел создать себе союзников на Западе, этому нисколько не противоречит, т.к. эти союзники появились только в результате пакта Молотова—Риббентропа, благодаря которому Гитлер попытался выйти из-под контроля своих англо-саксонских хозяев и начал против

них войну. Хотя изначально Запад был един в своем желании уничтожить СССР, но этим пактом СССР сумел расколоть Запад в свою пользу — именно этот пакт так ненавидят на Западе, поскольку он сломал их изначальные планы. Смешно слышать о том, что это якобы был «союз двух диктаторов» — в то время как на самом деле точно такие же пакты о ненападении Гитлер еще раньше заключил с Францией, Польшей и другими странами. *Фундаментальный факт состоит в том, что без пакта Молотова—Риббентропа не было бы и великой Победы.* Нетрудно ведь просчитать, что наступая с линии старой границы, немцы наверняка взяли бы Москву и Ленинград, а это означало катастрофу и поражение в войне. Гитлера изначально привели к власти с целью агрессии против России, но всё вышло не так, как было задумано его тайными хозяевами, — только благодаря русской Победе. Таким образом, эта концепция заранее опровергает все возможные обвинения в адрес СССР.

Великая Отечественная война была спасением народов СССР от геноцида со стороны объединенной фашистской Европы. Великую Победу России в Великой Отечественной войне не только метафорически, но и вполне рационально, на основании исторического анализа следует назвать Днем второго рождения русского народа и всех народов СССР — государства, в форме которого тогда существовала историческая великая Россия. Этот аспект нашей Победы становится всё более и более значимым для последующих поколений. Если бы не была великой Победы, никто из нас, ныне живущих, скорее всего, вообще не появился бы на свет. Этим определяется вся колоссальность этого события для нашей исторической памяти. Именно в событиях, ставящих целый народ на грань жизни и смерти, проявляются самые лучшие, заветные его нравственные черты, которые нужно свято помнить и хранить навсегда. Война показала все высшие достоинства нашего народа, которые сейчас стараются замалчивать и оболгать. Но, к сожалению, историческая память большинства людей угасает в течение всего нескольких поколений, и тогда становится возможной самая бессовестная подмена реальной истории лживыми мифами.

Известный российский историк Н.А. Нарочницкая писала: «Без осознания смысла Великой русской Победы — этого важнейшего события нашей многострадальной истории в XX веке — невозможно понять суть мировых процессов и судьбу послевоенного СССР. Ибо Великую Отечественную войну СССР выиграл в своей ипостаси Великой России... Став Отечественной, война востребовала национальное чув-

ство русского народа и его духовную солидарность, разрушенные классовым интернационализмом, очистила от скверны братоубийственной Гражданской войны и воссоединила в душах людей, а, значит, потенциально, и в государственном будущем разорванную, казалось, навеки, нить русской и советской истории... В окопах Сталинграда в партию вступили обыкновенные почвенные русские люди, преимущественно крестьяне. И те, кого в двадцатые годы учили по первым большевистским учебникам глумливо называть Святого Благоверного Александра Невского классовым врагом, на Прохоровском поле умирали «за советскую Родину» в танке, носящем его имя. Это не парадокс, это Промысел».

Но в конце XX века, применив совсем иную стратегию — не агрессию извне, а коварное разложение народа изнутри путем обмана и всяческих соблазнов, Запад снова поставил Россию и весь Русский мир на грань гибели. Но ничего у него не получится и на этот раз. Ибо мы народ великой Победы! Великая Отечественная война навсегда останется великим воспитателем нашего народа. Пока жива память о великой Победе, наш народ непобедим.

г. Луганск, ЛНР

КАПУСТИН ЯР И ПРОЧАЯ ПУСТЫНЯ

РАССКАЗ

1

Вагон дёрнуло, эмалированные кружки и алюминиевые ложки, выставленные на откидной столик, загремели, однако движение состава выровнялось, и посуда угомонилась. За окном проплыли окрашенные в светло-жёлтый цвет пакгаузы с высокими двустворчатými дверями под навесом и бетонными эстакадами перед ними; пыльные пирамидальные тополя; кирпичная будка со стрелочником на крыльчке. Пожилой казах держал в вытянутой руке флажок и равнодушно смотрел из-под козырька железнодорожной фуражки на проезжающие мимо два зелёных пассажирских вагона и прицепленные к ним зачехлённые платформы с закреплёнными боевыми, хозяйственными автомобилями и восьмиколёсными тягачами «Ураганами» с трёхступенчатыми оперативно-тактическими ракетами наверху. Но то, что это именно установки с боевыми ракетами, стрелочник и в бинокль бы не рассмотрел: так они были замаскированы специальными железными стойками и растянутой тёмно-зелёной пятнистой сетью.

Показались вдали и тут же скрылись за сопкой уходящие терраса-

ПРОЗА

ми в гору однотипно панельные пятиэтажки Сары-Азекского ДОСа (домов офицерского состава). Поехали. Впереди полтора месяца дорожных и воинских приключений, а это несравнимо как лучше, чем почти каждодневные наряды то на кухню, то в караул, монотонная муштра на плацу и сидение среди наглядных пособий в учебных классах и Красном уголке на нудных политзанятиях.

Серёжа встал с мягкой, обитой светлым дерматином скамьи и прошёлся по вагону. Все купе гражданского плацкартного были заняты сослуживцами, включая и третьи, багажные полки. Командир сводного, едущего на стрельбы дивизиона, начальник политотдела их ракетной бригады полковник Дубов с офицерами, которых солдаты меж собой называли «кадетами», располагались в соседнем вагоне. Какое разряда: купейный или плацкартный был тот вагон, Сергей не ведал.

Парень уже дослуживал первой год, должность и звание имел сержантские — начальник радиостанции, тогда как в наряды в офицерский вагон направлялись, как правило, рядовые и ефрейторы — бойцы нынешнего майского призыва. Серёжа даже не интересовался, как там устроились их кадеты. Меньше знаешь — крепче спишь. Поговорка хоть и бородатая, но жизненная, особенно для служивых.

Серёжа прошёл в передний конец вагона и остановился у широкого окна перед титаном из нержавеющей стали с медным крапом. Занавесок на окне не было, и обзор поэтому отрывался любопытный.

Выгоревшие на азиатском солнце сопки цвета хаки, пологие и однообразные, как армейские будни, как-то неожиданно оборвались. Состав выехал на равнину, синей скобой на которой поблескивало вдаль то ли море, то ли озеро.

— Капчагай, — услышал из-за спины Серёжа. Обернулся. Рядовой Туяков, наводчик из пятой батареи набирал из титана в кружку кипятка. — Бежала речка, перегородили — получилось озеро...

— А я знаю.

— Откуда? Ты ж, товарищ сержант, сам говоришь: с Сибири, — с ноткой превосходства аборигена к чужаку отозвался Туяков. — Это я — местный. Наш Уш-Тобе вон за той сопкой. До армии мы сюда приезжали коней купать.

— Ты не поверишь, но и я здесь бывал. Нынче в мае. Искупнуться тоже довелось, и не раз.

Туяков набрал кипятка и ушёл, а Серёжа замер у окошка, вспоминая...

...В канун Дня Победы по дороге с технической территории в расположение части промочил рядовой Завьялов свои кирзовые сапоги, когда на колонну стеной обрушился внезапный ливень; Серёжу так окатило прохладными струями, что гимнастёрка вмиг прилипла к телу, в сапогах захлопало, а портянки хоть выжимай. Оно бы ничего — освежились, да вот только Серёжа с шестнадцати лет настолько подружился с ангиной, что она сама никогда не отступала, сколько не пей чай с малиновым вареньем или водки с перцем.

Приходилось тащиться в местную амбулаторию, где доктора медицинскими блестящими ножницами с острыми загнутыми концами бесцеремонно лезли в глотку парня и, протыкая, вскрывали иначе никак не рассасывающуюся опухоль в левой миндалине.

Серёжа при этом испытывал не только боль, но и несказанное облегчение, когда чувствовал, как из прорванной раны в глотку стекает что-то горячее, кислое и густое, а опухоль сдувается, как проколотый мячик. На полгода, а то и больше парень забывал об удушливых тисках, что не давали ни вздохнуть, ни выдохнуть, пока опять эта болячка не наваливалась с новой силой. Надо было что-то делать, но всё руки не доходили.

На удивление, за самые сырые ноябрьские и промозглые зимние первые месяцы службы Завьялов ни разу даже не чихнул: наверное, от того, что старался обходить лужи и не мочить ноги, да и весь молодой организм его как никогда был собран и внимателен ко всяким изменениям и неожиданностям.

Однако только окрепло весеннее солнышко, подсохли пески и солончаки, душа и тело бойца пригрелись, расслабились, вот здесь-то и пропустил Серёжа увесистую оплеуху от своей застарелой болячки: на утро после ливня ему так обметало горло, так распухли гланды, что губ не раздвинуть и рта не раскрыть. Ходил как в тумане, пошатывался, но не жаловался. Да и кому пожаловаться? Стоит заикнуться, как деды и подстарки дружно ополчатся, начнут подкалывать: «Ты, мол, что, самый борзый из призыва. Смотри вон — другие, как положено, пашут, не скулят, а ты чуть что — лазейку ищешь, салабон. Хватит прикидываться шлангом, упал на полы...»

Хотя в их дивизионе кромешной дедовщины не отмечалось, однако дистанция между призывами соблюдалась неукоснительно. Молодые больше «пахали» в нарядах по столовой, убирали казарму и делали всё прочее, пусть и не бегом, но поторапливаясь...

Трудились и осваивали «тяготы и лишения воинской службы» не покладая рук, да так, что нельзя было даже перед отбоем выкроить минутки подшить свежий воротничок на гимнастёрку. Подшивались ночью. Первым встал тот, чья очередь всех будить, бесшумно ступал по «кубрику» между двухъярусных железных коек, поднимал свой призыв, и все они гуськом отправлялись в гладилку, где при свете ночника обновляли свои подворотнички.

Серёже оставалось продеть иголку с белой ниткой в тыльную часть воротника гимнастёрки, чтобы там завязать на узелок и, просунув между трудно размыкаемыми зубами нитку, обкусить её, когда в гладилку вошёл старший сержант Сундетов. На правом рукаве у вошедшего висела повязка дежурного по дивизиону.

— Ну, что, бойцы, до подъёма управитесь?

— Так точно, товарищ старший сержант! — молодые переглянулись, они знали, что это последний наряд Сундетова перед скорым дембелем. А еще они слышали, что старший сержант, хоть и казах, но призван был не из этой республики. Родом Сундетов из российской Оренбургской области. И что характер у него упрямый, особенный. Старослужащие рассказывали, что когда он из Отарской учебки приехал в дивизион, тогдашние деды и подстарки хотели сломить его непокорный нрав. Гнобили в нарядах, не давали спать; если никого из офицеров не было поблизости, норовили побольнее достать по животу и почкам, чтобы не оставлять синяков на лице. Но молодой младший сержант не покорился.

Мало того, когда настал срок, и обидчикам пришло время увольняться, те боялись, что вошедший в силу жилистый, с чёрными усиками казах, сводя старые счёты, будет в ночь перед отправкой из части лупцевать их как горох, но он этого к удивлению всей казармы делать не стал.

Однако когда при выходе из помещения, чтобы следовать на КПП, благодарные дембеля с облегчением и заискивающе подходили к нему пожать руку на прощанье, Сундетов брезгливо убирал свои ладони за спину и демонстративно отворачивался. В тот день он тоже был дежурным по дивизиону.

— Ну что, Завьялов, службу сечёшь? — раздалось над стриженной головой Серёжи. Он поднял мутные, с красными прожилками от бессонницы глаза на подошедшего старшего сержанта. Тот ободряюще усмехнулся в усы: — Вторые полгода будет легче...

Ответа не последовало. Серёжа уставился запавшими глазами в лицо Сундетова и молчал.

— А ты что это, сынок — дедуешь, что ли? Не считаешь нужным отвечать?

Дальше молчать Серёже было нельзя, и он замычал, усилием воли пытаясь разомкнуть стиснутые зубы, однако всё впустую: прямо хоть хватайся пальцами за скулу и оттягивай челюсть вниз! Но больно ведь, да и распухшее, обложенное горло всё вокруг себя будто намертво зацементировало.

— Бойцы, что это с ним?

— Ангина у него. Второй день уже ни съесть, ни запихнуть себе в рот ничё не может.

— Непорядок, Завьялов, — командирская строгость сошла со смуглого лица старшего сержанта. — Перекантуйся в кубрике часок. Я провожу дивизион на завтрак, и пойдём с тобой в санчасть. Может, распорядиться, чтобы поесть тебе сюда принесли? Скажу старшине.

Серёжа отрицательно замотал головой, острая боль иглами впиалась в глотку и молотом ударила в уши. Завьялов обмяк на лавке.

— Ты шибко-то, парень, не трепыхайся, — в голосе Сундеева слышалось почти отеческое участие. — Посиди, успокойся. А то можешь вон прилечь на свою койку. Я разрешаю. И от подъёма и построения освобождаю. Как больного.

Как бы то ни было, но в десять утра Серёжа уже трясся в больничной «таблетке» — «уазике» — по бетонному шоссе из их упрятанной в скалистых сопках ракетной точки в гарнизонный госпиталь Сары-Озека.

Неделя понадобилась военврачам и медсёстрам, чтобы привести в относительный порядок гланды и приготовить рядового к операции.

Утром 19 мая, в День пионерии, лечащий врач, старший лейтенант Хайлов энергичным шагом вошёл в палату и с ходу обратился к поднявшемуся навстречу Серёже:

— Не завтракал?

— Как можно! Вы же сказали: не есть с утра.

— Молодец, боец! Готовься и жди своей очереди — сегодня операционный день.

— Так точно, товарищ старший лейтенант! — невольно вскинулся парень. Он уже два дня томился ожиданием, а не в его натуре было ждать да откладывать. Серёжа любил во всём ясность и определённость. Сказать, что он боялся предстоящей операции, было бы неверно. Через то, что он должен был пройти сегодня, по здравому размышлению, никак не равнялось той изматывающей боли, пережитой им в дни воспалений гланд. Ведь не просто так военврач Хайлов поставил диагноз: хронический паратонзиллит.

Получается, что из-за собственной нерасторопности целых два предармейских года нарабатывал Серёжа эту хрони-

ку. И теперь вот он — долгожданный час избавления! Конечно, перед тем, как лечь под скальпель, перекусить бы хоть чуток не помешало. Воспаление рассосалось, организм оклемался, он же молодой и, как утверждают умные люди, всё еще растёт, не до конца сформировавшийся, так сказать. В солдатский желудок сейчас хоть поросёнка жареного забрасывай — вмиг переварит! Но... «Додумывай, парень! — усмехнулся своим мыслям Завьялов. — Как бы ты этого поросёнка не выпростал тут же на больничные простыни, а то и на офицерские погоны самого Хайлова!»

После полудня настроение у Серёжи начало плавать. Жутко хотелось есть, но нельзя; медсестра лишь разок часов в одиннадцать заглядывала в палату. Парень обрадовался, вскочил с постели, засобирился. Однако милотивная, с золотистой прядью, выбившейся из-под медицинской шапочки, девушка примерно его лет молча сунула градусник Серёже подмышку, сама присела на табурет у окна и строго поджала пухлые губки. Дождалась, взяла градусник, посмотрела, кивнула неизвестно кому и ушла, так ничего и не сказав.

А спросить самому, когда же поведут его на операцию, парень постеснялся, мысленно укорив себя: «Всего каких-то полгода службы, а ты уже и позабыл, как общаться с гражданами». Хотя вполне может быть, что эта фасонистая девчонка, вероятнее всего, военнотружущая, однако ни формы, ни знаков отличия через серо-зелёный халат Серёжа на ней не смог разглядеть. Скорее всего, как и он, рядовая, а может, даже и ефрейтор. Вон какая строгая!

Завьялова еще в день приёма в госпиталь поразило то, что он не встретил в этом продолговатом одноэтажном здании с шиферной крышей и широким крыльцом людей в белых халатах. Халаты были, но все какого-то мышиного защитного цвета.

К трём часам дня боец уже метался по палате, как зверь в западне. Бегал из угла в угол, но к дверям в коридор не приближался, переживал — выйдет, отлучится, а в это время за ним возьмут да и придут. К четырём что-то щёлкнуло в голове, Серёжа встал посреди больничной комнаты, отрешённо оглядел пустующие заправленные кровати и тумбочки между ними (в палате он был один) и присел на свою койку перед высоким окном с двойными рамами. Бросил подушку к стене, разлёгся на покрывале поперёк и стал разглядывать, что там творится на воле за окном.

Первое, на что обратил внимание: коряжистый, весь в мелких розовых цветочках, колючий карагач у сплошного дощатого забора; чуть в сторонке, окрашенные в унылый тёмно-зелёный колер склады с тяжёлыми замками на дверях. С

внешней стороны над забором вглубь поселкового пространства уходил жилой кирпичный дом с балконами и мачтами антенн на покатой крыше. Во многих оконных стёклах преломлялись и отблескивали лучи предвечернего солнца.

Взгляд парня привлёк решётчатый балкон верхнего пятого этажа посредине здания. Там на стуле сидела загорелая девушка в лёгком платьице. В руках у неё была какая-то книга, видимо, интересная, потому что за те полчаса, что Серёжа наблюдал за девушкой, она ни разу не оторвалась от чтения, не подняла свою изящную головку с волнистой чёлкой на красивом лбу. Пусть от Завьялова до неё было не так уж и близко, однако парень всё разглядел отчётливо. На зрение Серёжа не жаловался — оно было острым, и видел он далеко.

«Вот же как бывает в жизни, — настроился на философскую волну парень. — Я тут схожу с ума от ожидания неизвестно чего, а эта миленькая и вся такая воздушная фея сидит себе, почитывает и знать не знает, что скоро всего-то в сотне метров от неё одного молодого солдатика будут скальпелем безжалостно кромсать! — Серёжа подавил невесёлую усмешку и мысленно продолжил разговор с юной читательницей: — Солнышко ты моё, оторвись же наконец от книжки да подними свою чудную головку, посмотри на наш госпиталь! Может, и меня увидишь. Твой нежный взгляд придаст мне силы, и...» — додумать Серёжа не успел, в палату вошла давешняя молчаливая медсестра и кивком пригласила бойца следовать за ней.

Высокое кресло, в которое усадили Серёжу, было схоже с теми, что он встречал в зубокабинетах. Такие же удобные подлокотники, две тугие кожаные подушечки в изголовье и внизу у пола наклонная рифлёная пластина для упора ног. Вопреки ожиданиям привязывать, притягивать ремнями Серёжу ни к чему не стали.

— Задери рукав, — наконец-то услышал напевный голос молчаливой медсестры боец. Та в руках держала шприц. — Укольчик поставлю. Так... Теперь посиди, пока разойдётся.

— Хорошо, красавица.

— Не балуй, парниша!

— О-о! — оторопел Серёжа. Чего-чего, а вот уж этого от строгой медички он не ожидал. Или, может, она таким игривым образом просто пытается отвлечь пациента от мрачных предоперационных мыслей и панических сомнений? Но ответить что-то и завязать разговор Завьялов не успел. Медсестра бесшумно покинула операционную, оставив его одного.

Укол морфия не сразу, но подействовал. Томная лёгкость растеклась по всему телу. Стало тепло и приятно, в какую-то сказочно-нереальную даль отодвинулись металлический стол

с разложенными на нём блестящими хромированными пилками, скальпелями, ножницами, пинцетами и прочими незнакомыми Серёже медицинскими инструментами. Никелированный шкаф с пузырьками и бутылочками в наклейках за матовыми стёклами ни с того ни с сего поплыл в глазах. А на душе стало так благостно, что хоть песни распевай!

— Ну что, боец, готов к труду и обороне? — в дверях стоял старший лейтенант Хайлов в серо-зелёном халате и шапочке на голове. Следом за ним в помещение впорхнули две медсестры, уже знакомая неожиданная молчунья и вторая, невысокая девушка азиатского типа. На лицах у обеих медицинские маски, волосы убраны в аккуратные шапочки. Точно такой же белоснежной марлей азиатка закрыла по самые глаза гладко выбритое лицо сосредоточенного Хайлова, а молчунья надела клеёнчатый фартук на живот и грудь хирурга. Похожий фартук привставшему Завьялову через голову приспособила проворная азиатка и сунула в руки эмалированную посудину — держи, мол, теперь это твоё.

Какими-то штучками, напоминающими выгнутые бельевые прищепки, зафиксировали широко раскрытый рот, и после этого Хайлов уже сам поставил Серёже два укола в железы. Подождал, пока заморозится и ловко, с хрустом надрезав правую миндалину, взял в руки хромированный пистолет со стальной петлёй на стволе. Щелчок, и миндалина уже в подставленной медсестрой посудинке. А вот с надрезом левой, истыканной, в сплошных шрамах железы сразу что-то пошло не так. Военврач вновь и вновь подрезал её, пытался накинуть петлю, та срывалась, раздавался холостой щелчок. И всё повторялось сначала.

Серёжа сидел, вдавив темечко в упругие подушечки и уперев ноги в пластину. Шло время, наркозная заморозка заканчивалась. Парень уже начинал ощущать, как через губы на подбородок стекает что-то густое и тёплое. Наверное, всё это сочтётся дальше вниз по фартуку в эмалированную посудину, придерживаемую его вспотевшими от напряжения ладонями.

Серёжа видел серые внимательные глаза врача, крупные капли пота на открытом лбу. Молчунья медсестра отлучилась к столу и вернулась со смятым бинтом, осторожно промокнула лоб хирурга, тот кивнул в знак благодарности и сделал еще одну попытку зацепить искромсанную миндалину. Опять не получилось.

На стене напротив висели круглые часы с большими чёрными цифрами. Серёжа машинально отметил, когда началась операция: 16.41. Сейчас часы показывали 17.30. Некстати вспомнилось, как в курилке один выздоравливающий рас-

толковывал ему, что, дескать, «на всё про всё при вырывании glands уходит от силы минут двадцать. Так что не дрейфь, земляк! И глазом не моргнёшь, а будешь, как новенький!».

«Да уж, так обновился, что лучше некуда! — как черти на сковородке, скакали в воспалённом мозгу шальные мысли. — Старлей теперь вот уже по живому скальпелем поскрёбывается. А ведь не встанешь, не уйдёшь! И куда это, парень, бежать ты собрался? Посмотри-ка на медсестричку — молчунья-то наша, видно, вся извелась, а глаза-то, какие глаза!..»

И действительно, изящно очерченные, в бархатистой опушке ресниц бездонно-синие глаза девушки были подёрнуты влагой, и такая жалость струилась из них, что Серёжа на какие-то секунды забыл о нарастающей боли в развороченном скальпелем и отходящем от уколов горле.

Последовал очередной щелчок пистолета, и он в отличие от предыдущих оказался не холостым. Серёжа почувствовал не только острую боль, но и то, как что-то провалилось внутрь глотки. Хайлов чертыхнулся вслух, однако в интонации промелькнули нотки облегчения:

— Упустил-таки! Боец, не подавился?

Серёжа отрицательно мотнул головой.

— Ладно, всё переварится, — сказал, отходя от больного и снимая матовые перчатки, военврач.

Медсестра-азиатка подошла сзади к хирургу и помогла тому снять марлю с лица и освободиться от кое-где забрызганного гноем и кровью фартука.

— Крепкий парень. Молодец! — обратился Хайлов к своим помощникам. — Проводите в палату. На месте поставьте обезболивающий — и пусть отдыхает. Утром осмотру.

На покачивающихся неверных ногах в сопровождении невысокой азиатки, оказавшейся без маски привлекательной корейкой с раскосыми очами, прошёл Серёжа по коридору в палату, обессиленно присел на кровать. Появилась вторая сестра со шприцем, молча поставила укол в руку, сочувственно улыбнулась, и девушки бесшумно покинули больного.

Перед тем, как лечь, Завьялов посмотрел в окно. Солнце почти село, это было заметно по густой тени, что легла на цветущий карагач, строения у забора и среднюю часть пятиэтажки. Однако закатные отблески еще играли на верхних этажах. А на знакомом решетчатом балконе Серёжа увидел всё ту же девушку с книгой в руках. Увидел и через силу улыбнулся, правая рука непроизвольно потянулась вверх — помахать этой воздушной принцессе:

«Привет! Видишь, живой вернулся...» — сквозь утихающую боль весело подумалось парню. —

Госпитальный «уазик» выехал из скалистого ущелья на вспаханную равнину и покатил по земляной дороге, наклонно уходящей к поблескивающей озёрной линзе вдаль.

Сидящий рядом с водителем старший лейтенант Хайлов обернулся к Завьялову:

— Всё, боец, прибыли.

Серёжа согласно кивнул. Еще побаливало горло, и говорить было тяжело. Вчера на утреннем обходе Хайлов после осмотра неожиданно предложил Завьялову ехать с ним на целую неделю в подшефный совхоз на Капчагайское водохранилище.

— Операция прошла не совсем удачно, — пояснил старший лейтенант. — Надо понаблюдать за процессом заживления, а меня, как назло, завтра направляют в порядке шефской помощи на бахчи в совхоз «Заря коммунизма». Поедешь со мной? — Хайлов пристально посмотрел Серёже в глаза. — Я думаю, отказываться от почти что гражданки не стоит. Да и долечить тебя не будет лишним...

Автомобиль катился мягко и беззвучно. Вот справа проплыли две бревенчатые избы, одна с высоким крыльцом и красным флагом на крыше, другая — более удлинённая, с низким крыльцом, скамейками вдоль стены и антенной, закреплённой на дощатом фронте. Перед строениями на утопанной площадке в углу стояло несколько мотоциклов с колясками и бортовой «зилком».

Вопреки ожиданиям Завьялова здесь даже и не притормозили, а помчались дальше вдоль крутого берега по едва различимой в траве колее.

Три брезентовых палатки Серёжа заметил издали и сразу догадался, что это и есть их полевой лагерь. А когда оказались рядом, взору парня открылась еще и овальная лагуна в овраге с перевёрнутой на песке лодкой и бревенчатым домом на том, более низком берегу.

Встречать их выбрались из палаток шесть офицеров и четверо солдат. Конечно, Серёжа определил это не по каким-то знакам отличия или форме — все были одеты не понять во что: кто в галифе, кто в хэбэшные штаны или трико; на ком-то майка, на ком-то нижняя рубашка; кто в сапогах, кто в шлёпанцах. Была середина дня и хорошо припекало.

Распознал будущих соратников по арбузной плантации Завьялов по возрасту и внешнему виду. Юные, безусые и стройные — это, безусловно, выздоравливающие бойцы. А те, кто поуверенней в повадках, а некоторые даже и с определившимся животиком — это офицеры. Поумничал парень и — ошибся. Позже выяснилось, что лишь двое из предполагаемых ше-

сти — офицеры-медики, а четверо — так называемые «партизаны», то есть гражданские, призванные военкоматами на двухмесячную переподготовку и попавшие на бахчи.

А вот с солдатами Серёжа угадал. Одного из этих загорелых парней он менял, тот, даже не посмотрев в сторону прибывших, молча полез в «таблетку»; с остальными, стоящими чуть поодаль бойцами, Завьялову предстояло познакомиться поближе.

Минут через пятнадцать, забрав с собой одного офицера и солдата, машина развернулась и уехала. Шофёр даже и перекусить с дороги отказался, сославшись на то, что путь неблизкий и надо бы в госпиталь засветло вернуться.

Старшего лейтенанта и Серёжу провели на берег, где на столике, укрытые вафельным полотенцем, стояли миски с жареной рыбой, ломтями хлеба, между ними лежали пучки зелёного лука, укропа и петрушки, поблескивала фарфоровая солонка. Метрах в двух ближе к воде на треноге на углях попыхивал закопчённый чайник.

— К обеду вы опоздали, — как бы оправдываясь, сказал лысоватый толстячок с выпуклыми голубыми глазами и круглым, располагающим лицом, как позже оказалось: капитан медицинской службы, невропатолог. — Поэтому перекусите, как говорится, чем бог послал. И отправимся арык перегораживать. Я покажу где... А к семи вечера со стана придёт бортовая машина, и нас отвезут поужинать.

Пешком по земляной дороге поднялись на середину распаханного, с бороздами сверху вниз, широкого поля, и от развилки пошли вдоль делящего надвое эту бахчу арыка с мутной водой. Здесь солдаты и «партизаны» разбились попарно, а капитан с Хайловым ушли дальше вверх по своим делам. Серёжин напарник, высокий, смуглый шатен с нетипичными для солдата-срочника колечками кудрей вместо полагающихся коротко стриженных волос рассказал, в чём будет состоять их работа.

Дело оказалось проще пареной репы. Перегораживаешь комьями и дёрном ручей, получается запруда. Пока накапливается вода, лопатами срезаешь бровки, разделяющие арык и дно бороздок. Мутный поток растекается по уходящим вниз руслам. Происходит полив едва проклюнувшихся арбузных ростков. Как только бороздки подтапливаются и напитываются влагой, запруду разгораживаешь, вода сбегает, бровки восстанавливаешь и переходишь на следующий участок.

Напарник был постарше Серёжи, на вид парню года двадцать три. Назвался Леонидом. Статный, разговорчивый, кур-

чавый. Серёжа догадался, отчего эта неуставная причёска: дисциплина в госпитале не такая жёсткая, как в войсках. Больничный халат — не гимнастёрка. Ни подшитых подворотничков тебе, ни аккуратной стрижки, желательно под «ноль». Вот паренёк и приборзел.

— Ты с чем попал?

— Гланды только что выдрали. Даже говорить не мог, с обеда вот отошло маленько. А ты?

— У меня голова болит постоянно...

— И сейчас, что ли?

— Да нет. На свежем воздухе проходит.

— Да, здесь курорт, — Серёжа окинул окрестность и хмыкнул: — Скажи землякам в части, не поверят, что такое может быть всего-то в сотне км от нашего пекла.

— А ты где служишь?

— Так, на точке... — уклончиво ответил Завьялов. Еще в карантине с них взяли подписку на пять лет о неразглашении. — В артиллерии. А ты?

— Да я в Озёке же, при штабе.

— Небось, писарем?

— Нет, в хоззвезде, — дальше Лёня распространяться не стал, а спросил: — Призван-то откуда?

— С Алтайского края.

— Не был, не знаю. Поди, такая же пустыня и перекатипole, как здесь?

— В наших предгорьях тайга непролазная, родники такие, что пить, не напиться, — мечтательно произнёс Серёжа. — Рядом в белках — это горы со снежниками на пиках — огромные кедр, а шишек на них — мешками возим.

— Ну-ну, — не поверил новый знакомый и нехорошо усмехнулся: — Ты еще скажи, что с верхушек ваших кедров можно прямо на луну залезть! За полтора года службы я тут всякого понаслушался... Каждый кулик своё болото так расписывает, так расписывает! А вот бывал ты, к примеру, в Ленинграде?

— Нет, не приходилось, — Серёжу несколько покоробил пренебрежительный тон собеседника, но обострять разговора не хотелось. Кругом такая вольная красота, тёплый дух идёт от матушки-земли. И он промолчал.

— А я коренной ленинградец! Хотя между собой мы себя называем «питерцами». Так оно правильной и красивей.

— Так ты из дворян, что ли? — в школе у Серёжи по истории была пятёрка. Он с сомнением посмотрел на Леонида: — Хотя они всё больше белокурые, а твои предки, наверное, из греков, а может — армян?

— Обижает, пацан, — презрительно ухмыльнулся напарник. — Я еврей, из сефардов. Ты, деревня, поди и не слышал про таких?

— Про вас не захочешь, да услышишь... — Получи-ка, браток, за «деревню»: — Ты, Лёнчик, шутишь!? Какой ты на хрен коренной питерец? Коренных, кто не успел сбежать за кордон, извели ваши же еще в двадцатых. А на их места залезли такие, как ты, «сефардцы» и «ашкеназцы».

— Так ты чё, против нашей Октябрьской революции? Забыл, кто вам её на блюдечке да с голубой каёмочкой преподнёс? Из вождей один только Ленин ваш, и то — как сказать...

— Ты мне, Лёнчик, политику не шей. Я от неё так же далёк, как от твоего Ленинграда. Давай-ка лучше распрудим и дальше пойдём поливать.

Вечером в совхозной столовой впервые со дня призыва уминал Серёжа роскошную, величиной с ладонь, деревенскую котлету с гарниром из риса и, запивая компотом, смотрел новости по мерцающему на подставке в углу телевизору с чёрно-белым экраном. Тоже в первый раз больше чем за полгода, потому как ни в казарме, ни в госпитале даже простеньких «Рекордов», как этот, не было. Зато и там, и там имелась своя библиотека. И если в дивизионе времени на чтение редко удавалось выкроить, то в лазарете его — хоть отбавляй. А книги Серёжа любил с первого класса, как только освоил азбуку. Теперь вот для разнообразия и как нечаянная отдушина — телевизор, пускай хоть краешком глаза...

Звёзды крупные, степные чуть пригасили свой свет, когда с восточной окраины выкатилась на небосклон огромная луна и вся окрестность стала такой, как будто ты рассматриваешь её через матовую плёнку: предметы, если они где-то и сливались, то всё равно были видны и узнаваемы. Воздух вокруг лагеря тёплый и мягкий.

— Ты рыбак, Завьялов? — неслышно подошёл сзади от палаток старший лейтенант Хайлов к наблюдающему за небом Серёже.

— Да не сказать, чтобы очень-то...

— Ну, хоть сети-то видел в жизни?

— Марлей пескаррей таскали в детстве.

— Значит, умеешь, — с облегчением выдохнул Хайлов и бодро крикнул в сумерки: — Александр Николаич, ступай к нам! Я себе — замену, а тебе компаньона нашёл!

Прошло уже трое суток их пребывания на совхозных бахчах. Ранки в горле затянуло, Серёжа загорел, подобрался, отмяк душой. Эх, кабы сюда еще и почту наладить, вообще

был бы рай! Дело в том, что парень положил себе за правило: родителям писать регулярно, не реже, чем раз в неделю; и до госпиталя это получалось, а теперь вот произошёл сбой.

Завьялов перед операцией отправил домой очередное письмо, где сообщал, что подпротыл маленько, но ничего страшного в этом нет, скоро, мол, выздоровеет и вернётся в часть. Однако возвращение, судя по всему, затягивалось. А из этих бахчей до ближайшего почтового ящика вёрст не сосчитать, да и весточку передать не с кем. И как же здесь быть?

— Вот этот боец, товарищ капитан, хорошо умеет справляться с неводом, — радостно выдал Хайлов подошедшему невропатологу несуществующие авансы относительно рыбацкой удали своего подопечного. — Вы уж теперь тут как-нибудь сами без меня, а я пошёл спать. Что-то подустал сегодня.

Молодец, старлей, свалил свою ношу на Серёжу. А сам в палатку...

— У меня фонарик есть, — просто обратился к Завьялову капитан. — Но, думаю, обойдёмся и так. Ночь-то, как в песне: «И такой на небе месяц — хоть иголки собирай...» Нам в актив еще и то, что наш рыбнадзор с базы, — офицер указал рукой на тусклый в сумеречном свете противоположный берег за лагуной, — на своём «Ирбите» с вечера куда-то умчался. А это значит, что мы будем выгребать судака и щуку без оглядки.

— А не вернётся?

— Ну и что? Объяснимся как-нибудь. Всё-таки соседи...

Капитан впереди, Серёжа за ним, обошли мыс и спустились по осыпчатому обрыву к тёмной озёрной поверхности. Офицер положил на камушки свёрнутый мешок, скинул шлёпанцы, разделся до плавок, а Завьялов, не желая мочить трусы — догола, и зашли они в неподвижную, хорошо прогретую за день воду.

— Ты ощурай с левой стороны, а я с правой поищу подтопленные поплавки. Только в сетке не запутайся — негромко бросил капитан, отплывая от берега. И почти сразу же из сумерек донеслось: — Всё! Не ищи, солдатик. Конец у меня. Буду подтягивать к берегу. Встречай!

Поднялся лёгкий ветерок. На зыбкой мели перебрали невод, добыли с десятков судаков и трёх зубастых щучек. Капитан осторожно освобождал из крупных ячей головы, жабры, хвосты рыбин, и бросал улов в раскрытый мешок в Серёжиных руках. Минут через десять Завьялов оттащил его на берег, завязал тесёмки и вернулся к Александру Николаевичу. Вдвоём они расправили сеть, еще раз осмотрели и, заплыв на глубину, подтопили её на прежнем месте.

— Утром встань пораньше, боец, — перед тем, как разойтись по палаткам, сказал капитан, — поможешь управиться с рыбой. Распотрошим, посолим, какую на жарёху оставим.

— Во сколь?

— Часиков в пять. Спокойной ночи, парень.

— Приятных снов, товарищ капитан!

Назавтра выпало Серёже поливать арбузную поросль с Леонидом. Предыдущие дни Завьялов перепруживал и разгораживал арык то с «партизанами», то с угрюмым Толиком, из которого каждое слово нужно было вытягивать чуть ли не клещами. А вот в работе Толик незаменим: мог весь день без перекура ворочать комья и махать лопатой. Худой, жилистый парень, родом откуда-то из деревни под Рязанью. Говорил с нажимом на «о», слегка растягивая гласные. Однако за смену, если и скажет два-три предложения, как рублём одарит.

А Лёня, напротив, говоруном был отменным. Обопрётся на лопату, и давай ездить по Серёжиным ушам. Оно всё бы ничего, да только в речах у питерца нередко проскальзывало плохо скрываемое надменное бахвальство. И это утомляло.

Прочувяв, что Серёжа начитанный и в отличие от многих солдат прекрасно изъясняется без солёных матерных словечек, Лёня вёл беседы на исторические темы, подчёркивая исключительную роль своего особенного народа в развитии человечества.

— Ньютон — кто? Спиноза? Эйнштейн? Это я тебе только первых, навскидку, мировых учёных назвал. А композиторы Шестакович и Дунаевский? Тоже наши, — довольно хмыкнул питерец и, нехотя кинув лопату земли на запруду, вдохновенно продолжал: — Я уж не говорю про пламенных революционеров и вождей государства, таких как Мехлис, Якир, Каганович. А ты вспомни-ка, сибирячок — Свердловск ведь от вас там недалёко: кто руководил красноармейцами, которые шлёпнули вашего Николашку со всей его семейкой? Наши — Юровский с Голощёкиным. Да и Бог ваш — Иисус Христос, он тоже из евреев!

— Ну, это ты уж брось! — не выдержал Серёжа. — Остальные — ладно, пусть из твоих. Но моя бабушка Капитолина, она в Бога верила, а я ей. Она всегда мне в детстве говорила: Христос — Сын Божий. И твоим предкам шибко повезло, что были избраны, однако они-то что с Ним сотворили? Не пацан, сам помнишь... — Завьялов усмехнулся: — Наверное, хватит орать на всё поле, а то вон уже военврачи и те работу побросали — тебя слушают. И ты давай-ка угомонись, сверхчеловек: не надо заворачивать свой базар так,

будто у русских нет гениев! Ты что, не слышал про Александра Невского и Дмитрия Донского? А про Михайло Ломоносова? Чайковского? Дмитрия Менделеева? А фамилия Павлов — академика — тебе ни о чём не говорит? А Жуков с Коновым? А Будённый? Я могу до обеда перечислять. Покуда ушки твои красивые не завянут.

Ладно бы при проливке бахчей лез к Серёже со своей избранностью этот прилипчивый питерец, теперь он старался занозить парня, где только выпадала минутка: на борту ли машины, везущей их бригаду на стан в совхозную столовую, после подъёма ли при умывании, по дороге ли на работу. Военврачи всё это заметили, и больше не ставили Серёжу с ним в одну пару, чтобы ненароком эти беспокойные выздоравливающие не разодрались.

Завьялов чувствовал: и капитан, и Хайлов на его стороне. Он догадывался, что демонстративная заносчивость Леонида им тоже была неприятна, но кадровые вояки не вмешивались, не обрывали того. То ли из деликатности, то ли не считали нужным опускаться до общения с этим курчавым болтуном из северной столицы.

После обеда, в самое пекло, ровно часок давался всем отдохнуть в лагере. Можно было поваляться поверх спальника в палатке, можно сходить искупнуться, чтобы потом позагорать на берегу, выбрав среди мелкого нанесённого прибоем галечника волнистый островок песка и, растянувшись на нём, подгрести ладошками под грудь сухие и рассыпчатые барханчики.

— Эх, как хорошо-то! Прямо как на балтийских дюнах в августе! — Лёня прилёг на раскалённый песок рядом с Серёжей. — Вот лафа-то! Ещё бы чувих сюда парочку-другую. Вообще бы всё соответствовало. Но зато как представлю, что осенью на дембель — словно крылья вырастают! — питерец приподнялся и сел, снисходительно окинув полёживающего на песке сибиряка. — Хотя тебе этого не понять. Ты до армии наверняка слаще морковки ничё и не пробовал...

— Брось трепаться, Алан Делон ходячий! Ботало столичное.

— Особо-то не возникай. А то я будто не вижу, что ты, Серёга, по натуре телок в таких делах: мычишь и не телишься, — питерец плотоядно ухмыльнулся и без всякого перехода понёс: — Рядом с нашим институтом общага бабская стояла, швей-мотористок. Так я, пока не ушёл в академ, всех там поймел... Бывало, забуришься, и с первого этажа до пятого каждую комнатку пройдёшь, и хоть бы одна отказала. Девахи румяные, мясистые, с местных деревень русачки.

Пальцем помани и делай, что хочешь. Вот вытворяли, сучки! Русские давалки самые безотказные.

Леонид так распалился, что чуть не подпрыгивал на месте, при этом успевая неприлично жестикулировать худыми руками. Конечно же, он не видел за своей спиной вышедших на бугорок офицеров, невольно ставших свидетелями его сальностей. Серёжа тоже их заметил только что, когда слегка отклонил голову в сторону. Ему стало почему-то стыдно за питерца и неловко за себя.

— Угомонись, фантазёр, — в сердцах оборвал он Леонида. — На нас смотрят. Ты что, трепуша, забыл: языком молоть — не мешки таскать. Брехло еврейское...

— Да я тебя, шмакодявка ты салажонская!..

Парни вскочили на ноги и встали друг против друга. Серёжа едва сдерживал себя, глаза у него побелели и сузились. Он чувствовал, как тяжелеют кулаки. Лишь бы не сорваться и дров не наломать. А за девчонок обидно. В памяти проступили милovidные лица давешних медсестричек и девушка с книжкой на балконе. И здесь же их затенила искажённая злобой самодовольная физиономия питерца.

— Ты, сопляк, не рано ли борзеть начал, — Лёня протянул вперёд обе руки; движение было таким, словно он намеревался схватить Серёжу за грудки, за распахнутый ворот больничного халата. Но как это сделать, когда торсы-то у них голые, а из одежды одни сатиновые трусы до колен?

— Зря ты, парень, плети свои выкинул, — яростно выдохнул Серёжа, перехватывая питерцу руки выше локтей и, подсаживаясь под противника, гибко изогнулся для броска через бедро.

— А тело-то у тебя рыхлое, как у протухшей селёдки! — догнал Завьялов криком летящего через его спину «Алан Делона».

Леонид с глухим стуком впечатался в мелкие камешки. Группироваться этот красавец обучен, видимо, не был, потому и вытянулся длинной кишкой перед стоящим над ним и отходящим от броска Серёжей.

— Это тебе, сволочь, за наших девчонок! Козёл столичный! — зло метнул Завьялов. — Будешь теперь знать, как поганым языком трепать!

Однако вид поверженного был настолько жалок и беспомощен, что Серёжа, сменив гнев на милость, участливо склонился над питерцем, протянул правую руку и, поддерживая под локоток, помог подняться недавнему противнику и даже смахнул несколько мелких камешков, вдавленных в трапециевидные мышцы худой спины Лёнчика.

Тот, даже не глянув в сторону Серёжи, и не сказав ничего, подрагивающими пальцами стряхнул с трусов прилипший песок и направился от берега вверх, к своей палатке. Военврачи, когда он проходил мимо них, отвернулись и принялись любоваться полуденным озёрным бризом.

За оставшиеся два дня до отъезда в госпиталь Лёня не проронил ни слова. Ходил по лагерю и плантации с каким-то высокомерным и одновременно пришибленным выражением своего семитского лица. Уже не работал, больше просто держался за лопату, обозначая своё присутствие.

И даже когда забирался в прибывшую госпитальную «таблетку», не кивнул никому на прощанье. С ним уезжал и старший лейтенант Хайлов. По всему, должен бы вернуться в госпиталь и Серёжа. Однако накануне вечером у костра лечащий врач обратился к Завьялову с предложением остаться тому на бахчах еще на недельку.

— Парень ты толковый, — сказал Хайлов. — От работы не бегаешь.

— А как же служба? Я и так уже полмесяца отсутствую в части, — искренне посовестился Серёжа. — Неудобно как-то перед ребятами...

— Неудобно штаны через голову надевать, — усмехнулся старший лейтенант. — Будем считать, что я продлеваю твой курс лечения курортными процедурами.

— Оставайся, парень, — вмешался полноватый капитан. — Порыбачим...

Еще одна солнечно-трудовая неделя пролетела быстро. Работалось легко, мужики вокруг тоже не отлынивали, а главное — никто не зудел над ухом о своём расовом превосходстве. Всё бы хорошо, но Серёжа начинал по-тихому тосковать из-за отсутствия вестей из дома, да еще и неопределённость томила. А невропатолог между тем — опять у вечернего костра — уговаривал парня оставаться на бахчах ни много ни мало, как до самой осени.

— Что ты в войсках забыл? Сам же знаешь: солдат спит, служба идёт...

— Товарищ капитан! Кто с гландами по полгода валяется в госпитале?

— Через недельку заканчивается моя месячная командировка сюда, я уеду и на месте возьму у старшего лейтенанта твою историю болезни, допишу свой диагноз — и лечись себе на здоровье дальше, — капитан расцвёл в добродушной ухмылке: — Хоть арбузов от пуза прямо с грядки поешь!

— Не смогу я. Буду здесь как на иголках.

— А там, куда так стремишься, путнего-то чего? Ты же всего полгода в армии. Вернёшься в часть, старослужащие заклюют, затуркают попрёками. Знаю я вашу братию. Пятнадцатый год по гарнизонам.

— Как-нибудь отобьюсь.

— Ну, смотри, парень. К сожалению, приказать тебе не в моей власти, — с грустью в голосе произнёс капитан, однако перед тем, как подняться от дотлевающего костра, он, будто вспомнив что-то важное, заглянул Серёже в глаза и твёрдо сказал: — Езжай с Богом. Но если вдруг возникнут трудности, будут давить или просто захочешь побывать на бахчах, сразу в лазарет, скажи, что голова болит, раскалывается и никак не проходит, и добейся, чтобы тебя направили в гарнизонный госпиталь к невропатологу, то есть ко мне. Остальное, как говорится — дело техники. Обещаешь?

— Так точно, товарищ капитан, — бодро откликнулся Серёжа. И ему вдруг почему-то вспомнился сефард Лёня и его загадочные головные боли.

По возвращении в бригаду Завьялова ждала не только целая пачка непрочитанных писем из дома, от девушки и от друзей, но и неожиданная, как гром среди ясного неба, новость: его поставили на сержантскую должность командира отделения радиостанции. На место недавно уволенного в запас старшего сержанта Сундетова.

3

Серёжа улыбнулся своим мыслям, еще раз глянул на проплывающие за окном трёх и четырёхэтажные жилые здания в обрамлении пожелтевших пирамидальных тополей — воинский состав проезжал райцентр Капчагай — и отправился в своё купе. Навстречу ему из глубины вагона шла в строгой светло-серой юбке и сиреневой блузке пышногрудая, с раскосыми восточными глазами и статной фигурой молодая проводница по имени Гульнара.

Завьялов посторонился, чтобы пропустить торопящуюся к себе девушку. Проходя мимо, та мельком и, как показалось Серёже, оценивающе окинула его с головы до ног и побежала дальше.

«Не впечатлил...» — усмехнулся про себя парень, а вслух пошутил, обращаясь к сидящим на боковых местах сослуживцам:

— С такой кралей мы за дорогу или с ума сойдём или передрёмся!

— Да на неё просто поглядеть после нашей голодухи — уже сказка, — живо откликнулся ефрейтор Усольцев. — Хороша татарочка!

— А ты откуда знаешь, что татарка, а не узбечка, например?

— Она сама сказала, когда деды наши при посадке стали к ней подкатывать.

Проехали еще какое-то время, и в окнах слева на горизонте показалась, освещённая закатными лучами, цепь высоких гор с белоснежными вершинами — хребты Заилийского Алатау. Значит, скоро Алма-Ата. Однако до города в этот вечер воинский состав не добрался. На одном из разъездов его загнали ночевать в тупик.

Повара с двухведёрными рифлёными контейнерами прошли по купе, покормили бойцов дымящейся мясной кашей и горячим подслащённым чаем. Спасибо отцам-командирам, что озаботились заранее: походная кухня располагалась при составе на специально оборудованной платформе.

Уже темнело, когда в вагон наведалься и заглянул в каждое купе заместитель командира дивизиона по политической части старший лейтенант со странной и какой-то несерьёзной фамилией Дуля. Был он невысокого роста, поджарый, с оспинками на щеках, серо-жёлтые глаза не могли найти себе места, всё бегали.

Что неприятно удивило Серёжу еще в первые месяцы службы, так это то, что политрук, отвечающий за коммунистическое и примерное воспитание солдат, мог при случае, когда рядом не было старших по званию, и смачно матюгнуться, и послать по матушке бессловесных срочников. Вот тебе и — «коммунисты, вперёд!»

Перед тем, как выключить свет в вагоне и уйти в купе проводников, Гульнара прошла в тамбур и под присмотром замполита, что-то весело рассказывающего ей, закрыла полым гранёным ключом на связке входные двери. Было видно, как Дуля хотел забрать ключи у девушки, да та не отдала, громко бросив через хрупкое плечо старлею, что, дескать, «их по инструкции не положено никому передавать в руки». Вероятно, определение «по инструкции» оказалось действенным — замполит незамедлительно ретировался в офицерский вагон.

Место у Серёжи нижнее боковое, и всё происходящее в освещённом коридорчике перед нагревателем и купе проводников хорошо просматривалось. Вот там появился долговязый ефрейтор Усольцев с кружкой в руках, но отчего-то набирать кипятка не стал, а повернулся к двери и тихонько постучал. Выглянула девушка, сейчас она была в лёгком халате, смоляные вьющиеся волосы падали на плечи.

— Ах, Усольцов, сладкоежка! За сахарком, небось, припёрся, — мелькнула простодушная мысль у Завьялова. — Но что такое? Почему же он не ждёт у двери, а ныряет внутрь?

В ночной тишине послышалось, как щёлкнул закрываемый внутренний замок, и опять всё стихло. Минут через десять, Серёжа уже проваливался в сон, когда мимо прошёл сержант-подстарок из батареи управления и ногой задел Завьялова за свисающую с полки руку, вернув того в реальность.

«А этот-то куда? — подумалось с раздражением. — Туалет ведь в другой стороне... Шарятся здесь всякие, спать не дают», — он перевернулся на спину и закрыл глаза.

Тишина убаюкивала, тело растворялось в ней, чтобы собраться вновь, но уже в весеннем солнечном скверике у фонтана. Серёжа сидел под белоснежной черёмухой на скамье с фигурно изогнутой спинкой, а Валюша отошла к бьющему серебряными струями фонтану и, протянув руки, пыталась набрать в сделанные лодочкой ладошки ниспадающей сверху воды. Девушка то и дело оборачивала к Серёже своё смеющееся красивое лицо и звала лучисто-серыми глазами к себе. Серёжа шутливо отмахивался: «дескать, мне и здесь, у душистой черёмухи, так хорошо, что и вставать-то лень! Лучше ты возвращайся ко мне. Вместе ароматом подышим...»

— Не дрыхни, Завьялов. Давай к Гульнарке, — тихонько тормозил Серёжу Усольцев. — Пооди, успеешь еще, пока деды не просекли. Она всем даёт, — Усольцев ухмыльнулся: — «Вас, говорит, солдатиков всегда так жалко, прям сил моих нету терпеть!» А девка ядрёная! Кровь с молоком. Да не дрыхни ты, пошёл — давай! За сержантом будешь...

Наконец-то Серёжа проснулся окончательно и всё понял.

— Нет, браток, спасибо — не хочу. Иди, зови кого другого, — Серёжу передёрнуло, и он не удержался, отрезал в сердцах: — Не хватало еще — в очередь...

— Ладно, дрыхни дальше, Ромео.

Однако сон пропал. Вязкая полудрёма то одолеет, то отпустит. Явственного ничего не проступало. Всё что-то обвальное, бессмысленное...

Светало, когда изрядно вымотанный Серёжа уснул. Однако сон и так-то всегда чуткий сегодня получился еще и предельно обострённым. А то бы разве услышал парень в наступившем под утро полном безмолвии неясный и вкрадчивый звук, напоминающий скобление мышки под плинтусом. Серёжа открыл глаза и склонил голову на край подушки, чтобы лучше рассмотреть: что же опять там происходит?

Замполит, в расстёгнутом полевом кителе без портупей, в помятых галифе и тапочках на босу ногу, по виду слегка пьяненький, тихо скрёбся в дверь купе проводников. В правой руке у Дули Серёжа рассмотрел прихваченный двумя паль-

цами червонец, красную десятирублёвую купюру, и, напрягая слух, разобрал громкий напористый шепот:

— Гульнарочка, миленькая, будь любя, открой? Я не за так! Заплачу. Мало будет — дам еще. Шибко любить тебя хочу, Гульнарочка! — Дуля на минутку умолк, и Серёжа услышал, как провернулся ключ в открываемой двери, и в проёме показались растрёпанная голова и голое молочное плечо проводницы.

— Чё мешаешь, старый козёл! — произнесла она с вызовом и, смерив старлея презрительным взглядом, гордо бросила: — И вообще, я с офицерами не сплю. У вас свои бабы имеются. Я солдатиков люблю, — и с шумом захлопнула дверь перед самым носом замполита. Дуля потоптался, постоял и, повесив голову на грудь, нетвёрдым шагом подался в свой вагон.

Утром Гульнара, причёсанная и свежая, будто и не было накануне бурной ночи, улыбочиво порхала между купе. Подмела и помыла полы, прошла, поправила занавески на окнах, а по прибытию состава в Алма-Ату неожиданно для всех покинула вагон со спортивной сумкой через плечо, напоследок, уже с перрона, приветливо помахав солдатам изящной соблазнительной ручкой.

Замполит с говорящей фамилией Дуля проявился с проверкой лишь к вечеру, то ли отсыпался после пьянки с любовным обломом, то ли отдыхал после «праведных» трудов по изгнанию непутёвой Гульнары и замене её на пожилого и одутловатого проводника. При этом у старлея был вид победителя: ведь ему столько сил потребовалось приложить, чтобы известить командование о развратном поведении проводницы, добиться, чтобы её снять с поезда и тем самым обезопасить дальнейший путь доблестных ракетчиков!

На четвёртый день пути состав загнали на какую-то тупиковую железнодорожную ветку посреди поволжской степи, плоской и круглой, как стол, с редкой серой растительностью и поблескивающими, как плешь, частыми солончаками. По настилам спустили технику с платформ, выстроили машины во главе с ракетными установками одну за другой, и по отмашке полковника Дубова колонна тронулась.

Направление, как при построении сообщил командир батареи капитан Кулагин, строго на площадки, и пояснил, что это никакие не плацы, а своеобразные оазисы, военные городки в этой грёбаной полупустыне, где они в человеческих условиях отдохнут с дороги и приступят к подготовке боевых пусков.

Поднимаемая до неба пыль от движущейся колонны не только застилала путь и мешала Серёже разглядеть окрестности, она проникала через резинки на плотно закрытых окнах ГАЗ-51 в кабину и заставляла дышать только носом, чтобы избежать слюнной грязи во рту.

Пыли убавилось, как только выехали на бетонку, а километра через полтора вся взвесь осела, в кабине прояснело, и открылся горизонт, на котором приветливо замаячили оштукатуренная и побеленная кочегарка с высокой трубой, правильно расставленные двухэтажные кирпичные строения за оградой и скупая щетинка чахлах пирамидальных тополей по периметру. Деревья походили на воткнутые в землю обдёрнутые метёлки с торчащими голыми прутьями.

Стоял сентябрь, и по всем приметам листьям, пусть уже и жёлтым, покуда не время было облетать. Месторасположение их ракетной бригады значительно южнее, недалеко от границы с недружественным маоистским Китаем, летом на верняка и жара свирепее, однако, когда они уезжали, на тех же устремлённых ввысь тополях кое-в-каких местах еще просматривались на жёлтом фоне зелёные пряди. А здесь уже ни листочка... «Вот что значит — полигон» — заключил для себя Серёжа.

Перед широкими железными с красными звёздами воротами колонна остановилась. Командиры через КПП прошли на территорию. Сержанты и солдаты спрыгнули на землю размять затёкшие ноги и перекурить.

— Насколько я знаю, — не соотносясь ни к кому конкретно из стоящих рядом сослуживцев, сказал Серёжа, — Сейчас мы загоним и осмотрим свою технику, нас покормят обедом, а вечером партиями отправят в баньку, — Завьялов мечтательно потянулся: — Только был бы жар покрепче, чтобы с дорожки душу отвести...

— По машинам! Приготовиться к маршу! — перебивая Серёжу, раздался резкий и зычный бас Дубова. Полковник, широко расставив ноги, стоял у КПП, остальные офицеры под отрывистые аккорды начальника политотдела скорым шагом бежали к своим машинам: — Слушай мою команду! Колонной выдвигаемся в степь и разбиваем лагерь!

— Вот тебе на! Славно попарились! — напоследок только и успел недоумённо и насмешливо прокричать Усольцев, убегая к своему «ГАЗ-66». В кунге этого автомобиля, оснащённого разными военными геодезическими приборами, ефрейтор возил отделение топографов.

Если сверху посмотреть: железный сочленённый удав изогнулся вопросительным знаком и начал медленно выползать

назад на бетонку, ревя и попыхивая по бокам едким дымом изо всех выхлопных труб. Наконец колонна выровнялась и, набирая скорость, покатила.

Километра через полтора впереди показалась примерно такая же кавалькада военных машин. Только вот установки у тех были пожиже, а ракеты не шли ни в какое сравнение: казались игрушечными. Зато все автомобили были чистенькими и новенькими, как с конвейера. И чем-то неуловимо отличались от нашей советской техники.

— Союзнички! — кивнул в сторону встречной колонны сидевший за рулём рядовой и, не оборачиваясь, пояснил Серёже: — Видишь эмблемы на дверках? Гэдээровцы. Немчуря, — водитель приоткрыл боковое окно, чертыхнулся и сплюнул на дорогу: — Эти фраера на наше место, в мягкие постели, а нам — в степь и окопаться!

— Откуда известно, Зверев? — машинально спросил Завьялов и запоздало спохватился — вопрос-то был лишним. Серёжа, как никто другой, знал, что подчинённому до дембеля оставалось всего месяца полтора-два. И Зверев мог бы запросто отказаться от поездки на полигон, потому что меньше чем через пару недель выйдет приказ об увольнении. И по установившимся в бригаде неписаным правилам дедов в это время уже не привлекали к серьёзным мероприятиям, давая им возможность основательно подготовиться к гражданке. Однако Зверев вызвался сам. Командиры одобрили, хорошо помня, что в прошлом году тот уже бывал на пусках здесь, в Капустином яре, на главном полигоне стран Варшавского договора.

— Той осенью мы с такими же пересекались. Только болгарями. Но их-то прибыла небольшая горстка. На площадке места всем хватило. А эти, глянь-ка, товарищ младший сержант, всё прут и прут. И хвоста не видно, — Зверев опять смачно сплюнул за окно: — Пропади они пропадом, нацики недобитые!

— Зря ты так, Алексей! Они же вроде за нас...

— Посмотрим... Болгары, так те хоть славяне. Понаблюдал в тот раз, даже пообщались. Правда, они против нашего брата шибко раскормленные, какие-то увальни. Мы бегом бегали, а они в раскачку. И всё нам наклейки цветные, стаканчики сувенирные да запонки разные дарили. — Зверев, вспоминая, даже лицом посветлел: — Не скажу тока, как они отстрелялись — мы тогда раньше уехали. А с этими, даст бог, и не пересечёмся. У меня отец всю войну прошёл, всякое рассказывал... — Алексей вздохнул: — Если честно — не хочу видеть эти немецкие рожи!

— Много ты со степи-то разглядишь? Встретились — разъехались. Забудь.

— Поживём — увидим...

4

Благо, что хоть полдня, осеннего, куцего, но было у солдат в запасе. Отъехали в степь на десяток километров, офицеры определили по карте место; и ракетчики прямо с марша, наскоро перекусив сухим пайком, принялись обживать. До темноты успели вырыть на полметра вглубь квадратные остовы под жильё, с врезанными земляными ступеньками у предполагаемого входа, укрепить стенки понизу дощатым каркасом и поверху натянуть двойные зимние палатки с откидной брезентовой же, по окоёму обитой дранкой дверцей.

Внутри сколотили сплошные нары из толстых досок; поллучили в хоззвезде матрасы, подушки, шерстяные одеяла, достали из кунгов шинели, а шапки-ушанки трогать повременили, погода еще позволяла ходить в пилотках. А вот печей, железных буржук в палатках ставить полковник не разрешил:

— До снега отстреляемся, ночи тёплые, да и вообще не забывайте: у вас летний и зимний комплект нижнего белья и портянок. Не замёрзнете.

Наутро комбат приказал Завьялову направить одного телефониста в распоряжение Дубова, тот пусть и был сейчас командиром всего их отряда, а замашки-то начальника политотдела никуда не делись: первоочередной задачей определил возведение полевого клуба, где бы ежедневно по обязательному часу проводились занятия по морально-политическому воспитанию ракетчиков, а по вечерам демонстрировались духоподъёмные фильмы. Как сообщил земляк-киномеханик Витя Кимасов, ленты преобладали старенькие, про революцию и Ленина в Октябре, снятые еще в 30-х и 40-х годах.

То, что к концу дня сварганили солдаты в пяти метрах за вытянувшимися в нитку палатками, назвать клубом вряд ли кто бы осмелился. Засмеяли бы. По семь длинных лавочек в два ряда под открытым небом, перед ними на вкопанных столбах натянуто сильно смахивающее на несвежую помятую простыню белое полотно. Позади лавочек полутораметровый деревянный постамент под кинопроектор с розеткой сбоку и подведённым от передвижной электростанции хромированным кабелем.

И потекли походные будни. По утрам после подъёма Серёже не раз вспоминался берег Капчагая. Прозрачная в солнечных зайчиках и бликах прохладная вода. Освежающий

ветерок с озера. Парень вздыхал и принимался сливать из фляжки на собранную блюдечком ладошку капли тёплой солоноватой влаги, чтобы умыть лицо. Происходило это обычно посреди обломанных стеблей сухой полыни и колючего татарника за дорогой от палатки.

Вероятнее всего, из-за хронического дефицита воды начальство не стало делать общего умывальника для ракетчиков. К примеру, в летние лагеря в раскалиённых казахских сопках, куда дивизион обычно выезжал в июле, вода подвозилась без перебоев. И умывальник с рукомойниками на две стороны стоял в удобном месте под красновато-фиолетовыми скалами.

На третий день в девять утра Завьялов только построил отделение и уже готовился отдать команду шагать к машине — поработать на радиостанциях и проверить боеготовность вверенной техники, как на весь лагерь пронзительно завывла сирена тревоги.

Через каких-нибудь семь минут колонна автомобилей во главе с установками пылила по безжизненной степи; а спустя еще полчаса две ракеты стояли вертикально на столах-плитах позади «Ураганов», готовые в любую секунду взмыться ввысь и, пролетев почти тысячу километров, поразить заданную цель. Боевые расчёты связистов, вычислителей, наводчиков, геодезистов-топографов — сослуживцев Завьялова — на приличном расстоянии из укрытий наблюдали завершение своей слаженной и филигранной работы.

И так каждый день. Мало того, теперь ракетчиков поднимали по тревоге еще и в потёмках — на ночные условные пуски. Словом, тренировались до седьмого пота, выкладывались по полной программе.

Прошла неделя. Ребята подобрались, похудели, лица обветрились. Каждый свои обязанности отработал до автоматизма. Все, как один, были нацелены, заточены на предстоящие боевые пуски. И на победу, за которой следовали кому отпуска, кому благодарственные письма на родину, кому внеочередные звания. И наверняка не одному лишь Завьялову в минуты передышек думалось, что все они: и офицеры, и солдаты по результатам учений закрепят в своих душах еще и непередаваемое ощущение сопричастности чему-то большому и нужному, о котором настоящему мужчине можно только мечтать. И это был отнюдь не пафос, по крайней мере, для Серёжи. Просто это — пик, самая верхняя точка всей его двухгодичной службы. А иначе тогда зачем было в армию ходить?

Только вот погода не баловала: сумрачное, клочковатое небо, пронизывающий ветер днём и пробирающий до костей

холод ночью, но, однако не это порождало глухой ропот у ракетчиков, а невозможность нормально помыться, поплескать водички на лицо, освежиться, поскольку той цистерны, что привозили из военного городка, хватало лишь на кухонные нужды. Бойцов начал докучать невыносимый зуд. Сначала ребята старались чесать себя незаметно, но скоро многие расчесывали свои шеи, запястья и подмышки уже не стесняясь. Теперь в глазах у них можно было легко прочитать недоумение, обращённое к командирам: «Доколе?»

— Товарищи офицеры, сержанты и солдаты! — торжественно обратился к стоящим в строю на утреннем разводе ракетчикам полковник Дубов и, выдержав краткую паузу, пророкотал своим металлическим басом: — Сегодня в 14.00 помывка личного состава в бане военного городка! Командирам батарей согласовать порядок и последовательность. Об исполнении доложить!

Отделение связистов попало во второй рейс гарнизонного автобуса, перевозившего ракетчиков на площадку. Время было распределено так, чтобы этой же поездкой автобус забрал и увёз обратно в лагерь первую партию солдат, которые должны уже помыться. Но по въезду на плац у Завьялова со спутниками потемнели и вытянулись лица: на скамьях возле бани сидели их немытые товарищи с простенькими сухими полотенцами в потресканных ладонях и ждали неизвестно чего.

— Немчики парятся, — зло процедил Усольцев на немой Серёжин вопрос. — Перед самым носом залезли, козлы. И в морду ведь не дашь — союзники!

— А нам-то теперь как — всем гуртом, что ли?.. — Серёжа с сомнением окинул толпу сослуживцев. — Боюсь, не поместимся...

— Да нет. Как и было, по порядку. Только вот вам подольше торчать придётся.

— На солнышке да в цивилизации — хоть до ночи!

И точно. Будто почуяв, как неуютно русским ракетчикам быть неприкаянными на своей же земле, выглянувшее наконец-то впервые за столько дней солнце щедро осыпало их своими лучами; пусть оно и грело не очень чтобы, однако пыталось обрадовать, обласкать скучившихся военных светом жизни. И ребята отходили, суровые, обветренные лица теплели, смягчались.

И когда входные двери в баню начали скрипеть и открываться, выпуская на крыльцо румяно-розовых и пухлых, как откормленные поросята, «дойче зольдатен», бойцы лишь мельком равнодушно глянули в их сторону, и тут же первая

партия с белыми вафельными полотенцами подмышкой гуськом потянулась вверх по ступенькам. Давешняя досада в лучах сентябрьского солнца как-то сама собой испарилась.

Серёжа поднялся со скамьи и прошёлся по плацу. В дальнем углу, рядом с крыльцом двухэтажной казармы на тротуаре стояли трое рослых немецких парней. Одеты они были в тёплое синее спортивное трико с начёсом, на согнутых локтях висели ворсистые цветные полотенца. У двоих чётко проступали небольшие животики.

Когда Серёжа проходил мимо и уже заворачивал, чтобы продолжить путь по периметру плаца, немецкие солдаты посмотрели в его сторону, заулыбались и приветливо помахали махровыми полотенцами:

— Гут, комарадо! Гут!

— И вам, ребята, не хворать! — бодро откликнулся Завьялов, а в голове почему-то не к месту проявилась чёрно-белая картинка, не раз виденная в документальных фильмах о Великой Отечественной войне. Лютая зима. Сталинград. Бесконечная вереница фашистских пленных. Жалкие, обмороженные лица закутаны в женские шали и платки, ноги заматаны тоже во что-то нарезанное и надёрганное из ватных фуфаяк. И невольно подумалось:

— Те-то хоть до плена были настоящими вояками, а эти даже и с виду какие-то изнеженные...

Несмотря на то, что исподнее они оставили в предбаннике, и бойцы из хоззвода тут же его утолкали в мешки и вынесли во двор, чтобы увезти в местную прачечную на прожарку и пропарку, а новая смена белья была необыкновенно чистой и немножко припахивала хлоркой, всё равно через два дня зуд вернулся. И навалился с новой силой и тоской. Гимнастёрки-то и шинели никто прожарить не додумался!

Серёжа ничего не мог сказать про офицеров: одолевала ли их та же напасть или нет. Те и квартировали отдельно, если можно так выразиться — более комфортно. В их двухместных палатках стояли железные кровати, а на песчаном полу находились миниатюрные походные печи, трубы которых коленом высывались в окно и возвышались над крышами жестяными колпачками искрогасителей.

Вечерами, в свободную минутку Завьялов выбирался наружу и неслышным шагом шёл в ту сторону, откуда потягивало вкусным дымком. Печи топились дровами. Серёжа ноздрями глубоко вдыхал этот не едкий дым, и вспоминались парню таёжные походы с ночёвкой под разлапистыми кедрами. Невдалеке журчал горный ручей, в скалах протяжно кричала неведомая птица. А если отойти от костра и поднять

глаза к небу, то столько звёзд гранённых и сверкающих увидеть можно, и они висят так низко, что, кажется — протяни руку и бери любую.

По обыкновению и сны в такие ночи приходили к нему спокойные и непременно цветные. Даже те насекомые кровососы — окопные вши, которых Серёжа нет-нет да и отлавливал на себе и с остервенением давил меж пальцев, после подобных прогулок надолго притихали.

Боевые стрельбы прошли на «отлично». Сказалась подготовка. Многие и не сразу поняли, что пуски будут не условные, как уже привыкли, а самые что ни на есть настоящие. Командованию-то наверняка всё было известно заранее, однако посвящать всех бойцов оно по каким-то своим соображениям не сочло нужным. И это, наверное, к лучшему.

Без лишнего мандража и нерводрёпки, в полной экипировке и с бесценной наработанной сноровкой выехали в заданный квадрат, развернулись. Завьялов со связистами установил телефонную и радиосвязь, геодезисты определили координаты пуска, вычислители просчитали направление, наводчики навели на цель. Полковник Дубов по радиации дал команду начальнику пуска. И — трёхступенчатая боевая оперативно-тактическая твёрдотопливная ракета взмыла ввысь.

Ошарашенные бойцы и Завьялов в их числе, разинув рты, наблюдали издали из окопов сюрреалистическую картину отрыва вертикально стоящей ракеты от стола-плиты. Земля затряслась, прокатился гул, вокруг установки вмиг выросла округлая и высокая чалма пыли. Ракета набрала высоту и, оставляя прозрачно-белый след колечками, полетела к заданной цели. Вскоре от неё отделилась первая ступень и горящим факелом устремилась вниз. Специальная команда солдат во главе с прапорщиком Коряковцевым мигом на «ГАЗ-66» умчалась в степь на поиски этой ступени.

А вот к ночным стрельбам готовились по-другому. После полудня полковник Дубов построил сводный дивизион и своим громовым голосом объявил:

— Слушай мою команду! В предстоящую полночь быть готовым к боевым пускам! Поэтому отбой сегодня на час раньше, — Дубов помолчал и неожиданно потеплевшим голосом закончил: — Я знаю, вы все на пределе, но обращаюсь к вам: не подведите, братцы! Кто — если не мы?..

5

Обратный путь домой в часть пришлось ехать уже не в пассажирских, а в «столыпинских», проще сказать, — товар-

ных вагонах. Офицерам был предоставлен отдельный полувагон. Похожие часто можно встретить в составах ремонтных поездов: одна половина жилая, а вторая отдана под разный инвентарь железнодорожников. В товарных же вагонах по обеим сторонам наскоро были оборудованы двухъярусные нары, а между ними печи с металлическими трубами, выходящими в оконца под потолком.

Однако топить от души солдаты воздерживались. В вагонах было прохладно, а по ночам порой и просто холодно, но никто не роптал, потому что бойцы знали: в тепле и относительно покое окопные вши размножаются намного активнее...

Но, как известно, — всё проходит и когда-нибудь кончается. И вот уже колонна ракетчиков медленно въезжает на территорию автопарка и машины рассредоточиваются по своим стоянкам в гаражах. Бойцов строем ведут в баню. На входе в просторный предбанник прапорщики из хозяйственного приказывают вытащить из карманов гимнастёрки военные и комсомольские билеты и собирают их. Всю одежду сортируют — шинели, ХБ, пилотки, кирзовые сапоги отправляют на прожарку, а двойное нижнее бельё и портянки на пропарку и в прачечную.

Ох и парились же в тот благословенный день ракетчики! Не один веник измочалили до прутьев. Из помывочной их вывели через другую дверь в запасное помещение, где вернули прожаренные вещи и документы. Срочник-банщик охотно пояснил, что «в предбаннике теперь мужики в противогазах всё обрабатывают после вас. И завтра с утра тоже будут во второй раз... Так что туда пока только в химзащите можно попасть».

Тускло поблескивало среднеазиатское солнце, на сером асфальте отсвечивали белые полосы разметок. Прибывшие ракетчики, помытые и посвежевшие, замерли в строю по команде «смирно», когда со стороны штаба на плац вышел комбриг Мартиросов с группой офицеров. Старательно пытаясь чеканить шаг, к нему навстречу направился полковник Дубов. Не доходя двух метров, остановился, чётко приставил ногу:

— Товарищ комбриг! Сводный дивизион после успешного выполнения боевых пусков на полигоне Капустин Яр без потерь и происшествий вернулся в часть! — басом доложил начальник политотдела бригады и занял место среди штабных офицеров. Комбриг сделал шаг вперёд:

— Всему личному составу объявляю благодарность! Молодцы, ракетчики! Не подвели!

— Служим Советскому Союзу!

— Вольно! — скомандовал полковник Мартиросов. И с теплотой в голосе по-отечески обратился к строю: — Есть, бойцы, какие просьбы, пожелания? Говорите...

И тут произошло такое, чего командование наверняка не ожидало. Ракетчики в сто двадцать молодых глоток громко и единодушно выкрикнули:

— В баню еще хотим!

Мартиросов погасил улыбку и обратился к стоящему рядом заместителю по хозяйности майору Ботнарю:

— Жар остался?

— Так точно, товарищ комбриг!

— Дивизион напра-а-во! В баню шагом марш!

6

...Будоража память, звучали последние аккорды пронзительной песни группы «Рождество». Сергей Алексеевич Завьялов опустил ладонь в боковой карман пиджака и щёлкнул, выключая плеер, песня смолкла; затем вынул из ушей миниатюрные наушники-капельки, смотал провода и сунул их в тот же карман. После этого повернул седую голову и посмотрел в иллюминатор.

Их самолёт заходил на посадку в международном аэропорту южной столицы Республики Казахстан и уже видны были белоснежные вершины Заилийского Алатау. А у подножия хорошо просматривались высотные кварталы с растекающимися от них в пологие лощины зелёными волнами садов, из которых там и сям выглядывали стены и крыши причудливых коттеджей.

Сорок лет миновало с той поры, когда Серёжа наблюдал эти горы и Алма-Ату из окон воинского состава. Он и подумать не мог, что когда-нибудь еще хоть разок, правда, уже с борта Боинга доведётся любоваться этими впечатляющими пейзажами.

Всему виной вездесущий интернет. Завьялов улыбнулся. Как-то же отыскал его в пучине этой всемирной паутины армейский дружок ефрейтор Усольцев. Списались. Тот пригласил к себе в Талды-Курган. Сергей недавно вышел на пенсию. А почему бы и не махнуть в места достопамятной службы и невозвратной молодости?

— А ты, сержант, не изменился, только вот малость побелел, — долговязый детина с вислыми седыми усами оторвал от себя Завьялова, чтобы лучше рассмотреть бывшего сослуживца. Смерил ревнивым взглядом и ласково прищурился: — А я, видишь, растолстел вдвое. В армии весил семьдесят, теперь — сто тридцать! Жена говорит: в коня корм...

— Оно и ладно. Хорошего, Виталий, должно быть много, — Сергей Алексеевич высвободил ладонь из толстой лапы друга и огляделся. Зал прилёта был разгорожен будками с сидящими там черноглазыми офицерами таможенной и пограничной служб. Только что в оконце одной из них Сергея сфотографировали, проверили паспорт и поставили печать на миграционном листке. Завьялов подавил горькую усмешку. Заграница, твою мать. Так называемое ближнее зарубежье...

Поплутав по городу, вырвались на широкую ленту шоссе, вдоль которого попадались подзабытые Завьяловым одиночные пирамидальные тополя, чуть поодаль мелькали яблонидички, воздушные сливовые и черешневые кусты, другие фруктовые деревья. Усольцев едва ли не одним пальцем уверенно вёл свою «Ниву» — дорога была гладкая и ухоженная. Сергей повернулся к другу:

— Представляешь, Виталя, сию однажды, году этак в девнястом у телевизора, слушаю все эти говорящие головы и вдруг пошёл сюжет. Выплыла, точно как эта, степь, только пожухлая, осенняя, — Завьялов махнул рукой за опущенное окно. — Ну, помнишь, примерно в такую же пору мы уезжали в Капустин Яр на стрельбы? Потом на экране проступили сопки. Мне показалось, что две-три из них я даже и узнал. Но это-то ладно, ничего. Слушай, что дальше было. Показывают крупным планом заасфальтированную площадку перед ангарами, посреди свалены в громадную кучу ракеты нашего комплекса, трёхступенчатые, тёмно-зелёные, в маркировке и с аккуратными боеголовками. И на нескольких из них белилами жирно намазано издевательское: «Сары-Озек — прощай!!!» Представляешь, не поленились сволочи, не пожалели целых три восклицательных знака. Грёбаная конверсия. Переделать ракеты — в кастрюли! Эти собаки, как же они тогда старались выстелиться, лечь под Штаты — смотреть было мерзко. Угробили наших красавиц. Так стало обидно, что к вечеру я крепко набрался, хотя ты же помнишь, как я к спиртному отношусь — так себе, что оно есть, что нет...

— А хочешь, Серёжа — в часть заедем?

— А получится?..

— Дорога же мимо.

— Ну, как я помню: не совсем уж мимо — надо сворачивать в скалы и пылить километров пятнадцать по сопкам. Там сейчас-то хоть что?

— Сам увидишь.

К полудню свернули с республиканской трассы и по разбитой бетонке затряслись в сопки. Завьялов высунул правое плечо и голову в боковое окно. И хотя встречный ветерок слег-

ка освежал, но всё равно палило нещадно. Сергей давно отвык от такого солнца.

Вспомнилось, как в начале ноября вернулся он в родной алтайский посёлок из армии. Горы уже серебрились в снежных сугробах и перемётах. Морозец. На улице на замёрзшей, твёрдой как камень земле толстый налёт инея, ледок в лужичках под ногами хрустит. У родни лица румяные, светлые. Летний загар давно уже с них сошёл, а у похожего на негра Серёжи только поблескивают зелёные глаза да при улыбке сверкает белизной ровный ряд зубов. В тот раз с загаром парень расстался лишь к Новому году. Однако долго еще ему мнилось, что во рту нет-нет да и скрипнут песчинки оставленной пустыни. И он с досадой сплёвывал себе под ноги.

По вырубленной в скалах дороге «Нива» без особого труда преодолела последний затяжной подъём, и вот оно, как на ладони, расположение их ракетной бригады. Но что это? Внизу в лощине, изрезанной по краям суглинистыми оврагами, на месте бывшего оазиса из пирамидальных тополей, пружинистого ивняка и колючего карагача по периметру — в их прохладной тени когда-то были надёжно укрыты штаб, столовая, баня, казармы и другие постройки — одни лишь руины.

На плацу огромная отара овец. Два чабана верхом на низеньких лошадках пытаются согнать животных в овраг, на широком и продольном дне которого в годы службы друзей располагался летний клуб с просторной сценой, большим экраном и добротными лавками не меньше чем на пятьсот мест. Сейчас же там среди песчаных проплешин кое-где виднелись только редкие щетинки тростника да серо-зелёные коврики травы.

— За что боролись — на то и напоролись, — растерянно пробормотал первое пришедшее на ум Завьялов.

— Сразу после развала Союза. Помнишь, по ночам в саволку бегали за водкой к чабанам за десять км? — Усольцев усмехнулся. — Я тогда еще им впарил старенький комплект химзащиты за три пузыря беленькой. Ребята потом долго хохотали, когда кому-нибудь из них попадался в окрестных сопках по осени или в дождь чабан на лошадке, наряженный по всем правилам на случай атомной войны. Сроду ведь не промочит! Пеняли только: «Почто ты, Виталя, не снабдил казаха еще и противогазом? Небось, себе зажилил». Так вот они-то вскоре после развала и перебрались сюда. Деревья мигом попилили на дрова, доски с крыш и стропила с казарм тоже. Кирпич разобрали на свои мазары. Вон видишь, могилки ихние на нашем стрельбище у дальней сопки?

— А я, Виталя, да и ты, наверное, тоже, — негромко обронил Завьялов, — впервые здесь у вычислителей увидел настоящую ЭВМ — бабушку всех теперешних компьютеров, теодолиты, буссоли. А какие у нас радиостанции были? Особенно одна, работавшая в засекреченном режиме. Её позывные звучали волнами как мелодия из какого-нибудь фильма про фантастику. Как же я любил слушать всё это, будто погружался в детскую волшебную сказку..

— Что ты хочешь? Зря, что ли, нас шитом Родины называли, — серьёзно ответил Усольцев. Помолчал и, неожиданно ухмыльнувшись, продолжил: — А теперь вот и стала твоя сказка корявой быльёю. Как говорится: сопка наша, сопка — ваша! Вперёд — назад к Средневековью.

— Зато — какой колорит! Ладно, провели и слава Богу, — Сергей Алексеевич окинул грустными глазами застрявшую неведомо в каком времени окрестность и вздохнул: — Даже сердце сдавило...

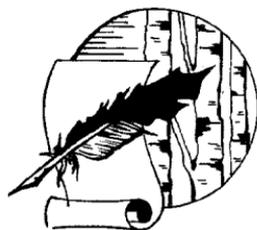
Размякшее от жары шоссе поблескивало и серпантинном огибало давно выгоревшие на солнце лысые холмы, ныряло в долины со спрятавшимися в складках предгорий пышными зарослями местных чрезвычайно колючих кустарников. На горизонте показались плавающие в душном мареве два огромных скалистых утёса с ровными площадками на вершинах, живо напоминающие гигантские ворота во что-то неведомое и манящее.

— Проедем через них, — Усольцев небрежно указал на утёсы, — и, считай, дома, в Талдыке. Смотри, Серёжа, вон тот, левый, который повыше и более пологий... Его зовут вершиной Тамерлана. Рассказывают, что этот хромой завоеватель взбирался туда верхом на коне и оттуда намечал, кого идти покорять и грабить. Такая вот у нас местная достопримечательность.

Завьялов вполуха слушал друга и смотрел вперёд на дорогу. Грусть таяла, как те километры, что стремительно уходили под колёса легковушки, настроение вновь возвращалось в привычное и спокойное русло, как обычно случалось у Сергея Алексеевича, человека пожившего и кое-чего повидавшего на этом свете. Перед тем, как окончательно вернуть себя в действительность, ему неожиданно пришло на ум философски-примирительное:

— И где теперь этот великий хромец Тамерлан?..

г. Риддер, Рудный Алтай

Иван АЛЕКСАНДРОВ
(1946 — 1996)

Иван Георгиевич Александров родился 11 июня 1946 года на станции Торбино Окуловского района Новгородской области. Немолодые родители Вани, получившие к концу войны похоронки на двух старших сыновей, осиротевшие и отчаявшиеся, горячо радовались рождению сына. Отец — фронтовик — трудился на железной дороге. В начальной школе Ваня учился в Торбино, в старших классах — на соседней станции Боровенка. Перед поступлением в институт работал в кузнечной и столярной мастерских.

Поступил на биологический факультет педагогического института в Новгороде. По окончании несколько лет работал учителем и директором сельской школы, начал печататься в районной газете «Звезда». Служил в армии в Ленинграде.

В 1973 году был принят в Литературный институт имени Горького, где учился в творческом семинаре Сергея Смирнова. После окончания института работал в Новгороде в драматическом театре, на областном радио, затем корреспондентом газеты «Новгородский комсомолец», где был принят в члены Союза журналистов. Много лет руководил молодежным литературным объединением.

Выпустил три сборника стихотворений: «Вече» (Лениздат, 1980), «Страда», (М., Современник, 1985), «Крестьянский сын» (Лениздат, 1989). В 1985 году был принят в Союз писателей СССР. Дружил с известными русскими писателями: Дмитрием Балашовым, Евдокимом Русаковым, Борисом Романовым, Валентином Устиновым, Сергеем Марковым.

Трагически погиб в 1996 году. Похоронен на родине — станции Торбино Новгородской области.

СОСТОЯНИЕ ДУХА

* * *

С обрыва родной реки
Читаю стихи заре,
Читаю стихи цветам
И дереву на горе.
И кто упрекнет меня,
Что делаю это зря?
Не так ли живут цветы,
И яблоня, и заря?..

* * *

Д. Балашову

В минуту сомнений, когда впереди
Лишь враг вероломный и хитрый,
Я вижу: с татарской тамгой на груди
Упал перед Сергием Дмитрий:
— Учитель, в стране нашей ужас и тлен,
Холопы смиряются с новью...
Какою же силой поднять их с колен?
— Любовью, мой отрок, любовью!

Враги под Москвой и в донецкой степи.
Колотится сердце тревожно:
Сегодня ты можешь еще отступить,
Сегодня — еще высоту уступи,
Но завтра — на шаг невозможно...
Он падал, пылинкой себя ощутив,
На землю, залитую кровью.
— Да чем же, родная, тебя защитить?
— Любовью, мой мальчик, любовью!

Надсадно сирены рыдали в ночи,
Дрожали больничные рамы...
Над койкой потупились молча врачи —
Рука остывает у мамы.
В любимых глазах угасают лучи...
Рыдая, припал к изголовью:
— Ах, чем тебя, мама, скажи мне, лечить?
— Любовью, сыночек, любовью!

Лишь рабское племя рождает рабов.
Лишь смертным заказано падать.
Всё в мире не вечно, но вечна любовь,
И вечна всесильная память...
Я верю, что тоже под самый конец
Почувствую руку сыновью.
Послышится: «С чем оставляешь, отец?»
— С любовью, — отвечу, — с любовью!..

Какая бы нам ни грозила беда,
С какой бы ни бились химерой,
Любовь остается на все времена
Оружием нашим и верой.
Закройся стеной высотой с Памир,
Залей неприятеля кровью,
Но помни, что можно спасти этот мир
Любовью и только любовью!

СОСТОЯНИЕ ДУХА

Поэту Б. Васильеву

Озорной и горбатый. Сирота и калека.
Дед страдал от рожденья всеми болями века.
И до самого сердца (чем он капельку хвастал)
Был ножами хирургов он изрыт и испластан.
Каждый раз, уклоняясь от служебного долга,
Врач твердил: «Бесполезно.
Он протянет недолго».
И считал перебои в сердце, бьющемся глухо...
Не учитывал доктор... состояния духа.

Дед ходил на покосы. Дед пахал на лошадке.
Но прорвался аппендикс... на девятом десятке!
Всё! Но ровно неделю, отрешенный и синий,
Дед молчал на кровати в ожидании сына.
И просил: извини, мол,
что испортил побывку...
А уже через месяц сам ходил на промывку.
И, как будто рубашку, сам распахивал брюхо
И опять улыбался... Состояние духа!

Там певунья ласковая бродит
И война разрывами гремит.

Старец, лежа, смотрит на костер:

Видит радость внука своего,
Видит он, что сын его стареет,
И огонь, который плохо греет,
Видит дым — и больше ничего.

ТРЕВОГА

Вот и осень. Ругая занозы,
В палисаде, что розов и жёлт,
Воронцовские яркие розы
На дорогу мне мама стрижет.

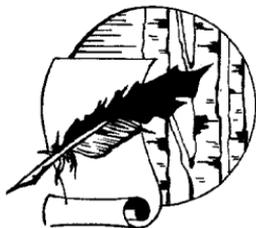
Мой сынишка с дворнягой играет:
То рычит, то трубит, как марал...
Пёс пугается, скачет и лает...
Как недавно я так же играл!

Почему же стою без участия
И ни звука во мне не нашлось?
Кто-то был бы взволнован от счастья
И, пожалуй, растроган до слёз.

Что бы прадед увидел худого,
Что подумал бы прежде всего?
Верно, вспомнил себя молодого
Иль представил отца своего.

И хвалил эти дикие розы,
Хохоча на высоком крыльце,
И блестели бы добрые слёзы
У него на счастливом лице.

У меня же — душа замирает,
Как послушаю старую мать:
— Наши внуки пока что играют!
Доведётся ли вашим играть?

Ольга КОЗЛОВЦЕВА

КАКАЯ ЕСТЬ...

В ЧИСТОМ ПОЛЕ

Чья невеста? Чья жена я?
Вольный ветер мне жених.
Лучшей доли не желаю:
Лишь бы — музыка и стих.
В чистом поле только воля
Да нетронутая гладь.
Тороплюсь я: вот бы вволю
С вешним ветром погулять.
У него характер русский,
Удалой не по годам:
Из росинок сделал бусы,
На ромашке погадал,
Нежно волосы потрогал
И на танец пригласил.
Неба — много,
Солнца — много.
И — пронзительная синь!

* * *

Говорят, я бедовая баба,
Атаманша, мол, без ружья,
И при жизни поставить бы надо
Обелиски моим мужьям —
И за то, что меня любили,
И за то, что жалели подчас,

И за то, что меня не били,
Хоть зубами скрипели не раз.
Говорят, что я — ветер в юбке,
Не боюсь ни воды, ни огня.
Поднимайте, родные, кубки!
Чтоб вы делали без меня!

* * *

Нет, не пытайтесь вы меня понять:
Сама себя понять была бы рада.
Седых волос окрашенная прядь —
Души моей метущейся бравада...
Меня не надо дергать за рукав,
Мне не страшны любые пересуды,
И далеко не ангельский мой нрав
В угоду людям укрощать не буду.
Всего на час в чужую шкуру влезть —
Страшнее, чем порвать стихов тетради.
Хочу остаться той, какая есть,
И быть собой на общем маскараде.
И пусть из нас сегодня каждый прав,
Но я чужие мысли не смакую:
Меня не надо дергать за рукав.
Прошу любить и жаловать такую.

* * *

Острая боль бессонниц —
Дней безотрадных след.
Долго прошу у солнца
Мне подарить рассвет.

Розовый луч разрежет
Холст моего окна —
Только услышу скрежет
Тонких осколков сна.

* * *

Ей нет преграды, нет запруды.
Любовь, как вешняя вода —
Придет неведомо откуда,
Уйдет неведомо куда.

* * *

И звёзды — не звёзды,
И небо — не небо.
С тобой мне не просто,
Любовь твоя — невод.
А если — не вместе,
А если — не рядом —
И песня — не песня,
И радость — не в радость.

* * *

Ты мне розы подарил —
Я их выбросила
И полосочку зари
Черным выкрасила.

Между нами лишь репей,
Поле выжженное.
На одну себя теперь
Я обиженная.

Ты ко мне бы заглянул —
Я бы выплакалась,
На тебя, как на скалу,
Морем выплеснулась.

* * *

Когда бы всё зависело от нас,
То я бы век не ведала печали,
Меня бы жизнь с удачей повенчала,
Оберегая от недобрых глаз.
Когда бы всё зависело от нас,
То я бы зря не тратила минуты,
Жила бы я достойно и уютно,
Благодаря судьбу в который раз.
Когда бы всё зависело от нас,
То я бы друга не теряла даром,
И стали б мы с тобой счастливой парой,
Когда бы все зависело от нас...

Платком цветастым
Повязала голову,
Как дикая ромашка на лугу.
Еще вчера
Считал меня ты чокнутой,
А я с ума сходила от любви.
Теперь она
Крест-накрест перечёркнута
И по ветру развеяна —
Лови!

* * *

Я же знаю, ты же знаешь —
Никогда моим не станешь
Ни на час, ни на мгновенье,
Дай нам, Господи, терпенья.
Дай нам силы, чтоб смириться...
Я как будто в небе птица,
Ты как будто голубь в клетке —
Под крылом чужие метки.
Нам в одну не сбиться стаю,
Ты же знаешь, я же знаю...

* * *

Через сотни дорог,
Через тысячи
Шлю привет тебе,
Милый мой друг!
Никаким расстояньем
Не вычислить
Притяженье
Протянутых рук.
Только верую,
Все-таки верую
В силу музыки,
В магию слов.
И сольются
В мелодию светлую
Наши души навеки веков.

* * *

На перекрестке наших судеб
Остановлюсь и помолчу.
Не надо слов, не надо судей —
Я понимания хочу.
И ни тобой, ни мной намечен
Такой запутанный маршрут,
А коль помочь друг другу нечем,
Мы подождем спасенья тут:
На перекрестке наших судеб,
Где нет дороги окружной,
Пусть непроглядным небо будет
И ночь безумно затяжной...
Растает облако печали —
И для тревоги нет причин:
Мы всё уладим, а вначале
Давай немного помолчим.

* * *

Я тебя догонять не стану,
И обратно не позову.
Лишь косынка сползет устало
На некошеную траву —
Словно руки твои неловко
Упадут с моего плеча.
Долго ветер тебе вдогонку
Будет имя мое кричать.

БАБЬИ РОЗЫ

Задрожали бабьи розы,
Дотянулись до стекла,
И роса, что бабьи слёзы,
По листочкам потекла.

А денек такой погожий,
Ты в окошко погляди —
И меня увидишь тоже
Лепесточков посреди.

За тобой иду повсюду —
Мне не надо никого.
Хочешь, бабьей розой буду
Возле дома твоего?

* * *

Один звонок,
Один звонок...
И словно воздуха поток,
И словно крылья за спиной,
И голос твой,
И голос твой!
Воды живительный глоток —
Один звонок,
Один звонок...

г. Ряжск Рязанской обл.

МИГРАЦИОННЫЙ СПРУТ ПОД «КРЫШЕЙ»

Борьба с коррупцией в России стала вестись активнее. Сажать чиновников и дельцов разного ранга стали чаще. Это факт. И все же нужного результата не достигнуто, корни зла не подрублены и прорастают вновь и вновь. Почему? В народе отвечают просто: «Ворон ворону глаз не выклюет».

Жизнь подтверждает это. «Вороны» выстроили прочные клановые вертикали и горизонталы продвижения «своих людей» и кормления. Зачастую с привлечением влиятельных правоохранителей. Самоотверженностью отдельных честных оперов, следователей, прокуроров складывавшуюся годами, десятилетиями кланово-коррупционную систему сломать чрезвычайно сложно. Подтверждением тому — нижеследующая история. О ней рассказала тверская газета «Местное время» (Владимир Николаев. «Кто крышует миграционную коррупцию?». №11 от 24 марта 2021 г.).

Как пишет издание, в один из августовских дней 2016 года в кабинете тогдашнего ректора Тверской сельскохозяйственной академии Олега Рубеновича Балаяна появился респектабельно выглядящий господин, примерно пяти-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

десяти лет от роду, недавно закончивший заочное обучение в этом вузе по специальности зоотехния. О чем конкретно говорили эти двое, неизвестно. Однако вскоре появился приказ ректора о принятии Гарри Арамовича Погосяна (так звали посетителя) на работу заведующим лабораторией сельхозакадемии. Добавим, с 1 сентября он стал еще и аспирантом (интересно, каким образом?).

Вскоре сотрудники вуза, по словам автора статьи, отметили: Гарри Арамович редко появлялся на рабочем месте, а вместо лабораторных опытов, чтения лекций, предпочитал встречать поступающих в вуз иностранных граждан и сопровождать их на экзамены. Затем иностранцы, из которых, как выяснится позднее, лишь немногие понимали русский язык, зачислялись студентами в ТГСХА. Им беспрепятственно выдавались студенческие билеты, зачетные книжки, справки, подтверждающие учебу, и даже проставлялись зачеты и оценки за сдачу экзаменов, на которых они никогда не были.

Утверждать, что руководство вуза, тот же О.Р. Балаян, об этом не знало, было бы смешно. Рейтинг академии вырос за счет дутой международной привлекательности. Но вместе с этим зрело и недовольство честных ученых происходящими в вузе процессами, явно наносящими ущерб его престижу. Оно, это недовольство, проявлялось еще раньше. Например, при проведении на базе сельхозакадемии семинара криптолистов, обсуждавших возможность открытия в одном из корпусов вуза центра криптоники (замораживания и хранения трупов людей и животных). Представляете, тысячи студентов учатся рядом с трупохранилищем. Вмешательство общественности и СМИ «зарубило» западную «инновацию», хотя кое-кто, возможно, уже подсчитывал многомиллионные барыши. Но вернемся к делу Погосяна.

Как показала проверка, организованная сотрудниками УФСБ по Тверской области, не стали утруждать себя появлением в стенах вуза на установочные и промежуточные сессии, т.е. на сдачу экзаменов, около 50 иностранцев, зачисленных на заочную форму обучения. Было установлено: Погосян поспособствовал зачислению этих иностранцев в вуз и провел комплекс организационных мероприятий по легализации «гостей» на территории России. Они имели фиктивную регистрацию в деревнях Торжокского района, были трудоустроены в индивидуальное крестьянское хозяйство «Погосян», которое хозяйственную деятельность не вело и налоги в казну государства не платило. Фактически же все эти «студенты» находились в Москве,

Санкт-Петербурге, Краснодаре и осуществляли там нелегальную трудовую деятельность.

В связи с этим, как пишет «Местное время», «сотрудникам полиции Торжокского района в рамках своей компетенции были возбуждены уголовные дела и привлечены к уголовной ответственности около десяти собственников жилья. Многие из них пояснили, что доверились Погосяну, который убедил их, что действует в рамках закона, и за каждого иностранца заплатил по тысяче рублей».

Полученные материалы послужили основанием для возбуждения уголовного дела уже на Погосяна как на организатора махинаций в сфере миграции. О том, что махинации эти приносят скромному заведующему лабораторией сельхозвуза немалый доход, косвенно свидетельствовал особняк Погосяна под Тверью. Оперативники были просто поражены его дорогим внутренним убранством.

Вроде бы «дело Погосяна» благополучно двигалось к своему завершению. Однако оперативников подспудно одолевало предчувствие: тишина обманчива, должны как-то проявить себя покровители Гарри Арамовича. «По словам оперативников, — продолжает «Местное время», — неожиданно активизировались сотрудники областной прокуратуры... Материалы дела неоднократно забирались ими на оценку. После их возвращения к следователю, никаких конкретных рекомендаций от законников не поступало, а обвинение Погосяну так и оставалось несогласованным».

Скорее всего волокита продолжалась бы и дальше, если бы УФСБ Тверской области не направило коллегам в Тверское УМВД дополнительную информацию о том, что Погосян использовал для незаконной деятельности в сфере миграции законспирированный офис в Московском районе города Твери. Обыск выявил: в трех комнатах находилось множество папок, коробок, пакетов с миграционными документами на иностранцев. Оказалось, услугами Погосяна воспользовались сотни граждан Украины, Таджикистана, Узбекистана, Армении, Грузии, Киргизии.

Среди изъятых документов — студенческие билеты, зачетные книжки, справки об обучении и на фиктивных студентов ТГСХА. Стало известно: все они при посредничестве Погосяна вступили в Программу переселения соотечественников в Российскую Федерацию из-за рубежа, реализуемую правительством РФ, и по упрощенной процедуре получили российское гражданство. Это наводило на мысль, что за Погосяном стоят, как теперь принято говорить, «крупные игроки». Ведь из сообщений СМИ известно: многие тысячи на-

ших соотечественников, русских, не могут попасть в эту Программу годами, испытывая из-за чиновничьей бюрократии неимоверные трудности с получением гражданства.

В ходе оперативно-розыскных мероприятий новоиспеченные граждане РФ из числа мигрантов были обнаружены в Москве и в ряде других российских городов. В своих показаниях они пояснили, что поступали в ТГСХА исключительно в целях получения российского гражданства. По адресам регистрации не проживали, в крестьянском хозяйстве «Погосян» никогда не работали. Также оперативникам удалось установить, что за оформление гражданства РФ отдельные иностранцы платили Погосяну до семи тысяч долларов США. Кроме этого, как отмечает газета, в ходе допросов были установлены граждане Узбекистана М.Зардаков и З.Курбанов, занимавшиеся схожей незаконной деятельностью. Совместно с Погосяном, помимо фиктивной регистрации и постановки на миграционный учет, они организовали еще более полный спектр услуг мигрантам: прохождение медицинских комиссий, сдачу экзамена по русскому языку, оформление патентов на работу и много других действий по легализации иностранцев на территории РФ».

Результаты работы оперативников дали убедительный повод следователям возбудить дело «в отношении Погосяна и его связей по более тяжкой статье — «осуществление организации незаконного пребывания иностранных граждан в составе ОПГ». Да, именно — организации незаконного пребывания, чем, собственно, и занимался Погосян, осуществляя целый комплекс незаконных мероприятий.

Апробированный приём. В конце 2020 года Погосяну и двум его подельникам, гражданам Узбекистана, было предъявлено официальное обвинение по тяжкому составу преступления, предусмотренному в п. «а» ч. 2 ст. 332.1. УК РФ. В феврале 2021 года материалы были подготовлены для направления в суд. Кажется, огромная работа оперативников и следователей принесёт, наконец, логический результат.

Однако не тут-то было! «Местное время» подчеркивает, что накануне отправки материалов, «как поведал компетентный источник со ссылкой на слова следователя, первому заместителю областного прокурора Е.А. Денисову якобы поступил звонок из Москвы. Содержание просьбы (или требования?) касалось прекращения уголовного преследования Погосяна... По словам того же компетентного источника, сославшегося на слова следователя, именно такое указание дал следователю руководитель тверского СУ МВД полковник А.Н. Пушкарев. В течение несколько дней уголовное дело

было переквалифицировано с п. «а» ч. 2 ст. 322.1 на ст. 322.3 УК РФ, предусматривающую ответственность лишь за фиктивную регистрацию иностранного гражданина, и прекращено за истечением сроков давности события».

При знакомстве с публикацией о «деле Погосяна» мне поневоле вспомнились некоторые другие благополучно заволокоченные тверские коррупционные дела. В частности, нашумевшее в свое время и уже подзабывшееся «компьютерное дело». Так вот, тогда на пути объективного расследования коррупции, нанесшей ущерб государству в десятки миллионов рублей, так же встала криминально-клановая солидарность. «С огнём играют ребята, это им аукнется», — сказал мне, имея в виду оперативников, редактор одной из областных газет.

Всё же, принципиальные офицеры, несмотря на препоны, довели дело «сакральщика» до суда. И что? Накануне суда высокопоставленные «кроты» слили информацию, и главный фигурант уголовного дела был тайно вывезен из России. Объявленный в международный розыск, он из-за «бугра» дал интервью одной тверской частной газетке, бравирующей своими дружескими связями с влиятельным депутатом Госдумы от «Единой России». В нём он призвал руководство УФСБ (фактически дал ему установку) «принять меры» в отношении ведущего расследование офицера ФСБ, назвав его фамилию и звание. И, надо думать, не очень сладко пришлось тому оперативнику, выступившему практически против сплоченного тверского клана.

К слову, сам главный фигурант «компьютерного дела» (в его материалах присутствовали и два значимых чиновника областной администрации, а тверским губернатором в ту пору был Д. Зеленин), дождавшись закрытия дела по истечении 10-летнего срока давности (апробированный приём), теперь спокойно рассказывает по Твери. А кто возполнит ущерб, нанесённый им государству, при содействии чиновников обл администрации? Об этом речи нет. И вообще, о какой борьбе с коррупцией тут можно говорить? Клановая сплотка, с одной стороны, сводит на нет усилия честных сотрудников правоохранительных органов, а с другой — подрывает авторитет правоохранительной системы. И не только областной. В этом смысле «дело Погосяна», думается, тоже весьма показательно. К тому же проблема здесь не просто в организации миграционной коррупции, но и в дискредитации таких, как Погосян, всех мигрантов, хотя среди них много порядочных, честных людей, работающих в соответствии с российскими законами.

Возможно, руководство Генпрокуратуры обратит внимание на возникшие вокруг «дела Погосьяна» сложности и в целом на тверские кланы, давно наводящие смуту в регионе (при новом губернаторе И.М. Рудене удалось в какой-то степени ослабить клановое влияние, но этого явно недостаточно). Небезынтересно, что в народной молве и в чиновничьей среде названия кланов увязываются с фамилиями бывших и действующих крупных чиновников и силовиков, в том числе — федерального уровня, имеющими серьезное влияние на кадровую политику в органах правосудия.

Судя по всему, не без совета кого-то из них бывший ректор сельхозакадемии О.Р. Балаян, спешно распродав свою немалую недвижимость, убыл из Твери в Ставрополь. По этому поводу «Местное время» пишет: «Даже невозможно перечислить все его титулы и награды. Он и генерал-лейтенант, и доктор наук, и профессор. Бывший начальник Военной академии ВКО... Но была у генерала Балаяна еще одна, наверное, самая важная должность: он был секретарем регионального отделения партии «Единая Россия», фактически находился у руля этой организации в течение ряда лет. Может быть, поэтому, во избежание скандала, Балаяну очень вовремя позволили исчезнуть из пределов Тверской области?»

Полагаю, тверские следователи могли бы вернуться к более детальному рассмотрению деятельности Балаяна в должности ректора сельхозакадемии. Основания для этого, по словам оперативников, имеются. Кстати, уже само назначение на эту должность бывшего начальника Тверской Военной академии Балаяна было воспринято тверской общественностью, прежде всего аграриями, как сугубо клановое. Согласитесь, слишком уж далеки друг от друга эти сферы — противоздушная оборона и агрономия с зоотехнией.

Восторжествует ли справедливость? Между тем, как отмечает «Местное время», ситуация в Тверской сельхозакадемии, благодаря оперативникам, расчистившим «авгиевы конюшни», и приходу при губернаторе И.М. Рудене нового ректора, специалиста в аграрной отрасли П.И. Мигулева, заметно оздоровилась. Да, оздоровилась. И это не удивительно. Я давно знаю этого толкового руководителя. Сейчас вуз под его началом успешно повышает свой рейтинг уже другими, законными методами, нежели те, что использовал Погосьян при ректоре О.Р. Балаяне. Восстановлены и пущены в обработку сельскохозяйственные земли вуза (около 1500 гектаров). Приобретены зерновой комбайн, льняная техника. Готовятся семена для посевной. Налажена работа сушиль-

но-сортировального пункта. Отремонтированы учебные корпуса, общежития, учебный автопарк. Организовано сотрудничество с лучшими сельхозпредприятиями.

Что же касается «дела Погосяна», то «Местное время» пишет: «Будем наблюдать за дальнейшим развитием событий». Надо заметить, внимательно следит за его развитием и тверская общественность. Удастся ли покровителям Погосяна взять верх и окончательно закрыть дело? «Опасение на этот счет присутствует», — говорят оперативники, предполагая, что покровители Гарри Арамовича имеют влиятельное положение. Видимо, такое, что тверские правоохранители вынуждены с ними считаться. Кто уводит от ответственности О.Р. Балаяна? Кто, в конце концов, стоит за Г.А. Погосяном? Он же, сдаётся, отнюдь не главная фигура в организации миграционной коррупции. А где логово миграционного спрута, где его потаенная «Кашеева игла»? Кто «основной крышеватель» миграционной коррупции? Уверен, при желании руководства соответствующим службам не составит труда это выяснить. Но будет ли проявлено такое желание?

Фактически публикация в «Местном времени» поставила руководителей тверских правоохранительных структур в весьма шекотливое положение. Либо они окажутся на стороне честных оперов и следователей, отстаивающих интересы государства, либо, поддавшись давлению извне, если оно было (а я думаю, что было), спустят дело на тормозах, оказавшись на стороне коррупционеров, и тем самым выступят против государственных интересов. Думается, последнее явится также фактом дискредитации российской правоохранительной системы и усилий президента России В.В. Путина по искоренению коррупции, что нанесет ущерб его имиджу в глазах народа. Искренне надеюсь, что руководители изберут государственный подход.

Есть и другие вопросы отнюдь не местного значения. К примеру, заглазно идут разговоры о «продаже уголовных дел», о «покупке» депутатских мандатов, должностей в органах исполнительной власти, называются расценки в «баксах» (еще какие!), но не приходится слышать, чтобы по этому поводу было возбуждено хотя бы одно уголовное дело! Кстати, «дело Погосяна» — не единственное по части миграционной коррупции на тверской земле. По словам, оперативников, их, этих дел, накопилось около десятка, однако ни одно из них до настоящего времени не реализовано в суде. Почему они не продвигаются? Кто и что мешает?

Много накопилось этих «почему», отсутствие ответов на которые и вынуждает народ зачастую воспринимать пред-

ставителей власти и правоохранительных структур не как поборников и хранителей Закона и нравственной чистоты, а как людей, выступающих в поддержку криминальных групп, действующих порою с ними заодно. Сами они, эти представители, и вынуждают. Но в происходящем виновата не только власть. Думаю, виноваты и мы, рядовые граждане. Ибо проявляем равнодушие, скептицизм, терпим коррупционную клановость, трусливо приспособляемся к ней, не помогая здоровой части общества бороться с нею. И, как результат, — пожинаем посеянное.

«Эх, опять ты взялся за старое, — сочувственно улыбаясь, сказал мне ветеран правоохранительной системы, с которым мы знакомы много лет. — Бесплезные траты времени. Там же, в этой незаконной организованной миграции, такие деньги крутятся и такие дельцы задействованы, что только себе лишние опасности создашь. Мало ты настрадался от коррупционной нечисти...» Неужели, действительно, — «бесплезные»?

г. Андреаполь Тверской обл.

Русская народная линия

ДЕНЬ ОТОШЕДШИЙ

РАССКАЗ

1

Второй год живу в новом доме. Дом как дом, одним взглядом его не охватишь, и внутри, что пчелиные соты, — похоже, одинаково, как и во многих других домах. Разве что место, где он стоит, отличается тем, что не на чем глазу задержаться. Тут же, за окном, начинаются поля и бегут себе вольно за размытый далью окоем, даже уходящая в непривычный простор витая ниточка тополей не застит взора. Улица наша называется Аэродромной, из города ее подпирают Выгонная, Запольная. Пожалуй, этих имен достаточно, чтобы представить пустынную сухотравную окраину.

Выйдешь на балкон, глядя вдаль, забудешься, не раз и не два почувдится, что ты — одинокий кочевник в бескрайней степи. А поначалу это ощущение назойливо вертелось в голове еще и оттого, что после заселения долго безмолвствовали кухонные краны — не было воды, как назло, что-то не ладилось с водопроводом. И все беды, что случались: поломка и порча мебели при перевозке, гранитная крепость бетонных стен, гвоздя в них не вбить, ушибленные пальцы, клавишная

ПРОЗА

игра половиц, заклекшие, требующие топора, форточки, нашлепки затверделого цемента на кухне и ванной — волей-неволей переносились на эту безмерную ширь за окном, будто и винить больше было некого. И уж, само собою, нечего было ожидать от этих однообразных километров чуждого пространства — всё ровно, навеки безлюдно. Впору сказать: здесь никто не живет.

Шло время, а я никак не мог привыкнуть к новому месту. На душе было пусто, словно у меня отняли всё, ничего не дав взамен.

До этого мы жили вблизи завода с литейным цехом, откуда из-за одного удушливого воздуха сбежал бы на край света. Кроме того, прежний дом стоял у забитого транспортом перекрестка с несмолкаемым визгом трамваев и грохотом автомобилей на рельсовом распутке, да и квартира была не в пример нынешней. По всем статьям полагалось быть довольным, разум принимал это, а вот сердце отказывалось. Зато жене квартира пришлась сразу, она в ней будто родилась и жизнь прожила. Войдя первый раз, кинулась выметать строительный мусор, выгнать пыль с подокольников; после переезда перебелела потолки, заштукатурила все трещины, сшила гардины, заново покрасила кухню — на дела ей и ночи не хватало. Как мог, пособлял жене, но делал всё, как делают для кого-то другого, а не для себя. Когда уже и мебель была расставлена, и всё остальное расположилось по своим местам и каждый угол казался обжитым, я по-прежнему чувствовал себя временно проживающим. Смирился лишь после того, как совершенно случайно нашел себе отраду.

Через какой-нибудь месяц после новоселья хмурым осенним вечером из-под низких облаков вынырнул клин диких уток и, сломав отлаженный строй, невдалеке опустился. На следующий день сходил в разведку, в полукилометре от дома обнаружил неприметный издали овражек. Чьи-то беспокойные руки сделали там запруду. И дамба-то невелика, а воду держит и хранит, как видно, не одно лето. Вот и утки соблазнились, покругившись, сели перед прощальным отлетом. И у них в памяти, в том непостижимом инстинкте, это болотце, быть может, сохранится надежной приметой, тем незаменимым опознавательным знаком, без которого, кто знает, какой может стать возвратная путь-дорога. В этом быстроменяющемся мире очень трудно не сбиться с правильного направления.

Второй год весенними и летними вечерами слушаю лягушачью переключку с того болота.

— И-иго-ор-р-рь!.. И-иго-ор-р-рь! — доносится оттуда требовательный голос. Дескать, ну где же ты запропастился!

— Кур-рю-ю... Кур-рю-ю, — ответ звучит с хрипотцой, будто и впрямь, прокуренным горлом.

— И-иго-орь! И-иго-орь! — слышится раздражение. Сколько еще можно ждать в конце-то концов!

И снова невозмутимый отклик:

— Кур-рю-ю... Кур-рю-ю...

А ему уже с угрозой:

— И-игорь! И-игорь!

Наступает долгая пауза. Наверное, сдался Игорек, куда денешься?

— Кур-рю-ю... Кур-рю-ю... — Однако же, крепкие нервы надо иметь, чтобы вот так...

Затем, уже в ночи, голоса утихомириваются.

— Кур-рлы-ы-ы... Кур-рлы-ы-ы, — затихает болотце. Мол, хорошо здесь, засы-ыпаем, спи-и-им.

Блаженно говорю и себе на ночь: «Курю... Ку-рю...» Спокойно на земле и в душе спокойно.

Странное это дело — привычка. Попал в командировку на Северный Урал, летним вечером оказался у красивейшего озера и был поражен нудным тамошним безмолвием. Не водятся лягушки, нет знакомого с детства разноголосого хора — вроде и жизни нет.

Не менее странно и другое: лягушка слывет самой уродливой и мерзкой, брезгливость к ней прививают сызмала. Пнуть, ударить ее считается не зазорным. А чем лягушка хуже черепахи или той же кошки? В чем ее вина? Что кошка мышшей изводит — всяк знает, за это ей прощают, когда сцапает, походя, голубя или воробья, а не углядишь, заберется на стол, не застрахованы от нее ни колбаса, ни кусок мяса.

Лягушка живет в самых комариных местах, очищает землю и водоемы от всякой твари, ничем человеку не вредит, ан нет, кошку погладят с удовольствием, а лягуху?

2

А эта весна обернулась жарким и сухим летом. Смоляные черноземы выветрились, покрылись дымной неживой пылью и люто потрескались. Травы, успевшие подняться на вершок, зажелтели, не дав цвета, в них по-зимнему свистел завирушный ветер и неделями не смолкал. Тучка бы наплыла, громок бы хохотнул, — нет же, стальное небо безлико и пустынно зависало с утра и таким же каляным уходило в душную ночь.

Пруду тоже не везло. Вешним половодьем размыло часть дамбы, она овражно проломилась на середине, зияла не заросшим свежим провалем, не то чтобы шагнуть через него, а и с разгона не перепрыгнуть. Подступила и другая беда: вокруг самохватом росли огороды. Лук, редис, огурцы, то да сё — всё требовало воды.

Долгое время, было ли на самом деле так или того мне хотелось, вода будто бы и не убавлялась. Дно проваляя оставалось сырым, по нему, вяло, перекатывая песчинки, жилкой вилась ручей. Берега дико зарастали осокой, и ее, казалось, не успевали вытаптывать ушлые огородники. Болотце продолжало жить безмятежной жизнью, у него откуда-то брались силы. Но ручей со временем кончился, дно его запеклось, поседело. И уровень воды день ото дня заметно начал понижаться.

Как-то застал детей, — разрывали промоину.

— Вы это что?!

— ...Водичка чтоб бежала.

Лишь лягухам — нипочем. Хор их не умолкал.

— И-иго-оррь!.. И-иго-оррь!

— Кур-рю... Кур-рю...

Погибель пруда виделась близкой и неотвратимой. Пытался успокоить себя, что ничего страшного не случится, если он и высохнет. С новой весной наберется свежая вода, все возобновится. Огороды ведь тоже поливать надо, тут уж не о лягушках забота, лягухи — не самое важное. Всё идет, как и положено идти. Жизнь... По-всякому убеждал себя, а покоя не наступало... Неужели старость пришла, что таким жалостливым стал? Мальчишкой, бывало, и потом, взрослым, считал за удовольствие пройтись по отвердевшему и растресканному дну какой-нибудь выжаренной на солнце речной старицы или полевого озера. Под ногами хрустела слюдяная шелуха от усохших головастиков, и никаких печальных мыслей не возникало. Да, раньше таким не был.

Не хотелось признаваться, что не так всё пошло еще несколько лет тому назад, когда стало ясно, что доживать придется в одиночестве, без детей и внуков. Ни Пашка, ни Лизка домой не вернутся, застряли навсегда... Разладилась семья... Да нет, не разладилась: уж если быть точным, то разорилась подчистую. Лизку из Москвы ни под каким предлогом не выманишь. А Пашка тоже слушать ничего не желает, дался ему этот Хабаровск, раньше туда в ссылку отправляли, а теперь оттуда в родной дом не дозовешься, вот дела. Всё пошло наперекосяк: мы с женой тоже стали хуже, чем чужие, прем друг на друга несусветное. Жить для себя, наверное, не умеем, а больше жить не для кого. Потому и новая квартира не в радость, и никакая погода теперь не угодит.

3

Собираясь на рыбалку, почти знал, что будет она пустой. Суховой с востока — глухая пора. Случается, поклюет на утренней заре минут пятнадцать, глядишь, кого-то и осчастли-

вит ласкирь или плотвичка. Кому-то, возможно, повезет и покрупнее: удастся выудить леща, наскочить на стайку подуста. Но о том, поди, весь берег знать будет.

Однако же внять разуму и отговорить себя от рыбалки, когда просится душа, не каждому дано. Тут, сколько ни увещевай, ничто не поможет. Кроме того, не волен распоряжаться днями и ждать клевую погоду. И так томишься целую неделю, ждешь, не дождешься благословенного дня — и отказаться? Нет! И нет! Пусть хоть на небе пишут зловеще: «Не ходи!», все равно отступить невозможно. Что — небо! Удержать и жене — не под силу. Разве не так?

Постоянной привады у меня не было, и потемну я был уже на загаданном ничейном месте. Облюбованный песчаный мыс огибала отбойная струя, слева, зарастая рогозом, покоился большой затон, а справа начиналась яма и уходила за поворот в ракиты и лозняки. Место что надо! За спиной не раз уже замирали торопливые шаги: кто-то тоже метил сюда. Опоздавши, и самому доводилось скитаться от места к месту. Не умер с горя, и другие живыми останутся.

Но и мои вожделения оказались напрасными. Гонял-гонял в проводку, руку успел наломать, а ни одной поклевки не выпросил. Отказала рыба. Ну, думаю, не берешь перловку, дам тебе запаренную пшеничку. Пшеница не нравится, погляди, какой червь! Полосатый, в тельняшке, специально откормлен на муке, видишь, как извивается, крючком в него не уцелить. Ну, бери же!.. Давно сняты куртка и рубаха, подошла очередь взяться и за майку. К потной спине жарко прикоснуться, — во всю полыхало солнце.

На том, считай, заря кончилась. Река казалась вымершей: ни единого всплеска за все утро. Лишь в затоне, буруня водоросли и переворачивая зеленые блины лопухов, барахтались лягушки.

— И-иго-орь! И-иго-орь!

— Кур-рю-ю! Кур-рю-ю!

Это был запев. Затем, как по команде, возня прекращалась, и через миг обрушивался несчетный, но дирижерски слаженный хор. Голоса здесь были побогаче тембром и погромче, чем в нашем пруду. Понятное дело: повольнее жизнь, есть у кого поучиться — и воробей соловьем запоет.

...И то славно, что какой-никакой прудок, а жив еще... К вечеру там снова загремят ведра: черпак за черпаком, не в него, а из него. Обнажатся новые берега. Всё живое сместится на новый пятачок, и пятачок тот неумолимо будет уменьшаться. Как бы ребятишки не вернулись к прежней затее — устроить ручеек. Тогда разом всё решится. Пруд, что аквариум. Пока глядишь: водоросли, рыбки спящие — жизнь бес-

конечная... А не уберегли и разбили... Нет аквариума, нет и жизни в нем, всё оказалось хрупким и недолгим. Понять и объяснить такое можно, а вот согласиться... Не получается.

...Лизка, считай, пять лет не была дома. Из Москвы к вам, говорит, как в чулан со света, скучно. И дочку с собой не привезла, сослалась, что заболела. Соврала, не иначе. От больного ребенка куда бы она поехала?.. А Пашка, стервец, как заваялся, так с концами. «У вас же не Сочи», — надо же такое написать... По югам да северам мечутся... В суете должителями не станут. И нашу жизнь урезали...

Как и пруд, река в этом году тоже помелела, убавилась заметно. Недавние ступки на заиленном берегу высохли и начали осыпаться, размытые корневища лозняка до мякоти трескались на солнце, от них всё дальше уходила вода. А меня преследовало необычное чувство, будто река, наоборот, стала намного шире, как-то она попросторнела и открылась заводьями. Что-то в ее облике непривычно изменилось, подурнело, что ли, как на глазах дурнеет человек, если его остричь наголо. Поутру пенял себе, что не выпался, вот и не воспринимаю мир, как следует. Затем, как часто бывает, виною перекинулся на реку: не дала мне желанного, запротивилась — и не хороша уже, и совсем не та, и узнавать ее не хочется. А тут еще на жаре все добрые мысли испеклись. Да мало ли причин, чтобы в твоей душе было что-то и так, и немного не так? Ведь с другом встретиться, и то бывает по-разному, когда шестеренки срабатывают исправно, а иной раз зубец на зубец наскочит.

На самом же деле река оттого выглядела неузнаваемой и неприютной, что в буквальном смысле была остриженной. На заготовку силоса с деревьев сняли шатры. Где топором, где ножовкой прошлись, и оголенные стволы, словно вздетые в мольбе руки, рогулями усталились в небо. Справа от меня, на повороте, еще неделю назад стояла огромная ракета, ее размашистые ветви тогда гирляндами спускались до самой земли. Теперь же там высилось нечто голенастое, уродливое. Раньше и привада под ней неприметной была, вроде на своем месте, а сейчас она выпирала в реку неестественной скулой.

Сегодня на приваде никого не было. Не позарились на нее чужаки, не явился и сам хозяин, сухонький старичок. Обычно он приезжал первым автобусом и, пока шел, часто останавливался, опираясь на связку удочек, как на клюку. Молодому тут — десять минут ходу спрохвала, он же тратил, пожалуй, не меньше часа. Как-то на машине подвозил меня приятель, и я обрадовался, что увидел старика. Хотелось избавить его от этой окаянной дороги. Заслышав шум машины, в немощной суете, он доколтыхал до обочины, и обернулся.

Я выскочил тогда и, готовясь помочь, потянулся к его удочкам:

— Садитесь-ка к нам.

Старик засопровтивлялся.

— Спасибо, милые. — Наподобие костыля он приладил удочки в подмышку, обвис на вздернутом плече. — Как-нибудь сам... Мне прытко и не надо-то... Дойду. Дойду. Зачем от ног отвыкать? Сейчас, нути, на машине, а завтра — опять самому, надеяться не на кого. Нет уж... Дой-ду-у са-ам, — со сладкой уверенностью пропел он. — Да и поглядеть, нути, хочется... Мне, милые, теперь немного глядеть осталось.

Он вынул из кармана платок, протер глаза, жилистыми руками вперед переставил удочки. И они повели его за собой.

Что-то старик сегодня припозднился. Пора бы и на посту быть. Не случилось ли чего?.. А что гадать? Погода глухая, решил отсидеться дома, не в эти же годы бить ноги понапрасну... А то и заболел, в больнице уже под кислородом... Подумалось ужасное. Не помер ли?.. На глаза невольно попалась его привада, аккуратно оплетенная лозой, выступающая в реку. Такая заманчивая. И оставленная... Да нет же, черт возьми! Нельзя так думать! Старик, конечно, жив, он обязательно придет. Произошло что-то. Могли же, например, родственники приехать. Дело какое-нибудь неотложное, и рыбалка — побоку.

А вскоре забыл о старике. За всё утро не дождал поклевки, и вдруг раз за разом поплавок трижды нырял под воду. Я корил себя за то, что расслабился и упустил верный шанс. Сосредоточенно следил за бегущим по течению поплавком, ждал четвертую поклевку. Уж ее-то постараюсь не прозевать.

— Нути, не рви... Не рви... Ты с натяжкой, по-над водой, — услышал голос сзади.

Пришел-таки старик, явился. Затеплилась радость, будто всё не клеилось потому только, что не было его на месте. Теперь — вот он, теперь и рыба никуда не денется.

— А я, нути, без зари нынче, — жаловался старик. — Автобуса нету и нету. Два часа с бабкой прождали.

— Никудышная заря, пустая, — попытался утешить его, чтобы зря не переживал. — Пробовал пшеницу, менял на перловку, низал червя — ничего не пошло.

— Да что ж так?.. А я, нути, без рыбы не ухожу. Хоть немного, а споймаю.

— И на что ловите? — Наивность моего вопроса понятна лишь рыбаку, потому как не всякий за будь здоров готов делиться наиглавнейшим рыбацким секретом.

— На перловку, милый... Ловил на хлеб, на червячка. Было время — капризничал. А как колготно стало, перешел на пер-

ловку... И, скажи ж ты, справно ловится. Не в ней, видать, дело. — Старик опустил плечами, сгорбил еще больше, в его глазах, сколько видел раньше, всегда жилвился нетронутый свет, а то вдруг выглянула знобкая сутемь. — Это земля расчет со мною держит. Может, чего не додала, так спешит, чтоб в долгу не остаться... Возле дома, нути, я и грибы теперь нахожу. Прямочки тут, под ногами. Вот слово... Люди ходят и не видят. Все, нути, спешат то на работу, то с работы, снуют бесперечь. А мне куда спешить? День мой, может, и последний. Чего ж, нути, гнать его?

А бабка уже хозяйничала на приваде. Положив рюкзак, она принесла охапку веток, взялась укреплять обкладку. Затем долго возилась с палкой, пытаясь воткнуть ее в неподатливую землю.

— Так, нути, за всё утро ничего и не поймал? — удивился старик.

Хорошо, что он переключился на меня. Пусть говорит о чем угодно, только не о своих последних днях. Судит о них, будто всё это ему вовсе не страшно.

— Ты молодой... Только пятьдесят? Нешто это годы?.. Ты свое еще споймаешь, — он свистяще закашлялся, переставил удочки в другую подмышку.

Я предложил раскладной стульчик:

— Садитесь. Всё же легче, чем на ногах.

— Нет, милый, не легче. Если б только сесть, а то и подниматься потом нужно... Нути, глазами что и остался сильный, а так — свисток, не боле... Инфаркт догнал. Видать, одной старости мало мне было. С сердцем это — слышал?

Собирался было сказать, мол, знаю такое, читал. Болезнь века, все — под ней. А он не стал ждать.

— По полной путевке в больнице отвалился. А выписался — только глядеть и осталось... Спасибо, бабка да сноха приваду, вон, построили, доставляют меня и забирают отсюда. Рюкзак там, сумку сам уже, нути, не могу.

И раньше доводилось видеть, как две женщины приходили за ним. Об одной так и думал, что жена. А другая, видишь, невесткой приходится. Сын не на фронте ли погиб? Я и спросил об этом.

— Не-ет, живой. Да колобродный, — старик, не разжавши кулака, махнул рукой. — Жену на нас оставил, а сам с другой уехал... Годов тридцать тому считай. Дашка вот с нами прижилась. Такие, милый, дела. — И, будто угадывая мои мысли, добавил: — С родным сыном, всё думаешь, получше б было. Да что теперь — родной?.. Нути, сколько лет не видимся. Какой теперь — родной?.. А к Дашке потом тоже при-

бивался. Вдовец. Дочь у него большая, самостоятельный человек. Всё ж при семье жила бы... Мы с бабкой гнали ее.

Старик вновь удушливо закашлялся, выхватил из кармана горсть таблеток, одну из них торопливо кинул под язык и осторожно выпрямился, затаился в ожидании. Вскоре он потеплел лицом и, распластав ладонь с таблетками, пояснил:

— Из пузырька в карман ссыпаю, чтоб, нути, не мешкать, когда прижмет... Отошло-о-о, — вздохнул он с облегчением и выплюнул недососаную валидолину. — Всё ничего, вот без работы не привыкну, тягота, хуже каторги. Есть человек, что переступит через дело и дале пойдет. А по мне, что вижу, то и мое. И на тебе — ничего не моги... Ты, нути, не пойми, я не жалуюсь. У нас с бабкой судьба, что поношенная рубаха, всего повидала. А тужить — не тужим. Живем ведь... Вона, уже и терем готов.

Он засмеялся, показывая рукой на приваду. Я тоже глянул туда. Так вот зачем понадобилась палка! Бабка к ней зонт пристроила, защиту от солнца деду смастерила.

Жара успела настояться, теперь не сбавит до самого вечера. Копытца мать-и-мачехи обвисли сырым бельем. Осока и та потеряла солдатскую выправку, ссутулилась и потускнела.

...И опять вспомнился полевой пруд. Долго ли продержится? Придет час, ведра воды в нем не останется, под ногой выбьются берега, да и само дно окажется до удивления обычным, как вытоптанная дорога. Пока оно под водой скрыто, то ведь всякое думается. Без опаски в лужу ступить, даже если ты и в сапогах, и то боишься: вдруг там яма! А в пруду и подавно всё таинственно.

Старик всё смотрел на приваду и улыбался. Что-то бабке там не понравилось. Она и палку с зонтом много раз переносила с места на место, и стульчик переставляла, приноравливая, садилась на него.

Продолжая улыбаться, старик посетовал:

— Заботы со мной... Вот и зонт, как малому дитю, понадобился... Обкорнали ракиту, что раздели. Теперь, нути, крышу с собой носи.

Посетовал и я.

— Ездили в колхоз на свеклу, глядеть страшно: трава выгорела, кукуруза не взошла, а где взошла, не поднялась. Пшеница — ниже колена.

— Соловей, нути, при голом лесе запел. К голоду это, — старик поднял худое лицо кверху, прищурено вперился. — И не поймешь, где солнце, а где его нету — отовсюду палит.

— Голода не будет, времена не те, — успокоил я старика. — А с кормоветками — что делать: засуха.

С мальчишеской игривостью старик кхекнул:

— Э, э, милый... Веревку, нути, надо тянуть в одну сторону. А ежели ее теребить и по волоску раздергивать, крепости не жди.

— При чем здесь веревка? — не понял я его. — Скотину-то кормить нужно, ясней ясного...

— Нужно, нужно, — он занес удочки перед собой и уперся в них грудью. — А речка, нути, не нужна?.. Получается, что в пустыню воду доставляют, а тут, где она есть, извести ее следует. Так, что ль?

Я промолчал, решил не подливать масло в огонь, чтобы лишний раз не расстраивать старика. Но он не унимался:

— Ты вот про ракиту, нути, думаешь, что она без пользы. А река? Без ракиты ей хоть помирать. Одна ракита сажен двадцать берега спасает... Ты, нути, рыбак. Сам ты, примером, около реки много деревьев посадил? Нути?.. А поломал их сколько? И так каждый, кто сюда является. Все ломают. Но, ить, море, и то не бездонное.

Его переживания понятны. С другой же стороны, каждое лето заготавливают сено, и никому в голову не придет плакаться о траве, мол, земля истощится. Стригут овец... Обрезают сады... Рубят тот же лес...

Легко рассуждать, а самому нет-нет и глянется вдоль берега по вздетым к небу обрубкам. Хотя бы побыстрее новые ветки отросли. Что поделаешь, засуха, стихийное бедствие... У меня самого ведь тоже бедствие. Разъехались дети, разве это не бедствие? Собирался с внуками пожить. Пожил...

— Налетели саранчой. Трах, бах, затрещали ветки. Убраться, нути, не успел... Пошто ж маковку, кричу. Пошто ее? Не-э. Не пожалели, — старик слезливо сморщился, выронил удочки и, хлопая по карманам руками, кинулся искать валидол. — Разве команду давали, чтоб... маковку снимать... Надо ж споднизу... Аккуратно... А они — маковку..

Следом за стариком я вышел из кустов и остановился, провожая его взглядом. Уходил он нестерпимо медленно, глаза мои то и дело забегали вперед. Перед ракитой, куда он направлялся, лежал вершинистый ворох пожухлых веток. Белея свежиной, рядом валялись нарубленные поленья. Забыли, не вывезли, а из сушняка теперь какие кормоветки?

Старик то ли шел, то ли стоял на месте. Лишь по тому, как вспыхивала пыль под его негнушимися ногами, можно было догадаться, что он всё же движется. Жара, эта дорога, поверженные ракиты — так ведь и до второго инфаркта недалеко. Сидел бы уж дома... Это первое, что подумалось. Но я знал, придут иные мысли, и совсем по-другому оценю всё это.

Вернувшись на место, невольно продолжал смотреть, как старик одолевает недолгие метры. Будто и не ноги у него, а пудовые гири. Притянут к земле какой-то вязкой силой, что отказано вольно и шаг сделать.

Настанет время, и эта земная сила вовсе утужит его, не даст шевельнуть пальцем, повернуть язык на последнее слово. Но всё это будет потом, от этого никому не откупиться. Сейчас же было радостно за старика: так стойко держится. Кто-то из древних сказал: «Создай тишину в душе, и Бог открое тебе истину». Вот старик, пожалуй, добился тишины, создал. А я? Куда — до тишины!.. Эх, дети, дети. Оставили нас без дела. Мы с женой, что оголенные рогули раки, тоже порублены и острижены. И до конца дней...

На каком-то очередном забросе, не успел осознать, рука нежданно вздернула удочку. И там, в глубине, что-то забилося частыми рывками, затрепетало живой упругостью. Отловил-таки... Снятый с крючка ласкирь убито распластался на моей ладони. По тому, как он шел, думалось, как всегда, о большем. И на том — спасибо.

Ласкирь лежал сорванным листочком, не выказывая жизни. Глядя на его обидно сомкнутый, сведенный в одну точку рот, я вслух сказал: «Ну что ты, милый?..» Вышло до того неуместно и жутко. И, словно рассердившись на меня, он кузнечиком прыгнул с ладони в воду. Рука хищно бросилась вслед, но он вертанулся и исчез в глубине. «Уговора не было», — растерялся я и одновременно обрадовался, что так произошло. Все равно поймал, считается и это.

На другую сторону затона ворвался мотоциклист. Его как выстрелили из кустов: мотоцикл уже стоял, свалив набок лобастую голову, а по следу еще стлался сизый дым. Там, на меляке, куда он явился, обычно никто не удил. Этот пришелец был, скорее всего, из «сосочников», которые в последнее время юрко заселяют любые места. Сейчас он десятками крючков начинит бабахи из манки и гороха, примется швырять их на середину водоема, увешает берег колокольцами.

Однако он не спешил готовить снасти. Вновь взревел мотоцикл. Мелькнула надежда: не собирается ли уезжать? Дорожку бы ему ровную да скорую. Но он просто-напросто гонял мотор вхолостую, газовал на пределе, словно взлететь надумал. Дымная полоса пролегла через речку, расплзлась по затону, засинила прибрежный ивняк, а неистовая рука всё поддавала и поддавала обороты. Не успел отреветь мотоцикл, как был включен магнитофон. Всё окрест полосовал теперь степной табунный голос: «Всё могут короли! Всё могут короли!»

«Чтоб ты обгадился!» — как говорила моя бабка. Не нашел себе иного места, крутил бы на полную катушку в квартире и наслаждался вволю... К счастью, что-то стряслось с магнитофоном, он замолк. Слышно было, как отрывисто щелкали клавиши. Залетел ко мне и сердитый матерок.

Давно уже стояла тишина. Я сидел и наблюдал за лягушкой. Растопырив горбылистые лапы, она покоилась на тихой воде. И в речку, на быстрину, не плыла, и в ту кучу малу, что осатанело роилась в лопушняке, ее не тянуло. Все лягушки кажутся старыми, даже самые маленькие, еще с треугольничком убывающего хвоста, они уже выглядят морщинистыми. А у этой на ввалившихся боках и костлявом горбу были облезлые белые пятна, отчего она выглядела пегой, поседевшей. Не открывая глаз, она недвижно грелась и лишь изредка шевелила лапами, когда ее близко подносило к берегу.

Одолевала разморенность и дрема. Наверное, легко и заснул бы, если бы не вздрогнул от гулко-го звука. Вместе с этим звуком почувствовал, как что-то чиркнуло по ноге, увидел, как дернулась лягушка. Еще более удивился, когда заметил на песке блестящую медяшку. Поднял ее и стал рассматривать. Это была толстая плитка красной меди весом с малокалиберную пулю. Такой упругий металл, как медь, зубилом не отрубишь, резалось, должно быть, гильотинными ножницами, по краям заметны тягучие, в одно касание, царапины. Продолжая недоумевать, услышал новый звук, непохожий на прежний, какой-то распарывающий, будто кто кнутом по лопухам стеганул.

Вблизи никого не было, кроме того гроыхающего парня на другой стороне затона. Он шел по берегу, держа согнутые руки в боксерской изготовке. Вот он замедлил шаги, вовсе остановился, полуприсел и весь подался вперед. И почти одновременно я увидел что-то белое, взвернувшееся в воде, и опущенную руку с рогаткой... Стреляет по лягушкам!..

А он уже достал новую сверкнувшую на солнце медяшку... Сейчас прицелится... Так и есть. Брызнула рогатка... «И-иго» — недоговоренным остался клич.

— Эй, ты! — закричал я на тот берег.

Он не замедлил шага, не обернулся, стрелял теперь сходу. Молниеносно вскидывал рогатку и стрелял. Замирал на мгновение, любуясь содеянным, и снова вскидывал рогатку.

Брызгами секлась вода, взвертывались лопухи. Лягушачий хор потерял слаженность.

То и дело обрывалось

— И-иго...

Не помню, как ринулся в воду и поплыл в конец затона, туда, где шло побоище. Проще было бы выплыть на тот берег,

а затем добежать. Но каждый взмах рогатки отзывался во мне болью, и я спешил, вовсе не соображая. Всё время видел, как там, в недоступной дали, вспыхивали беззвучные столбики воды и, растопырив лапы, неживыми корягами медленно и неуклюже переворачивались лягушки.

Волоча за собой вырванные лопухи и водоросли, вконец выбился из сил, увяз в илистом дне.

— Батя, ты — никак вместо земснаряда?

Он стоял невдалеке: парень как парень, с руками и ногами.

— Сынок, что ж ты делаешь? — вырвалось запалённо.

Показалось, что он пристально вглядывается в меня, до того сосредоточенным и красивым было его лицо. Но вдруг взметнулась рогатка, и медяшка вжикнула над моей головой. Я невольно угнулся.

— Не бойся, я целкий, — успокоил он меня, извлекая из кармана очередной квадрат меди, приготовился для нового выстрела.

— Сейчас же прекрати! — Голос мой соскользнул и прозвучал до стыдного силло. Беспомощно.

— Брось, батя... Не мешай отдыхать.

Я силился вытащить ноги из ила, не устояв, досадно свалился в воду.

— Я тебе поотдыхаю, твою...

Он размеренно, курлыкаяще засмеялся.

— Бать, не хулигань... Смотрюсь за милиционером. Протокол и всё такое... На работу сообщат: «... своими действиями оскорблял достоинство человека».

— Они тебе что, помешали?

Погладив прашу из лакированной кожи, он свернул рогатку и сунул ее в нагрудный карман.

— Хватит, батя. Хватит... Сколько стреляю, ни одну до смерти не убил... А где, кстати, написано, что в лягушек нельзя стрелять?

— Я тебе напишу!... Сейчас напишу-у...

С остервенением выдернул из ила ногу, шагнул и снова упал, не вызволив другой ноги.

— Не-э, батя. Я гордый. Моего лица ни один кулак не касался. Гарантирую инвалидность второй группы, — сияя вызолоченным ртом, он мирно и спокойно лыбился.

— Бизон!.. Би-зо-он!

Направившись к мотоциклу, он приветливо помахал рукой:

— Слышь, батя?... Мне некогда. Мутный приехал. Дружок... Ну, пока... Тренируйся.

На обратную дорогу сил почти не осталось: каждый шаг давался с большим трудом и, вообще, не было желания дви-

гаться. Свалиться бы в лягушачий лопушняк, чем вот так беспомощно переставлять ноги. Давило чувство растерянности. Зачем плыл? Что хотел доказать?.. Чтобы поняли? Но понимают ведь тогда, когда хотят понять. Так что сам затеял потеху, сам над собой и надругался... Но надо же было всё это остановить?.. Би-зон... Отодрать бы сукиного сына! Такие лишь через собственную боль поддаются вразумлению...

В немощном оглушении, должно быть, долго просидел на своем мысу, потому как успел и обсохнуть, и заново вспотеть под солнцем. Недалеко от меня среди оборванных лопухов и мусора по-прежнему плавала старуха лягушка. Покачиваясь в воде, она, видимо, крепко спала и не замечала, что обвисшие лапы волоклись уже по придонному песку, и новая волна с минуты на минуту могла ее, как бесполезную чурку, выкатить на берег. Я проглядел, когда лягушка вновь очутилась на вольной воде, увидел лишь, что плавает она судорожными кругами. Затихнет на короткое время, обмякнет в неживой обездвиженности, затем рывками задерживает лапами и давай кружиться, словно заведенная, всё в одну и ту же сторону. Когда в очередной раз лягушку прибило к берегу, стал ее рассматривать. Всё было цело: четыре лапы, костлявый горб, запавшие бока. Только рассечено было надбровье, и в расползшихся лоскутах кожи играла на свету капля рубиновой воды. Бизон высадил-таки глаз...

...Неужели и мой Пашка вот так может? Нет! Жестокости я его не учил, что его, что Лизку пальцем никогда не тронул... Сколько раз запрещал себе думать о детях, а не думать не могу. Ну как забудешь?.. Собрался было к Лизке съездить, на внучку посмотреть, ведь большая уже, шесть лет, а деда с бабкой не знает. Нет же, телеграмму прислали: Оксаночку в музыкальную школу устраивают, там конкурс, и ей, видишь ли, отвлекаться нельзя.

Начав утро одним человеком, за день так изменишься, что и не знаешь, каким станешь к вечеру. Жизнь — густая. С левой ли, с правой ли ноги встанешь поутру — всё одно, потом оглядывайся. Наедине не побудешь, кругом или люди или их дела: и сладкое и горькое подается вместе. На рыбалку идешь, норовишь спрятаться, метишь в кусты, в бурьяны, чтобы никого рядом не оказалось. Сам-то начинен плотно. Вот и мечтаешь убавить пыл, побыв наедине, остыть немного. Как бы, наверное, худо пришлось человеку, если бы у него еще и сзади были глаза. Он бы мог видеть всё вокруг и уж точно не знал бы, в какую сторону двигаться.

А с того берега слышен был разговор Бизона и Мутного:

— Ты, поглядеть, совсем свихнулся. Два кэгэ меди извел, и на что? Будет от мастера.

— Да пусть... Слушай, маг не тянет. Посмотри.

На сегодня моя рыбалка, пожалуй, кончилась. Надо собираться домой.

— Мутный, а я с Кривым в деревню ездил, к нему домой.

— Хлебанули?

— О-о!.. С медом. Не пробовал?.. Это — вообще... Вечером в клуб забурились... Там один порядка всё устанавливал, я ему ка-ак врезал. Кривой: мне: «Это учитель!..» Подумаешь, учитель, мне-то что?

— Хо-ох, Бизон, даешь!

Я смотал леску, снял поводок, увидел на нем захлестнутые узлы. Поводок был новый, жалко его выбрасывать.

— Бизон, девки там хоть водятся?

— Были какие-то... О-о, это же не всё. Мы с Кривым потом еще хлебали. Проснулись у какой-то бабки на огороде. Шмон поднялся. Обнаружилось, что мы ей помидоры поваляли.

Поводок в моих руках оборвался-таки, и, швырнув его, я вздернул рюкзак на плечи.

— Отдохнули — люкс!

Больше их не слышал. Оглушающе перекрыло: «Всё могут короли! Всё могут короли! И судьбы всей земли вершат они порой...»

Хохочущий дикий голос певички толкал в спину, в зверином экстазе сотрясал округу.. Масляно осклизался сухой песок, деревенели ноги, а мне казалось, что стою на месте. Задохнуться успел раньше, чем сообразил, что отошел уже довольно далеко. Вроде вокруг стало тихо, и сам собою умерился шаг. Предстояло еще подняться на взгорок, оттуда уже видна автобусная остановка... А вдруг на вечерней заре будет клёв? Вернуться? Ничего, в сущности, не произошло, расписывался, вот и всё. Уедут ребята, делать там им нечего. Надо лишь потерпеть, подождать...

В это время, взрывая песок, меня обогнал мотоцикл и, крутнувшись, перегородил дорогу.

— Ты, бать, вроде сказать что-то собирался? — Бизон шагнул навстречу.

— Что тебе говорить? Вон какой оболтус вымахал, а всё — по лягушкам.

— Ну, ба-ать! Будь интеллигентом.

— Делай. И поехали, — развалившись на сиденье, лениво скомандовал его дружок.

И все-таки я не думал, что он ударит. А он неожиданно ударил, я не успел сообразить, как очутился на земле.

4

В такое раннее время я никогда не возвращался с рыбалки. Жена удивилась:

— Заболел?

Мне же так хотелось весточки от детей, так остро хотелось, словно нуждался в их немедленной защите.

— Писем нет?

Пожалел, что спросил. Жена сомкнула губы, в глазах проглянула скорая слеза.

— От кого?

— Как — от кого? От детей. От наших детей, — попробовал смягчить обстановку, боясь, что жена расплачется.

Но она не склонна была к мирному разговору:

— Они в тебя пошли. Ты всю жизнь из дома норвил.

Меня ведь тоже трогать не следовало:

— Я во всем виноват, так? Один я?.. Ну, Пашка — ладно, мужик, ему свет повидать надо. А Лизка?.. Это же ты ее в Москву выпроводила. Закончила б здесь институт и жила бы. Чем не жизнь? А ты с нею университетов захотела. Ну и что дал вам этот университет? Все равно за футболиста замуж вышла. Перед людьми стыдно: зять несамостоятельный, дела не нашел.

— Ему — стыдно?! Сказала б я тебе! — Жена засекалась основательно. — Чем тебе футболисты хуже других?.. У Лизки квартира — четыре комнаты, машину два раза поменяли. На курорт — когда пожелаешь. Да Лизка, как замуж вышла, у нас рубля не попросила, не то что другие. А ты — футболист!

Смолчал, не желая продолжать в том же духе. Поставил в угол удочку, сбросил рюкзак. Жена неотступно следила за мной.

— Что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось. Не ловится — и всё, — попытался уклониться от объяснений. — Рыбу не обманешь. Вон, погляди, барометр влево завалило.

— Будто всегда у тебя ловилось, — жена, чувствовалось, бурлила, в берега еще не вошла. — Где это тебя самого завалило?.. Глянь-кось на себя: весь в грязи... А это что?

Болела и распирала ушибленная Бизоном скула, навверное, там красуется фингал... Жена, должно быть, уже всё заметила... А тут еще она подцепила что-то у меня на голове и, держа двумя пальчиками, брезгливо сунула мне под нос:

— Что это?

В ее руке, свисая, качался бурый лохмот тины, от которого блаженно пахло сырым болотом. Было странно встретиться с этим естественным запахом в каменной квартире, где чаще всего не удивляет запах ацетоновой краски.

— Ти-ина, — обрадовался я, словно давным-давно, с самого детства, не видел ее.

— Какая тина?.. Откуда?

Пришлось давать чистосердечные показания... Поведал ей о старике, ну, разумеется, и про то, как отбивал лягушек у Бизона... Жена долго и растерянно глядела на меня. Лицо у нее одновременно улыбалось и плакало, хотя ни слёз, ни радости на нем и не было.

— Когда ты поумнеешь?

Как ей ответить? Уверенно можно сказать, положим, обедал или не обедал, ходил куда-то или не ходил, на многое можно ответить, только не на это. Решил отшутиться:

— К чему теперь умнеть, когда внуки, как цыплята, посыпались.

— Чего ты всюду лезешь? Лягушек его побили. Да ты в своем уме? Из рогатки лягушку убить? Сам маленьким был, много их набил?

Видно, плохо я рассказал, что она всё не о том говорит. Вновь кинулся объяснять:

— Да пойми же... Дело не только в лягушках... Этот оборот чужой боли не чувствует, он и сам ее никогда не испытывал. Доведись человек, он и человека — как лягуху..

— Так уж, — отмахнулась жена.

Еле сдержался, чтобы не признаться: да, именно так, имею на то собственный опыт.

А жена не унималась:

— Ты хотел его научить?

— Научить, не научить, но и смотреть на всё это не мог.

Мы с женой, похоже, канат перетягивали, то она к себе вырывала, то я, упираясь и обретая силу, перехватывал на два-три пальца одеревенелый ничейный отрезок между нами.

— Больше всех тебе надо... Не угомонишься.. И на работе ты такой. Суешь нос... Десять лет с пятого разряда не прыгнешь, всё жить не научишься

К черту! Я готов был уже бросить этот канат и сдаться.

Молча снял рубаху, отправился в ванную умываться. Под шум воды думал, что остался, слава богу, один. Какая вода — холодная или горячая, — мне она была безразличной, я ее не чувствовал.

— И старик твой... А бабы совсем дуры. Привады строят, ублажают выжившего из ума... Больше им делать нечего или что? Причуды всё. — Жена стояла сзади и, как тесто каталкой, продолжала раскатывать жизнь.

Я перекрыл воду. Под рукой жалко запищал кран. Злясь, сказал:

— Ты еще не знаешь, как они будут вспоминать эти причуды, когда его не станет.

— Всякое бывает.

Довольно! Пойду спать... Схватил полотенце и начал вытираться. И тут всё не так! Полотенце то скользило, как намыленное, то прилипало листом — не стянуть его с места. Плонул: женины трусы в руках...

— Поразвесила!

— А ты глаза разувай.

И опять виноват.

Хорошо, что с диваном спорить не нужно. Он поскрипел малость и затих. Притих и я. Вот не ел с утра, и сейчас есть не хотелось. Мама, бывало, говорила: «Не спи голодный: цыгане приснятся». Хоть бы уж приснились. Всё сегодня развалилось. Не только в затоне, а и дома пришлось тину разгрести...

Ткнулся в подушку большой скулой, и занудило... Ни с того ни сего — ударить. Каким же мерзавцем надо быть, чтобы вот так поднять руку! По возрасту я же ему в отцы го-жусь... А ведь и мой Пашка, поди, может как Бизон. Разве я знаю, каким он вырос? Как-то зашло, что всю жизнь по пустыкам с женой вздорили, с порога и — язык наружу. О детях заботились, лишь бы сыты и одеты были, худого, правда, не делали, но и добра они мало видели. Потому и своих детей боятся к нам пускать. Чему мы их научим?..

— Поспи, потом поможешь кухню белишь, — жена набросила одеяло, оботкнула мне ноги.

— Месяц назад как белила. Какая такая надобность! — огрызнулся и тут же спохватился. Думаю одно, а делаю другое, привычка никуда не годится. — Хорошо, Татьяна, — поспешил исправиться и удивился, что назвал жену по имени, давненько ее так сладко не величал.

— Да ты шкафы только вынеси, остальное — я сама.

И в голосе моей Татьяны тоже что-то изменилось.

5

Весь день дул голомянистый ветер, а к вечеру упал до тишины. Небо насупилось и огрузло. В обездвиженной духоте пронзительно тонко гундосили комары... «Кур-ррю... Кур-ррю», — одиноко доносилось с пруда. И вот снова: «Кур-ррю... Кур-ррю». Ну, курю же! Курю! — зов без ответа. Ловя звуки, таился в надежде не пропустить капризное: «И-игоррь!» Но даже обмануться нечем: лишь комариный гуд да это тревожное «кур-ррю». Что-то там произошло.

А печальный одинокий голос звучал то совсем близко, вроде из-под балкона, то глухо отдалялся и пропадал... Почему мечется этот сиротливый голос?

— Ты куда? — видя, что собрался уходить, спросила жена. Она забыла даже про щетку, которой белила, и на полу растеклись молочные пятна.

— Что-то с лягухами.

— С какими лягухами?.. Ты что это удумал?

Щетка раздраженно шмякнулась в кастрюлю с мелом. Я кинулся успокаивать:

— Да я сюда, на пруд...

— А шкафы заносить? Кончаю же белить.

— Добеливай. Я — мигом.

Пока сбежал с этажей и ступил на асфальтно твердую иссушенную землю, тот единственный голос и вовсе умолк. На ходу не были слышны и комары. Вот она — тишина! Тишина-то тишина, да не в душе... За два года так свыкся с мыслью, что вот тут, под боком, есть это болотце с дикой жизнью. Не знаю, как и объяснить, но всё это зачем-то мне нужно было. На что уж зимой прудок занесен снегом, не различишь, что и где есть, и всё равно через толщу снега угадываешь его очертания и благостно мечтаешь: явится весна, зацветет калужница, захороводят проснувшиеся лягушки... Не приведи бог, чтобы его не стало. Тогда и от меня что-то убавится.

Мерклое пятно света, которое заметил еще от дома, постепенно ширилось и рдело. Обозначилась шевелившаяся макушка огня с призрачными всполохами искр... Как пить дать, подгулявшая компания... Подойдя ближе, услышал, как что-то гулко ссыпалось у пруда и оттуда раздалось:

— Зинка! Сейчас же оденься!

Мимо прошмыгнула по-солдатски остриженная девчушка и кинула в огонь охапку травы. Я протянул руку:

— Ну, здравствуй.

— Ну, здравствуй! — размашисто шлепнула она своей ладошкой, вырвав ручонку, в нетерпении обежала костер, с разгону ввинтилась в близкую темень и исчезла.

Выкатив впереди себя тачку, на свет шагнул мужчина. Он сдернул полотняную кепку, вытер ею не по годам лысую голову.

— Сашка, — в хваткой и крепкой руке угадывалась сила и привычная решительность держать всё прочно.

Зинка примчалась с новым пучком травы и как вкопанная остановилась у огня. Разглядев в ее руке жгучую крапиву, я испугался:

— Бросай ее, обожжешься!

— Во-о, не бойся, — растерянно произнес Сашка и усталвился на меня.

Выхватив из пучка былку крапивы, Зинка жадно сунула ее в рот и, как ни в чем не бывало, принялась жевать. Мужчина накричал на нее:

— Ты чего траву жрешь?.. Вот в сумке еда. Мать тебе клубники купила, а ты, черт знает, чем рот набиваешь... И чего голяком? Сейчас же оденься!

Девчушка стрельнула от костра. Сашка что-то пробормотал невнятно и, немного спустя, изменившимся голосом позвал:

— Зина... Доча... Ты слышишь меня?

— Не холодно, папочка, — откликнулись из темноты.

— Не знаешь, как и говорить с нею, — пожаловался Сашка и, смутившись, отвел взгляд, будто выболтал лишнее.

Я чувствовал себя ненужным свидетелем здесь. Сглаживая неловкость, бросился объяснять:

— Зашел на пруд глянуть... Лягушек не слышно, подумал: не спустил ли кто воду?

— А я промоину засыпаю. — Сашка кивнул на тачку. — Вожу вот... Но это всё земля — до хорошей воды... Тут не далеко бетонная плита валяется, да одному не справиться. Не помог бы, а?

Я согласился и упрекнул себя, что раньше не додумался, мог бы сам еще по весне провалье заделать.

Сашка выдвинул на свет дерматиновую сумку, на целлофан выложил нарезанный хлеб, яйца, развернул кулек с солью, из стеклянной банки насыпал клубники. Поверх сумки расстелил шерстяную кофту.

— Это ей, — он улыбнулся, глянув на меня. — Чтоб на виду было... Зинка, одна побудешь? — обратился в темноту, откуда слышен был неумный топот.

— Ладно, — не сразу пришел ответ.

— Не страшно? — забеспокоился я.

Сашка взялся за тачку, весело хмыкнул:

— Она ничего не боится.

Пообвыкнув без света, я вскоре прилачился к шагу попутчика и шел с ним рядом.

— Неужели и сегодня не будет дождя? — Мысли о дожде не выходили из головы: каждое утро они рождались заново и в дне отошедшем застревали болью и тревогой.

— Насунуло. Похоже, что будет, — Сашка умерил спорый ход. — Нужно было раньше плотину поправить, да всё некогда... Не до того... Ну, теперь сделаю. Карасей запущу... Детишкам — на радость.

У Сашки поинтересовался:

— А вы далеко живете?

— Сейчас нет. Сейчас на Выгонной... Квартиру... сменили.

Близкое соседство обрадовало. Сегодня же нужно сговориться: вдвоем такую плотину замостырим, никакая вода не возьмет. Благо, Сашка сам продолжал о пруде:

— Лет семь, как дамбу насыпал... Это мы хлебозавод на Октябрьской строили. Ну вот... Возил хлам со стройки, приглянулся этот овраг. Чего, думаю...

Споткнувшись, он громыхнул тачкой и чуть было не упал. Пока Сашка выравнял шаг, я обернулся к костру и живо представилась спящая там Зинка.

— Дочка, никак, болела?

— Нет. А что? — дрогнул он голосом.

— Да гляжу, стриженная она.

— А-а, — произнес он с досадой. — Волосенки у нее реденькие, а жена где-то слышала, что после стрижки, будто гуще растут. Ну и оболванила.

— Эка невидаль! Да в этом возрасте у всех детей одинаково, — пустился утешать расстроенного родителя. — У жены волосы густые? Ну! А у вас какие были?.. Тем паче заботиться не о чем.

Дальше мы двигались молча. Отыскали плиту, погрузили ее на тачку. Плита оказалась великоватой, то и дело она кренилась и сползала на землю. До миражного огонька было еще не близко. И мы измученно остановились передохнуть. «Жена теперь...» — неожиданно вспомнил, что предстоит вносить кухонный скарб, и заторопил Сашку. Он стоял рядом, глядел, как и я, на оставленный нами дальний костер и будто меня не слышал. Хотел повторить просьбу, но он сам заговорил:

— И рассказывать бы об этом не нужно... Ну, пусть между нами... Мы Зинку из детдома удочерили... Восьмой день только... Сам видел, привыкаем и изучаем друг друга...

Звезд не было, и потому казалось, что низкая заволочь легла на самую землю. Потягивал слабый ветерок, принося забытую прохладу и сырость. С особым усердием гнусавили не в меру злые комары. По всему чувствовалось, где-то близко ходит дождь.

Уже на месте мы свалили плиту в промоину, с трудом докантовали ее к краю, к будущей воде, установили на ребро, подсыпали земли, чтобы плита не упала. Назавтра столковались встретиться здесь к вечеру и доделать всё честь по чести.

А Зинка носилась без усталости, иголкой шныряла вокруг костра, строчила ведомые и неведомые стёжки. Глядя на неё, все время хотелось что-нибудь дать ей. Но в карманах ничего не было, а лезть к ней с каким-нибудь словом я боялся. Между нею и отцом только-только торились пути-дорожки, от души к душе перебрасывались хрупкие мостики, ступить на которые ни я и никто другой не имели права.

Мы с Сашкой обмыли руки, вернулись к костру. Привезенные Сашкой поленья и дощечки догорали, по тлеющим углям лениво бродили, прыгали синие таинственные всплески.

— Зинка! Ты чего босая?.. Где твои туфли? — сорвался голосом Сашка.

— Я их намочила. Сушу.

— Где — сушу?

С обгоревшими головками туфли лежали в костре, мы их поначалу и не разглядели.

— Ах ты, поганка!

Его грубого окрика и взрослый убойтся. А Зинка не отбежала, лишь прижалась к отцовым коленям.

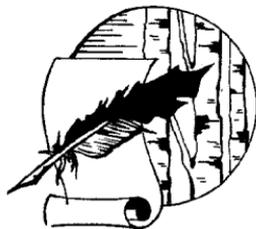
— Папочка! Папочка!.. Не рассказывай мамочке, она за меня плакать будет...

6

Вот и еще один рыбацкий день ушел. Ушел без рыбы. Ладно, нечего мелочиться: без рыбы так без рыбы... Впервые за последнее время с жалостью подумалось о жене, ведь она злится от того же, от чего и я. Как же это раньше не догадался? Ракиты ветками обрастут, раките не впервой быть обломанной, на ветку она некрепкая, зато на жизнь неистребимая. А пойдем ли мы, что друг друга надо беречь, обломанному человеку нелегко обрасти... Как жаль, что раньше не знал Сашку, ведь не раз, помнится, видел его и проходил мимо. Так и жизнь проживешь, а хороший человек встретится под вечер. Завтра Сашку с Зинкой обязательно домой приглашу. Не забыть Татьяне сказать, чтобы сладких пирожков напекла, на это дело она у меня мастер.

Стояла уже глухая ночь. И лишь в нашей квартире светились окна. На пруд нужно было и Татьяну позвать. Уж они бы с Зинкой... А что, если?.. Нет... А почему — нет? Я еще не трухлявый. Татьяна и вовсе стареть не собирается. Годов на двадцать, как минимум, нас хватит. Надо взять на воспитание ребенка. Усыновить, как Сашка... Ой, и постреленок будет!.. Только и самим нужно стать иными, иначе огород городить не следует.

г. Курск

Людмила БАНЦЕРОВА

ВЧЕРАШНЕЕ ЛЕТО

* * *

Я на лодке плыву. Тихо в заводи той.
Где-то там проплывают столетья...
Мне не хватит теперь этой жизни простой,
этих трав на лугу в разноцветье.

Так река глубока! Я на лодке плыву
по раскатанной водной дороге.
Я еще не умру, я пока поживу.
Но полны мои мысли тревоги...

Пусть река глубока. А потом — хоть потоп,
хоть крамольные речи от грусти.
Мне хотелось доплыть, только помнили чтоб
и в Москве, и в немом захолустье...

Я на лодке плыву. Что мне эта печаль?
Я, как все, онемела от ветра.
Я на лодке плыву... Как же речку мне жаль!
До конца, до конца лишь полметра...

* * *

Неприкаянный город...
Неужели опять
в нерастраченном горе
мне ходить второпях?

Может, встретиться велено
в кругосветной листве?
Шаг узнаю твой медленный
в опустевшей Москве.

В белокаменной свидимся
в заревой листопад.
Дождевою провидицей
веду наугад...

* * *

Тихо теплится лето в печи,
скоро ночи степные оттают.
И частят по деревьям грачи,
будто азбуку мира читают.

И склоняется ветер в пути.
Ненадолго продляется эхо.
Мне от мыслей своих не уйти,
словно в крыше зияет прореха.

Уберечь бы всё то, что сбылось
над моею судьбой окаянной,
что над заводью вмиг пронеслось,
словно конь по дорогам троянный.

Ничего, всё уйдёт в тишину.
И сплетаются реки, как руки.
Я к заутренним травам прильну,
чтобы взяли меня на поруки.

Чтобы вновь одолеть холода
и застрять в небывалом покое,
я брусничную горечь отдам
и колечко своё золотое.

И вот так для себя невзначай
стылый ветер лицо овеивает.
И от боли степной Иван-чай
по дорогам себя обрывает.

* * *

Вчерашнее лето, как святость в приходе,
до боли, до дрожи искрится во мне.
И радость несмелая тихо приходит
и бродит по жизни со мной наравне.

Мне б только забыться и вспомнить закаты,
линейные улицы, темень в домах,
дрожащее небо и звёзды-агаты,
и, может быть, тёплого ливня размах.

Вчерашнее лето — сраженье вслепую,
как свет, проходящий по травам земным.
И я восхваляю минуту любую,
когда прохожу под дождём проливным.

Мне б только сродниться с теплом этим летним.
Дождливую пору пресечь на корню.
И низко склониться над лугом столетним.
И верить, что душу свою сохранию.

* * *

Я сегодня неспешна в своих рассужденьях,
как пчела за окном своего бытия.
Я не скоро замечу деревьев паденья,
И заеду не скоро в родные края...

И возможно, не скрыть мне теперь отлученья
от щедрот этой жизни в усталом мире.
Пахнут павшие травы овсяным печеньем.
Может быть, я теперь никогда не умру.

И не надо искать мне людского веселья,
я сегодня сама, как желтеющий май.
Лишь дороги степные немного просели,
задымили печалью в деревне дома.

Наплывает тоска всё сильней, всё заметней.
Но не стоит бояться дождей проливных.
Мне сегодня не просто по травам столетним
прогулять свою юность в одеждах льняных.

* * *

В твоих глазах — века, века...

Э. Балашов

Московских улочек созвездья,
и лёгкая твоя рука.
Я, может, нынче здесь проездом,
а может быть, и на века.
И мне ль загадывать желанье,
дождями по брусчатке бить,
в походке замечать страданье
и так услышанно любить?..
Московских улочек созвездья.
В твоих глазах — века, века...
Слепые ветви у подъезда.
И лёгкая твоя рука...

* * *

Всё приемлю я, всё приму —
праздность улиц и стон воды.
Вы же знаете, никому,
никому не продать беды.
Вы же знаете, не скажу,
не скажу о себе — была,
лишь над пропастью покружу,
разомкнув, распахнув крыла.
Всё приемлю я, всё приму,
лишь бы знать, как кричит молва.
Я одежды свои сниму,
как под осень полынь-травя...

* * *

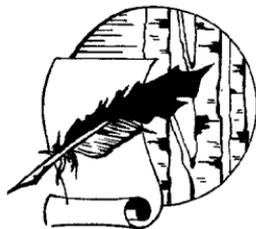
Дольше вечности,
дольше тени
вьётся,
вьётся предзабытьё.
И в постылой пустой постели
бьётся болью
тело моё.
Даже с вечностью,
с лунной тенью

я поспорить смогу,
но впредь
достучишься ли ты
метелью
до меня —
в два крыла гореть ...

* * *

И меня вы полюбите,
люди!
Будто радугой обнесена,
изо всех разродится орудий
долговязая девка-весна.
И меня вы полюбите,
птицы!
И с лихвою пробьёт тишина.
Я хотела бы к вам обратиться
со словами —
на все времена...

д. Насурово Рязанской обл.

Маргарита КАРАНОВА

И ВЕЧНО ПЛАМЯ...

ДОМ

(Грозный, 1995 г.)

Стоит безглазый и безрукий.
За что ему такие муки?
Кормил и всех обогревал,
И утром в школу провожал.

Покинут всеми, одинок,
Он воет по ночам, как волк.
По комнатам гуляет ветер
И шелестит в углу газетой.

Как верный пёс, он ждал своих,
Дрожа от взрывов и снарядов.
Не выдержав такого ада,
Он лёг на землю и затих.

ГОСПИТАЛЬ. 1950 г.

Двор госпитальный, брызги одуванчиков...
Запомнил санитарочку с ведром,
Щенка веселого — счастливый мальчик —
Запомнил мир, овейанный теплом.

В уютном зданье — чистые палаты
И запах йода, острый и густой.
Звенят тарелки, супа ароматы,
И добрый голос няни золотой.

В фланелевых пижамах, с костылями...
Без рук... Без пальцев... И любой — герой!
Танкисты, снайперы с усталыми сердцами —
Рокочет в них смоленский, ржевский бой...

...За сорок лет обрушились беседки.
Смог над страной и иностранный слог...
Тот мальчик вырос — мужественный, меткий,
Но Родину спасти уже не смог.

Вокруг Москвы не делали окопы,
И сдан был Ленинград и Волгоград.
Всё весело, с притопом и прихлопом,
И даже был свой собственный «парад»...

СТРАННЫЙ

Мы мчались легко вдоль уремы Оки.
Мелькали деревья, цветов огоньки.
Всё было обычно, привычно для глаз:
Лабазник душистый, раскидистый вяз.

И вдруг что-то новое: возле дороги
Стоит странный кустик, как будто в тревоге.
Он жёлтой метёлкой печально цветет
И кажется, будто к себе нас зовет.

«Скажите, кто это?» — «Не знаю. Не знаем».
...Но вот мы обратно уже проезжаем,
И снова всё там же тот странный нас ждёт,
И чувствую: будто меня он зовет...

...Потом, когда наши дела разрешились,
Нам вспомнилось что-то, и мы спохватились:
Эх, не помешало бы притормозить
И куст этот странный о всём расспросить!

Но мы не вернулись. Лишь осенью поздней,
Когда уже было довольно морозно,
Мы снова по делу попали в тот край
И вспомнили странного — так, невзначай.

Мы вышли в том месте. Усердно искали,
Ходили, смотрели, кричали и звали...

Но мы никакого куста не нашли.
Пенек лишь случайный торчал из земли.

Нахмурившись, молча в машину мы сели.
Друг другу в глаза — не могли — не глядели...
С тоской непонятной мы жали на газ,
И всё пронеслось стрелой мимо нас.

«Прости меня, бедный, прости меня, странный», —
Шептала я дома потом постоянно.
Теперь нам уже никогда не узнать,
О чём он пытался в тот день рассказать...

* * *

Остались легенды, преданья остались,
Как головы Змея мечом отсекались,
Как снова и снова они вырастали,
И, сил не жалея, их вновь отсекали.

Преданья остались, остались легенды
О царственных, трудных, священных победах...
О светло-высоких, земных идеалах...
Но слева, и справа нам снова мешало...

Мешали боренья, драконы мешали —
Героев немало они отнимали.
И некому стало на страже стоять,
И некому стало опять побеждать.

Легенды остались, преданья остались,
Как мы удивлялись, как нам удивлялись,
По углям горящим как шли огнеборцы —
Увидеть во тьме и приветствовать солнце.

ТРОПИНКА

Солдату дали двухдневный отпуск,
И вот он дома, в избе родной
И с теплым ветром вдыхает воздух,
О чем-то шепчет с большой пилой.
Два дня — два мига. И за ворота
Солдат выходит, обняв родных.

Шаг на тропинку, до поворота...
Слов не хватает, совсем простых.
Вот оглянулся, махнул рукою,
И мать махнула, и детвора.
В слепой надежде, с косой, с пилою
Глухую вечность его ждала.
В деревне этой мы на тропинке —
Вмиг оживила она бойца...
И словно в память легли снежинки
И, не растаяв, вошли в сердца.
Мильон тропинок в просторах вечных,
Мильоны взмахов печальных рук.
Над ними время гудит беспечно,
И вечно пламя, и злее круг...

г. Пущино Московской обл.

В МИРЕ БЕЗ ПУШКИНА

Куда ж нам плыть?..
А.С. Пушкин

В жизни каждого человека есть то, что объединяет всех. Это школа. В ней учились наши родители, потом мы, потом наши дети, теперь учатся внуки и правнуки. Мой последний звонок прозвенел более полувека назад, совсем в другую эпоху. Но я до сих пор помню своих учителей и благодарна им. И, наверное, не случайно моя журналистская работа на протяжении нескольких десятилетий тоже была связана со сферой образования. Получается, вся моя жизнь прошла бок о бок со школой. И потому мне небезразличны те негативные процессы, которые происходят в ней сегодня.

Вообще-то во все времена школа являет собой некое «зеркало» общественных отношений. Можно даже сказать, что если хочешь разрушить страну — в первую очередь уничтожь семью и школу. А дальше процесс пойдёт сам. Он небыстрый, но очень результативный. Ведь какое общество жизнеспособно? Только такое, в котором неукоснительно сохраняется

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

связь времён, в котором от поколения к поколению передаются незыблемые ценности и традиции. Этим как раз и занимаются родители и педагоги. К сожалению, сегодня процесс разрушения и семьи и школы зашёл так далеко, что «зеркало» становится всё более кривым и мутным. Случайно ли это? Конечно, нет.

Работая на телевидении, потом в газете, я много лет писала о проблемах в системе образования. И вот что странно: всегда она почему-то пребывала в состоянии нескончаемого реформирования. Как так? Заглянула в интернет. Узнала, что сегодня мы живём в эпоху десятой реформы российского образования. А первая состоялась ещё в начале восемнадцатого века, когда образовательный процесс вышел из церковной колыбели и приобрёл светские черты. Так вот: за всё восемнадцатое столетие свершилось всего две реформы. В девятнадцатом веке произошло ещё две. На век же двадцатый приходится пять реформ! Последняя из них плавно перетекла в новое тысячелетие, когда был дан старт десятой реформе, которая длилась двадцать лет, но всё никак не закончится. Просто непрерывная «модернизация» происходит. Школа уже должна бы стать идеальной, но становится только хуже.

А отчего и для чего они вообще происходят, эти реформы? Как правило, они возникают со сменой общественных интересов и при этом всегда замешены на противостоянии аппарата чиновников и учительства. Педагоги во все времена стремятся «сеять разумное, доброе, вечное», то есть стараются учитывать российский менталитет, опираться на систему ценностей народа, а чиновники любят коситься на Запад и «догонять» его, заявляя об отсталости России и необходимости «модернизации». Кто в этом бесконечном противостоянии побеждает, по-моему, ясно.

Как же она ещё стоит, эта бедная школа? Думаю, только благодаря учителям «старой школы», когда «иерархия ценностей» начиналась с таких понятий, как любовь, дружба, долг, честь, чувство собственного достоинства, сострадание и милосердие. Они работают на результат. Главная ценность для них — ребёнок, главная цель — формирование его личности в лучших традициях общества. Таких учителей в провинциальных городах обычно бывает наперечёт, их все знают, а родители стараются устроить к ним своих детей. Эти педагоги находятся в школе не столько, сколько «часов» им оплачивается, а столько времени, сколько необходимо. Они никогда не устраивают «показуху», а просто делают своё дело, как им совесть велит.

Из этой «старой» школы вышли мы все, советские люди. Чтобы в этом убедиться, достаточно даже просто полистать «Букварь» 1959 года издания, вышедший более чем двухмиллионным тиражом. В нём есть всё, чтобы не просто научить ребёнка читать, но воспитать из него человека. Вот где поистине «зеркало» общества, настоящий документ той эпохи. Листаем учебник — и перед нами разворачивается созидательная жизнь той поры. В обычных картинках запечатлены все её главные опоры и понятия: мир на земле, родина, семья, природа, полезный труд, наука. Русская литература представлена для малышей двумя великими именами — А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого. Просто рассматривая рисунки, ребёнок учится трудолюбию, коллективизму, бережному отношению к природе, учится заботиться о младших и уважать старших. Поразительно, но дети, изображённые на картинках, всегда заняты делом: вот они помогают взрослым в уборке урожая, вот мальчики плотничают на уроках труда, а девочки шьют, вот дети помогают дома маме по хозяйству, заботятся о младших братьях-сёстрах. Ни минуты праздности. Главный тезис жизни: «Делу время — потехе час», а не наоборот, как это происходит сейчас сплошь и рядом.

Один только изъян времени нашла я в этом «Букваре». На месте Бога в нём запечатлён вождь мирового пролетариата В.И. Ленин. Очень опасная подмена произошла, которая в конечном итоге и привела к развалу великой страны. Однако даже в этом случае имя Ленина использовалось в благих воспитательных целях: Ленин завещал детям хорошо учиться, дружно жить и честно работать. Думаю, это и спасло наши души, что Кодекс строителей коммунизма был списан с Заповедей Божьих, по которым нас и воспитывали. Может быть, потому тогдашние реформы сильно школе не навредили, что изменения не затронули нравственных основ.

Зато следующая реформа, которая пришлась на пресловутые 90-е, школу просто уничтожила. Задача «сверху» была поставлена глобальная: «демократизация» предполагала полную свободу педагогов в образовательном и воспитательном процессе. Причём чем «продвинутее» был директор школы, тем больше было этой разгульной свободы. В связи с этим появилось множество новых образовательных и воспитательных программ и новых учебников. Главное условие состояло в том, чтобы как можно дальше уйти от «старой» школы. Долой октябрят, пионеров и комсомольцев! На их место придут новые герои! И пришли! Лично была свидетелем того, как в одной из лучших школ города на переменах гремели из радиоточки не пионерские песни, а модный блатной шлягер

«Путана, путана, путана». В этих путанах мы, надо сказать, преуспели. Девочки становились путанами, а мальчики наркоманами и бандитами. Половина из того поколения сейчас лежит на кладбище, а другая половина все никак не может обрести смысла жизни. Детей многие из них рожать не захотели, а те, кто «принёс в подоле», бросили их на родителей. Новые ценности «красивой жизни» диктовали любой ценой богатеть и развлекаться. Так произошло великое нравственное падение женщины, которое сегодня привело к необратимым результатам. «Потерянное поколение» — разводим мы теперь руками.

Как же это случилось? Вернёмся к «Букварю». Только не к тому «старому», а к «новому», в духе времени 90-х. Его принесли к нам в редакцию возмущённые родители, совершенно обескураженные его содержанием. Новый учебник оказался очень «продвинутым». Он учил детей не только читать, но и развивал. К примеру, обучал малышей, которые ещё толком читать-то не научились, что такое «фразеологизмы». Чтобы дети умные росли. Фразеологизм «ежовые рукавицы», к примеру, сопровождался картинкой, достойной фильма ужасов. За бедным сыном бежит, размахивая ремнём, страшилище-мама с выпученными глазами и развевающимися волосами, а на руках у неё вместо перчаток два колючих ежа. Впечатляющее зрелище. До сих пор меня передёргивает от этих воспоминаний, хотя прошло уже четверть века. А что стало с теми малышами, которые по этому «Букварю» занимались?

Нетрудно догадаться, что о Пушкине и Толстом в учебнике не осталось никаких воспоминаний. «Букварь» напичкан низкопробными стишками. Александра Сергеевича заменил современный «политический деятель» В. Шендерович. Чего стоит хотя бы его «шедевр» «Крокодилы страдания», сопровождающийся соответствующей картинкой. В стихотворении для первоклассников говорится о том, что хорошо бы завести крокодила Гаврилу, который бы «соседке Марьиванне строил глазки, лежа в ванне». Может быть, кому-то это покажется смешным, но, конечно, не первоклашкам и их родителям.

Конечно же, учителя «старой» школы, которые не подчинились этой вакханалии, воспользовавшись «свободой выбора» и занимаясь с детьми по старым программам и учебникам.

Но не успели оправиться от одной напасти, как пришло известие о новой реформе. Она была намечена на 2001 — 2020 годы. В чём же заключаются ключевые моменты двадцатилетнего марафона реформирования системы образования в

начале нового тысячелетия? Было намечено и осуществлено массовое закрытие сельских школ и укрупнение (объединение) городских. Были введены информатизация, новые формы сдачи экзаменов (ЕГЭ, ОГЭ), новые стандарты образования, новая система оплаты труда педагогов, а главное, в школе были разрешены платные услуги. Так школа из образовательного и воспитательного центра превратилась в учреждение сферы обслуживания, предлагая родителям для их чад разные по стоимости «пакеты образовательных услуг». Слово «учитель» стало терять свое высокое значение. Школе понадобились менеджеры, чтобы эти услуги продвигать. Чиновники департаментов и управлений образования переквалифицировали в эту ипостась молодых педагогов и поставили их во главе школ, отправив на пенсию старую гвардию директоров и завучей.

Новые руководители со рвением взялись за «модернизацию» школы, заполонив её педагогами «новой формации». Их приоритеты совсем иные и далеки от «устаревших ценностей». Теперь детей с молодых ногтей натаскивают на то, что главное в жизни — это быть успешным и богатым. Конечно, в большой зарплате нет ничего плохого, если бы стремление к ней не ставилось во главу угла и не осуществлялось «любой ценой» и если бы при этом не отбрасывались на задворки всякие «глупости» в виде милосердия.

Самым важным сейчас провозглашается «качество образования», которое строго определяется в цифрах и процентах. Это «качество» диктуется стандартами, они постоянно меняются, а отчётность всё увеличивается. Жертвами этой душающей системы становятся учителя, особенно «старой школы», поскольку привыкли всё делать хорошо, а сил и времени на это нет. К тому же они хуже, чем молодёжь, владеют методами электронной отчётности.

Недавно одна молодая особа, студентка столичного вуза, рассказала мне, как, приехав домой в провинцию на «пандемийные каникулы», помогала матери-учительнице составлять отчёты. Очень любопытная история. Её мама, в прошлом профессиональная балерина, много лет вела в школе студию хореографии. Но потом начальство ей заявило, что по новым стандартам хореография эта никому не нужна, и переквалифицировали её в учителя физкультуры. Теперь отчитывалась она за уроки физкультуры, а вела по-прежнему ритмику и хореографию, потому что девчонки толпами за ней ходили. И вот дочка, заполняя отчётные документы, с удивлением спросила: «Мама, разве у нас в школе теперь теннис есть?» «Нет, — покачала головой мать, — он только в новых стан-

дартах значится, а вести его некому. Вот мне и велели за него отчитываться». И плывут наверх ложные цифры о том, как успешно в школе развивается теннис.

Кого обманываем? А главное, зачем? Затем, что отчёт красиво выглядит в цифрах, схемах и графиках. Представьте себе разноцветные круги, разделённые на сектора, в которых всё-всё посчитано. И сколько процентов у нас старых учителей, сколько молодых, сколько с высшим образованием и сколько без, сколько медалистов у нас в этом году и на сколько процентов это больше, чем в прошлом. Словом, всё-всё про всех и вся. Нет только цифры: сколько процентов из этих медалистов липовых.

По роду своей деятельности мне много раз приходилось бывать на августовских совещаниях педагогов. Помню, какие горячие дебаты разгорались там раньше. Выступали учителя, рассказывали о своих достижениях и неудачах, советовались друг с другом, перенимали опыт.

А как дело обстоит теперь, в эпоху менеджеров? Аппарат чиновников целый год готовит для начальника управления красочный отчёт в этих самых кругах с цифрами и процентами, который с компьютера выводится на большой экран. Один сплошной ответ на вопрос «сколько». Молчаливые зрители этого немного кино — учителя, у которых сегодня столько проблем, что никакими цифрами не опишешь. Достаточно сказать, что воспитывать детей нынче стало небезопасно: можно и в глаз получить как от великовозрастного ученика, так и от его родителей. Родители школьников сегодня как раз те самые, которые в 90-е годы воспитывались. Что-что, а права качать они научились. И дети от них не отстают, свои права хорошо знают, в том числе и по отношению к собственным родителям. Если что — учитель может и под суд угодить, нечего тут заставлять домашнее задание делать. Ты учи давай — а не задание спрашивай. Обо всём этом цифры молчат. Молчат и педагоги. Они сегодня в школе самое слабое звено. Жертвы системы. О том, что главные жертвы — дети, пока никто думать не хочет.

Теперь, преподавая, к примеру, литературу, нужно прежде всего научить ребёнка не дурацкому «состраданию», которое не укладывается ни в какие «проценты», а тому, «сколько пуговиц было на шинели Акакия Акакиевича» (такой вопрос может быть на ЕГЭ). Не случайно самые трудные для нынешних выпускников тексты — это тексты, связанные с понятием милосердия. Ребята никак не могут взять в толк, «про что», кроме шинели, говорит Гоголь в той же «Шинели». На экзаменах они не могут сформулировать тезис, если тема

связана с понятием «милосердие» (художественные-то произведения остались «старые!»), а следовательно, испытываю трудности в написании сочинения. В результате всё пришло к тому, что о Пушкине мы теперь знаем только то, что он «наше всё», а о Толстом, что «этот чудной старикан писал очень толстые книги, которые нереально прочитать. Да и кому интересно — про эту старую жизнь?»

Учителей «новой школы» превратили в урокодателей, которые выполняют только ту работу, которая оплачивается. Они, кстати, могут быть очень даже передовыми, поскольку неукоснительно выполняют все инструкции, умеют хорошо отчитываться «о проделанной работе», давать «прекрасные» открытые уроки и показывать «образцы» работы воспитательной, которая, как правило, проводится в ущерб образовательной. Это любимцы школьной администрации и чиновников всех уровней.

Учителей «старой школы» новые чиновники терпеть не могут, потому что они своей «безумной активностью» нарушают все правила и постоянно чего-то просят. К примеру, говорят, что раньше, мол, они часто проводили уроки в музеях города, что это, мол, было очень интересно и полезно для детей. Нет, говорят им теперь «продвинутые» представители администрации, никаких вам «музейных уроков», это ваше личное дело, хотите — идите в музеи, но оплачивать это вам никто не будет. И всякого вашего «старья», типа фольклорных уроков и уроков по краеведению, тоже не надо. Гораздо полезнее провести урок по культуре здорового питания или заняться с детьми проектной деятельностью. А все эти ваши доморощенные «кружки» и Пушкинские праздники — вчерашний день. Лучше создайте «Клуб креативных дел». Это в духе времени. За такие мероприятия не стыдно. А эти ваши фольклорные праздники в старых избах — никому не нужны. Ах, это дело всей вашей жизни и детям полезно? Ну, на здоровье, только платить за это мы не будем. А если вы чем-то недовольны, никто вас в школе не держит. Незаменимых нет! Других найдём, не таких строптивых. Ничего страшного не произойдёт, если один учитель начальных классов теперь будет вести два класса. Пусть родители сами своих детей воспитывают, как им надо. А эти ваши «любовь да милосердие» только жизнь осложняют.

Конечно, я немного утрирую. Ведь среди «современных учителей» много людей толковых и талантливых, равно как и среди «старых» полно «урокодателей». Но почему же так болит сердце за будущее? Потому что ясно, что от любой самой «эффективной» реформы толку не будет, если на первое мес-

то ставится материальное, а не духовное, если «показушность» становится важнее реального результата.

К примеру, пресловутое ЕГЭ. Сначала горевали, что «старую систему» сдачи экзаменов заменили на новую. А теперь — ничего, всё в порядке. Научились отчитываться, графики всякие рисовать о повышении качества знаний учеников. А что на деле? С 6 класса родители ищут для своих чад репетиторов. Иначе никуда не поступишь. Утром дети бегут в школу, а после обеда до самого вечера — ходят по репетиторам «репетировать» сдачу ЕГЭ.

Выпускникам вообще не до учёбы: главное, выучить хоть что-то по предметам, которые надо сдавать для института, а остальные не нужны, в школе за них и так оценку поставят. И вот проходят экзамены, а потом наступает разочарование, что, оказывается, в «вуз мечты» с набранными баллами ты поступить не можешь, хоть тебе и золотую медаль дали. А позже, уже в институте, выясняется, что, кроме подготовленных с репетиторами математики и физики, тебе, оказывается, необходима и ненавистная химия, которую ты не учил за ненадобностью, и таинственная информатика, которой у вас в школе вообще не было за неимением учителя (наверняка ведь за неё кто-то отчитывался как за существующую), и много ещё каких предметов, которые ты с подачи «современной системы образования» считал ненужными.

Зато в Управлении образования все показатели будут на уровне, не сомневайтесь. Цифры, хоть они и говорящие, молчат, кто подготовил к экзаменам ученика — школьный учитель или неизвестный репетитор.

Молчат они и о том, какой школа будет завтра, — без русской литературы. А в этом уже преуспели наши образовательные менеджеры. То и дело исключают из программы произведения русских классиков, которые почему-то стали очень трудными для восприятия школьников. Зачем детям заморачивать голову тем, что для «красивой жизни» им не пригодится? Список «исключённых» уже очень большой. Добрались до А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова. Золотой фонд всей нашей жизни.

Случайно ли реформирование касается в первую очередь таких предметов, как литература и история? Конечно, нет. Это мировоззренческие дисциплины, которые призваны формировать менталитет русского народа. Как, к примеру, — прожить без Пушкина, если, по словам русского философа Ивана Ильина, «великое задание Пушкина» было в том, чтобы «принять русскую душу во всех её исторически и нацио-

нально сложившихся трудностях, узлах и страстях... и показать всей России — достойный её творческий путь... развязывающий эти узлы».

Но самое страшное, мне думается, нас ждет ещё впереди. Ясно, что назревает новая реформа, связанная с пандемией. Виртуальная школа, виртуальные дети, виртуальные учителя, виртуальное качество образования. Одни миражи. Очень удобно. И никаких реформ будет не надо.

«Куда ж нам плыть?» — задавался вопросом Александр Сергеевич в эпоху после третьей реформы российского образования. В ходе этой третьей, кстати, и был создан в начале века тот самый лицей в Царском Селе, в котором он учился вместе с другими известными людьми. А приведённая выше строка взята из стихотворения «Осень», написанного в 1833 году. И через эту фразу сказалось очень многое — и о судьбах России, и о судьбах всего человечества.

Как же не учить детей тому, что поэзия — это отнюдь не просто рифмованные строчки, а пророческие предвидения гения? И что Пушкин — это действительно «наше всё», если мы будем читать и знать его, потому что в них на все времена заложен глубокий духовный смысл и показаны все пути: как гибельные, так и созидательные.

Так куда же всё-таки нам сегодня плыть? Иногда кажется — дальше уж некуда, приплыли уже... И совсем не туда, куда намеревались. Спасает тот же Пушкин: «Ибо иметь такого поэта и пророка — значит иметь свыше великую милость и великое обетование», — как сказал тот же Иван Ильин в 30-е годы двадцатого века, задолго до тех реформ, о которых здесь говорилось. Будем уповать на то, что здравый смысл восторжествует.

АНТИХРИСТИАНСКОЕ «БОГОСЛОВИЕ МАЙДАНА»

Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их.

Мф. 7:15-16.

Среди еретических движений последнего времени самые деструктивные последствия имеет так называемое «богословие майдана», объединившее в себе обычные антихристианские черты «либерал-православия» (А.В. Щипков) и ересь этнофилетизма. Хотя константинопольского патриарха Варфоломея его западные кураторы уже давно готовили к расколу мирового Православия, но непосредственным поводом к этому стали события на Украине. Подобно тому, как в специальных лагерях западной Украины и Польши заранее готовили украинских неонацистов — боевиков «майдана», точно так же заранее искали и готовили идеологов раскола в среде русофобски настроенных богословов. В данной статье будет рассмотрена технология манипуляции сознанием, на которой основано «богословие майдана», а также тип людей, которые его распространяют. Хотя эта идеологическая конструкция, казалось бы, уже давно сама себя разоблачила событиями, начавшимися в 2014 году, од-

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

нако она продолжает усиленно внедряться в сознание церковных людей не только на Украине, где это очень облегчается условиями идеологической диктатуры, но и в России — в «либерал-православной» среде, исповедующей русофобскую идеологию. К сожалению, эта тема всё еще остается актуальной.

Название этому явлению дала заметка архимандрита Кириллы (Говоруна) «Богословие майдана», написанная в начале декабря 2013 г. в блоге автора в Facebook и перепечатанная сайтом «Киевская Русь». Этот некогда карьерный церковный дипломат в Москве после участия в «майдане» и сослужения с раскольниками из «ПЦУ» уехал в Америку, где взят на содержание в одном католическом университете. Собственно, никакого богословия в этой заметке нет, а есть набор стандартных пропагандистских штампов, которыми зомбировали толпу, собравшуюся на «майдане». Как наемный пропагандист Говорун пересказал эти штампы, добавив к ним ряд своих тезисов, рассчитанных на относительно «интеллектуальную» аудиторию. Впрочем, последние по своей лживости и абсурдности даже превзошли первые. Так, автор пишет: «на Майдане мы наблюдаем яркий пример осознания обществом своей собственной субъектности. На Майдане рождается или уже родилось сообщество, которое является хрестоматийным примером гражданского общества — его почти чистый субстрат. Это сообщество идентифицирует себя на основе общих ценностей: достоинства, честности, ненасилия, взаимопомощи, готовности к самопожертвованию». В реальности дело обстояло прямо противоположным образом. Никакой «субъектности» на «майдане» не было — это была заранее подготовленная структура боевиков и присоединившаяся к ним полностью манипулируемая толпа. Управление ими и их финансирование осуществлялось из-за границы при поддержке некоторых местных олигархов. «Достоинство» представляло собой приведение к власти людей, которые отдавали Украину на окончательное разграбление Западу. «Честность» состояла в тотальной лживой пропаганде, благодаря которой всё это осуществлялось. «Ненасилие» состояло в нападении на правоохранителей, за которое в любой европейской стране эти боевики сразу получили бы хорошие тюремные сроки, а на Украине остались полностью безнаказанными — лишь благодаря беспредельному гуманизму «преступного режима» Януковича. Затем это «ненасилие» выразилось в развязывании гражданской войны и геноциде народа Донбасса украинскими карателями. «Взаимопомощь и готовность к самопожертвованию» иногда име-

ли место — среди одурманенной пропагандой толпы, которую организаторы переворота использовали как «пушечное мясо» и глубоко презирали. Поскольку нет сомнения в том, что Говорун всё это прекрасно знает, то можно оценить степень его цинизма.

В обоснование необходимости государственного переворота Говорун пишет следующее: «Нынешняя власть вовсе не является христианской, хотя ее представители и готовы демонстрировать отдельные признаки склонности к православному культу». «Архимандрит» до сих пор не знает, что единственной во всей мировой истории христианской властью была православная монархия, поскольку только она ставила перед собой высшую задачу воцерковления и христианского воспитания народов, и решала эту задачу вполне успешно. Она была создана св. равноапостольным Константином Великим и уничтожена любителями «европейских ценностей» в 1917 году. С тех пор «христианской власти» не может быть в принципе, хотя могут быть христиане у власти. Среди президентов Украины единственным, кто хотя бы отдаленно был похож на православного и оказывал поддержку канонической Церкви, был как раз столь ненавидимый «майданом» Янукович. И некоторые деятели «майдана» даже прямо признавались, что ненавидят его в первую очередь именно за это, а вовсе не за «коррупцию», в которой они уже давно превзошли его во много раз.

Далее следуют откровенно демагогические заявления: «Майдан имеет шансы стать началом процессов, когда будут переоценены отношения Церкви, государства и общества», он «заставляет церкви переходить от двумерных отношений «Церковь—государство» в трехмерные: «Церковь—государство—общество». Как известно, нормальные отношения между Церковью и государством были только в православной монархии, хотя даже там случались конфликты и принцип симфонии властей иногда нарушался со стороны государства, когда к власти на короткий период приходили самозванцы. Но это были исключения из правила. В светском же обществе максимум, чего можно требовать от государства — это отсутствия репрессий и гонений. Но на Украине репрессии и гонения на каноническую Церковь начал как раз «майдан», которому верно служил Говорун и тем самым стал гонителем Церкви. Далее этот лицемер заявляет следующее: «Для украинских церквей сейчас есть возможность выйти из серой зоны коллаборационизма с преступной властью и стать на путь «Исповеднической церкви»». Говорун делает вид, будто не знает о том, что каноническая

Церковь на Украине была Исповеднической Церковью с 1989 года, когда впервые подверглась агрессии украинских неонацистов и раскольников, отобравших у нее сотни храмов и убивших сотни верующих в 1990-е годы. А после 2014 года каноническая Православная Церковь на Украине фактически поставлена в такое же положение, как при большевиках.

Завершает Говорун тезисом, который поражает своим запредельным цинизмом: «Майдан в своей ценностной составляющей значительно перерос и украинские церкви... Сейчас для украинских церквей появилась возможность вырасти до уровня общества, которое быстро растет на основе тех ценностей, которые должны были бы демонстрировать церкви». Этот тезис Говоруна является не только абсурдным, но и просто кощунственным. Как вообще можно сравнивать Церковь, проповедующую Евангельскую Истину, с неонацистами «майдана», проповедующими ненависть и совершающими убийства? Здесь Говорун демонстрирует либо свою полную интеллектуальную неадекватность, либо сознательную ложь с корыстными целями, либо гармоническое сочетание того и другого. Если такой человек стал «архимандритом» (к счастью, в настоящее время уже заштатным), то этот факт — из области театра абсурда.

Поскольку в так называемом «богословии майдана», как мы видим, никакого богословия нет, а есть лишь примитивная политическая пропаганда, то следует оценить и уровень политического мышления этих наемных пропагандистов. Этот уровень можно определить как полный политический инфантилизм, совершенно детское мышление о политике, не подозревающее о том, как она устроена. «Онижедети» с «майдана» наивно возмущаются какими-то пороками власти и еще более наивно думают, что нужно поменять «власть», как эти пороки исчезнут автоматически. Те, кто разбирается в политике, знают, что при насильственной смене власти, новая власть, ставшая на ее место, не только не исправляет пороки старой, но во много раз усиливает их и добавляет к ним свои собственные, которых не было раньше. Мировая история не знает исключений из этого правила. Эта закономерность объясняется тем, что эта якобы «новая» власть на самом деле никогда не бывает новой, а всегда состоит из представителей старой власти, ранее пребывавших на «вторых» ролях и мечтавших стать первыми. И если это им удастся, то они в первую очередь удовлетворяют накопившуюся зависть и жадность и занимаются грабежом страны, намного превосходя в этом своих предшественников. Это очень ярко наблюдалось на Украине после обоих «майданов»; но если пос-

ле первого госпереворота 2004 года со временем к власти вернулась команда Януковича и немного стабилизировала ситуацию, то после второго «майдана» разрушение Украины стало уже необратимым. Бегство населения за рубеж, вымирание и разрушение экономики запустили процесс новой Руины, который неизбежно приведет к распаду Украины как государства в ближайшие 15—20 лет.

С исторической точки зрения, главный Майдан, организованный врагами России и православной цивилизации, произошел в Петрограде в 1917 году, а все более поздние «майданы» являются лишь его ритуальным повторением и жалким подобием. Сделав выводы из того апокалиптического «майдана» 1917 года, классик русской политической философии П.И. Новгородцев писал о политическом инфантилизме тогдашней «прогрессивной интеллигенции» так: «Наивная и незрелая политическая мысль обыкновенно полагает, что стоит только свергнуть старый порядок и провозгласить свободу жизни, всеобщее избирательное право и учредительную власть народа, и демократия осуществится сама собой. Нередко думают, что провозглашение всяческих свобод и всеобщего избирательного права имеет само по себе некоторую чудесную силу направлять жизнь на новые пути. На самом деле, то, что в таких случаях водворяется в жизни, обычно оказывается не демократией, а, смотря по обороту событий, или олигархией, или анархией, причем в случае наступления анархии, ближайшим этапом политического развития бывают самые суровые формы демагогического деспотизма». Но подло разрушив сакральную монархию и христианскую цивилизацию, политические инфантилы по Божьему Промыслу затем получили в наказание за это кровавую тиранию большевиков, которая физически уничтожила очень многих из них.

В более позднем своем интервью бывший архимандрит Говорун сделал ряд невежественных и лицемерных заявлений относительно понятия Русский мир. «Эта идея стала камнем преткновения, разделившим единую церковь», — заявил Говорун. Это уже запредельное лицемерие. Единая Русская Церковь существовала тысячу лет — пока не появились в XX веке «украинские» расколы. И станет снова единой, когда эти расколы будут ликвидированы.

Русская Церковь — это не национальное, а территориальное определение: т.е. находящаяся на территории исторической Руси, которая существует более тысячи лет и на территории которой проживает множество народов, принявших Православие. Это не великоросская племенная церковь, а Цер-

ковь всех народов Русского мира. Московский Патриархат — также назван не по национальному, а по территориальному признаку города, в котором находится Патриарх — так же, как и Иерусалимский, Антиохийский и т.д. Канонической территории Русской Православной Церкви соответствует цивилизационное пространство, на языке культурологии именуемое Русским миром. Как известно, Русь с самого начала была многонациональной страной (объединением племен), включавшей в себя славян финно-угров (чудь) на севере и тюркоязычные кочевые племена на юге — впоследствии ассимилированные и ставшие предками современных украинцев. Русский мир как большое цивилизационное пространство впервые возник при Иване Грозном в результате присоединения Поволжья, Урала и части Сибири. Тем самым, цивилизации Русского мира уже полтысячи лет.

А «новоделом», не имеющим никаких исторических корней, является украинская национальная идентичность, впервые возникшая только в XX веке. С исторической точки зрения, когда идет речь о неких «украинцах», то, как справедливо пишет А.В. Щипков, на самом деле *«речь идёт о бывших русских (малороссах), переставших быть русскими в силу внешних политических факторов, да ещё принуждающих перестать считать себя русскими тех, кто такого волевого решения не принял (новороссов, крымчан). Украинский сюжет в этом смысле напоминает историю с хорватами, которые перестали быть сербами, перейдя в католичество. Хорватская идентичность включает в себя сильнейший комплекс отторжения и ксенофобии по отношению к сербам — бывшим своим... Неудивительно, что в ходе Второй мировой войны зверствам хорватских усташей по отношению к сербам поразились даже эсэсовцы. Аналогичную ситуацию мы имеем сегодня на Украине».*

Аналогичную усташам дикую жестокость проявляли бандеровцы, а потом и украинские неонацисты на Донбассе в 2014 году. Более того, само возникновение «украинской» идентичности с самого начала было насильственным. В Галиции все русины, твердо исповедовавшие свою русскую идентичность, были истреблены австро-венграми в концлагерях Терезин и Талергоф (тех, кто соглашался признать себя «украинцем», они отпускали). На остальной части нынешней Украины новая «украинская» идентичность также насильственно была введена большевиками в 1920—1930-х годах в ходе так называемой «украинизации». Поэтому не удивительно, что созданные насилем теперь проявляют насилие к другим.

Соответственно, и автокефальная «украинская» церковь изначально создается раскольниками именно как племен-

ная, то есть уже по определению этнофилетическая. Как известно, этнофилетизм — это ересь, которая возникает вследствие подмены церковного сознания национально-политическим, племенным. Это понятие было введено на Поместном Константинопольском Соборе 1872 г. под председательством патриарха Константинопольского Анфима VI. Эта ересь была осуждена в связи с болгарской схизмой (односторонним провозглашением болгарским духовенством автокефалии своей национальной Церкви). В соборе приняли участие 32 архиерея и все восточные Патриархи, кроме Иерусалимского. 16 сентября 1872 г. этот Собор утвердил определение, согласно которому все болгарские архиереи с клиром и мирянами были объявлены схизматиками (раскольниками), а вся Болгарская Церковь — схизматической. По отношению к этнофилетизму Собор вынес следующее определение: «Мы усмотрели при сопоставлении начала племенного деления с Евангельским учением и с постоянным образом действия Церкви, что оно не только им чуждо, но и совсем противно... Мы постановляем во Святом Духе следующее: 1. Мы отвергаем и осуждаем племенное деление, то есть племенные различия, народные распри и разногласия в Христовой Церкви как противные евангельскому учению и священным законам блаженных отцов наших, на коих утверждена святая Церковь и которые, украшая человеческое общество, ведут к Божественному благочестию. 2. Приемлющих такое деление по племенам и дерзающих основывать на нем небывалые доселе племенные сборища мы провозглашаем, согласно священным канонам, чуждыми Единой Святой Кафолической и Апостольской Церкви и настоящими схизматиками [раскольниками]». Украинский этнофилетизм отличается особой лживостью и лицемерием, поскольку сам обвиняет в «расколе» тех, кто сопротивляется ему и хранит единство Церкви.

Как справедливо отмечает протоиерей Олег Трофимов, «Говорун манипулирует и открыто лжет, ведь конфликт на Востоке возник из-за кровавого переворота в Киеве...» Майдан организовали и устроили греко-католики, об этом открыто заявляют сами епископы УГКЦ. Например, в прямом эфире на украинском ТВ епископ Борис (Гудзьяк) или их представитель Святослав Шевчук: «На 90% это была наша паства с Галичины»... Расстреляли сакральную жертву (сотню) для развязки братоубийства те же греко-католики, нынешний греко-католический депутат спикер Верховной Рады Валерий Парубий. Парубий координировал действия с наемными снайперами, которые стреляли сначала в спины «Беркута», заставив его уйти с «майдана», а затем в спины майдан-

ного «пушечного мяса», позднее с сатанинским цинизмом объявленного «небесной сотней». (Стрельба в обе стороны — это обычная тактика американских спецслужб для разжигания локальных конфликтов, которую они уже сто лет регулярно применяют по всему миру.) Униаты затем показали, что они являются верными продолжателями дела гитлеровских коллаборантов — бандеровцев. Во время карательной операции Украины на Донбассе униатские «священники» призывали в проповедях убивать за одного украинца десять донбассовцев — это четко соответствует садистской идеологии Бандеры. С таким же призывом к массовым убийствам выступал и глава секты «Киевский патриархат» отлученный от Церкви бывший монах Денисенко. Все эти выступления сохранились на сайтах СМИ до настоящего времени.

Украинский этнофилетизм, лежащий в основе идеологии раскола и «богословия майдана» — это современный вариант неоязычества, культура «рода». Вообще, среди приверженцев раскола на массовом уровне встречается много двоеверцев, для которых нет особой разницы между языческой «родной верой» и христианством, лишь бы они были «украинскими». Кроме элементарного невежества в таких воззрениях присутствует их внутренний главный мотив — гордыня и ненависть ко всему русскому. Современное «идейное украинство» — это, в первую очередь, «культ ненависти», который может внешне выражаться в самых разных формах. Не стоит раскольников подозревать в безбожии — вера у них есть, но она сочетается с таким культом ненависти, который и дает такой уродливый гибрид в виде этнофилетизма. Тем самым, в современных условиях по-новому актуализируется термин «двоеверие»: если раньше им обозначали сочетание христианства и остатков язычества в эпоху Средневековья, то теперь он вполне применим к украинским раскольникам.

«Русский мир — это набор политических лозунгов, завёрнутых в религиозную обёртку», — далее лжет Говорун. И это естественно, ведь раскольники видят в концепции Русского мира нечто «церковное» просто потому, что судят по себе. Это их украинские псевдоцеркви являются всего лишь политическими проектами, «завёрнутыми в религиозную обёртку». Поскольку у них религия не отличается от политики, и их раскольничьи секты — псевдоцеркви — создаются по политическим мотивам, то они думают, что и Русский мир — это тоже якобы «церковное учение». Однако Патриарх Кирилл употребляет строго научное понятие «Русский мир», взятое из современной культурологии, поскольку разговаривает со своей паствой на серьёзном культурном языке, который его

пастве понятен. Украинские же раскольники разговаривают со своей паствой на языке политической демагогии, т.к. другим языком они не владеют.

Впрочем, специально для украинских раскольников, которые рано или поздно прочтут эту статью, проведем небольшой ликбез относительно смысла понятия Русский мир, который до сих пор для них остается совершенно недоступным. «Русский мир» как научное понятие было впервые введено в XIX веке известными киевскими историками М. Максимовичем (первым ректором Киевского университета) и В. Антоновичем. Год его рождения — 1864. В том году вышла статья М. Максимовича «Нечто о земле Киевской», в которой он писал о событиях 1654 года, т.е. о вхождении Южной Руси в состав Московского государства: «Таким образом вся земля Киево-Переяславская или Украина на исходе восьмого века своей исторической жизни возвратилась опять в общий состав русского мира, приумноженная еще Запорожьем, которое во время предтатарское было землей половецкой». Об Украине, то есть о «земле Киево-Переяславской» (прочие земли тогда к Украине никто не относил) он там же писал: «Многострадальная, заслуженная в русском мире земля...» В свою очередь, в 1882 г. Д. Антонович в работе «Киев, его судьба и значение с XIV по XVI столетие» писал, используя этот же термин: «Владимир Ольгердович уступил Киев не без борьбы; он отправился искать помощи в другом центре русского мира — у Василия Дмитриевича московского». Понятие «Русский мир» было введено для обозначения исторического периода, наступившего после распада Древней Руси на удельные княжества, которые затем оказались в составе различных государств. Но поскольку объективное единство русских земель как языковой, культурной и религиозной общности сохранялось (часто даже несмотря на глубокое политическое разобщение и междоусобные войны), то для обозначения этой объективной общности и было необходимо введение научного понятия «Русский мир». Затем оно пришло в забвение, изредка появляясь только у некоторых авторов русской эмиграции XX века (например, в таком определении Л. Эллисом (Кобылинским) фигуры Пушкина как «центра русского мира в России и в эмиграции»).

Новую жизнь это понятие обрело после распада СССР, что совершенно естественно, т.к. после 1991 года возникла ситуация, аналогичная периоду «феодальной раздробленности» позднего Средневековья. Поэтому известное определение русских как «самого большого разделенного народа в XXI веке» потребовало и соответствующего этому понятия, кото-

рое фиксирует реальную общность русского народа и русской цивилизации, существующую несмотря на политические разделения и новую «феодалную раздробленность». Эту функцию, естественно, и взяло на себя понятие «Русский мир». Активная теоретическая концептуализация этого понятия происходила в 2000-е годы, в том числе и на Украине. «Знаковыми» в этом процессе стали издания в Киеве энциклопедического словаря «Русский мир Украины» (2008) и сборника трудов ведущих ученых-гуманитариев Украины с таким же названием. Дальнейшая разработка определений Русского мира требует их спецификации по различным уровням культурно-исторической реальности: экономическому, политическому, геополитическому, аксиологическому, культурологическому, ментальному и религиозному.

На экономическом уровне понятие Русский мир определяется как регион мировой экономики, восстанавливающий внутреннюю технологическую, сырьевую и финансовую самодостаточность в рамках мирового разделения труда, позволяющую избежать экономического порабощения Западом. Тем самым, единственной «альтернативой» Русскому миру в экономической сфере является полная экономическая деградация и превращение в сырьевой придаток Запада, что мы ярко наблюдаем на примере современной Украины, в Прибалтике, а также в самой Российской Федерации в 1990-е годы.

На политическом уровне понятие «Русский мир» определяется как регион мира с реальным политическим суверенитетом стран, способных защищать свои национальные интересы и свои цивилизационные ценности. Единственной альтернативой Русскому миру в политической сфере является установление марионеточных режимов, назначаемых из Вашингтона, и всегда имеющих русофобский и неонацистский характер. Для самой Российской Федерации установление прозападного режима под маской «либерализма» неизбежно приведет к ее дальнейшему распаду и уничтожению как государства.

На геополитическом уровне понятие «Русский мир» определяется как регион мира, способный поддерживать военный паритет со странами НАТО, в том числе и благодаря военному сотрудничеству с другими странами Азии (в первую очередь, Китаем и Индией) в рамках ШОС.

На аксиологическом уровне понятие «Русский мир» определяется как регион мира, основанный на возрождении и сохранении традиционных ценностей, препятствующих «антропологической катастрофе» апостасийной цивилизации.

Это понятие, введенное М.К. Мамардашвили, фиксирует феномен разрушения личности в потребительском обществе, фактической деградации человека до уровня эго-центрического «биосоциального автомата» с инфантильным сознанием (эгоцентризм, атеизм, содомия).

На культурологическом уровне это означает определение Русского мира как традиционалистской цивилизации, противостоящей «антропологической катастрофе». Пространство Русского мира состоит из множества локальных культурных традиций — и общей его доминантой является сохранение традиций как таковых и культивирования «традиционного человека» — то есть человека, способного к духовному развитию и возрождению.

На ментальном уровне понятие «Русский мир» определяет общность людей разных национальностей, проживающих не только в Российской Федерации и странах «бывшего СССР», но и по всему миру, которая осознает себя как суверенную цивилизацию, основанную на сакральных ценностях и активно противостоящую цивилизационной агрессии Запада.

На религиозном уровне это означает определение Русского мира как цивилизации, в которой религиозные традиции остаются содержательным ядром культуры и мировоззрения людей, глубоко проникающими во все сферы культуротворчества. Такой тип культуротворчества возродился и снова стал доминирующим в современной подлинно русской культуре, а вырожденческие проявления псевдокультуры «пост-модерна» активно маргинализируются.

Тем самым, в настоящее время понятие «Русский мир» приобрело статус историософской категории с многоуровневым содержанием. Ее смысл вышел за рамки обозначения одной из «локальных цивилизаций» и приобрел еще более глубокое метафизическое измерение. Оно состоит в том, что цивилизация Русского мира в современном мире сохраняет особый библейский статус «удерживающего» (Катехона), ныне противостоящего экспансии апостасийной цивилизации Запада и той inferнальной модели «пост-человека», которую она пытается навязать всему остальному миру.

Русский мир — это пространство духовной свободы, основанное на принципе «самостояния» (А.С. Пушкин), защиты суверенной христианской цивилизации от агрессии апостасийной, уже откровенно антихристианской цивилизации Запада. Но если Русский мир основан на свободе и силе духа, свободе личности, способной сделать выбор высших ценностей бытия и устоять перед соблазнами мира сего, то неприятие Русского мира является следствием прямо про-

тивоположных качеств человека — духовного рабства и холуйства перед «сильными мира сего», идолопоклонства перед Западом. Поэтому, отвергая Русский мир ради пошлой ереси этнофилетизма, украинские раскольники в принципе не могут использовать христианские аргументы (их просто нет), но могут использовать только грубую ложь и лицемерие.

Создание неканонических национальных «автокефалий» на территории Русской Православной Церкви происходит по откровенно антихристианским мотивам карьеризма и местечковой гордыни, которые лживо и лицемерно прикрываются мифом об «освобождении от Москвы» и т.п. Сам церковный народ на Украине никогда не стремился к «автокефалии», но наоборот, всегда радовался тому, что принадлежит к такой великой и заслуженной поместной Церкви, как Русская Православная Церковь. В реальности не существует никакого особенного «украинского православия» ни в традициях и обрядах, ни в менталитете, ни в общем языке богослужения. Православные из Российской Федерации и Украины, в том числе и западной (регион Почаевской Лавры и др.), в паломничествах перемешиваются между собой и не ощущают между собой никаких отличий — ментальных, языкового барьера и т.п. Церковь по факту остается единой, несмотря на политические игры этнофилетистов. Русофобская ненависть к России на массовом уровне имеет место только среди униатов Галиции, но они уже давно считают себя католиками.

Война с Русским миром велась украинскими этнофилетистами задолго до второго «майдана» — сразу же после визита Патриарха Кирилла на Украину в 2008 году, когда он напомнил своей пастве, что нынешняя Украина — это просто южная Русь и естественная часть цивилизации Русского мира. Украинские раскольники в силу своего невежества никогда до этого не слышали термина Русский мир, хотя он существовал уже полтора века и был впервые введен в Киеве малороссами. Они, видимо, и до сих пор думают, что этот термин был специально придуман Патриархом по заданию В.В. Путина. Тогда появилось несколько статей украинских авторов, в которых они пытались «разоблачить» Русский мир, но лишь показали, что они чаще всего не понимают, о чем идет речь. Несколько публикаций тех времен до сих пор сохраняются на их сайтах, а в бумажном виде они были опубликованы в Луганске в 2011 году в научном сборнике «Русский мир: за и против», составленном доцентом Луганского университета им. Т. Шевченко Михаилом Ширяевым, погибшим в 2014 году (был убит украинскими спецслужбами). Кратко рассмотрим их содержание.

Глава УГКЦ Святослав Шевчук заявил: «Когда этот «русский мир» перестает быть только «русским миром» и проецируется как определенное цивилизационное пространство, где украинцы должны быть обязательной, неотъемлемой его составляющей, то здесь уже возникает много вопросов». По его словам, «никогда итальянцам (римлянам) не придет в голову строить сегодня «римский мир» и убеждать французов или испанцев, что они являются бывшие латиняне». Аналогия эта, однако, совершенно некорректна, поскольку французы и испанцы как нации существуют около тысячи лет, а «украинцы» создаются только сейчас, причем в основном насильственно. Русский мир не предполагает включение в себя тех, кто в быту говорит на литературном украинском языке, сконструированном в последние десятилетия, и искренне ненавидит Россию. Таких людей среди населения современной Украины не более 1/5 части, и к Русскому миру они не принадлежат. Но Русский мир не позволит насильственно обращать русских в «украинцев», как на это делает Украина на уровне государственной политики.

Я. Буцёра в статье «Утопия Московской Патриархии в доктрине «русской цивилизации» очень мало пишет непосредственно по теме статьи, пересказывая основные положения экклезиологии. По теме он констатирует лишь тот факт, что «украинские церкви» в рамках доктрины Русского мира теряют основание для своего существования, с чем трудно не согласиться. Но поскольку эти церкви для него уже существуют, то Русского мира для него не существует. Так полагается граница цивилизаций, и это вполне естественно.

Г. Друзенко назвал свою статью «Геополитика от Патриарха: Царство Небесное vs «Русский мир», в само ее название заложив демагогический трюк — соотношение совершенно разноплановых понятий. Царство Небесное — реальность за пределами этого мира, а Русский мир — это историческая цивилизация. Соотнесение их абсурдно, но делается это автором сознательно: он хочет сказать, что мы стремимся к Царствию Небесному, поэтому земные дела нам не интересны, в том числе цивилизации и т.д. Но в этом уже заключена ложь и лукавство, поскольку земным идолом для него, как и для всех его коллег по расколу, является «Европа». Причем стремление к этой «Европе» основано на совершенно не христианских, а абсолютно низменных мотивах — надежде на более высокий уровень материальной жизни, а также просто на «холуйском» стремлении прибиться к тем, кто сейчас в мире «самый сильный». В заслугу автору можно поставить то, что он честно проговаривается об этих мотивах, но в ос-

тально повторяет стандартную русофобию. Однако связь понятий Царство Небесное и Русский мир на самом деле имеет важный смысл. Русский мир как тип цивилизации имеет целью защиту живущих в нем народов от наступления апостасийной цивилизации, созданной Западом. Сам Запад уже не способен сопротивляться порожденному им самим inferнальному монстру, а Русский мир пока еще способен, удерживая историю от сползания в Апокалипсис. Поэтому живущие в Русском мире люди имеют теперь намного больше шансов стать христианами и спасти свои души для Царствия Небесного, чем те, кто имел несчастье в наше время родиться в Европе или Америке.

Наконец, статья Г. Коваленко «Учение Патриарха о «Русском мире»: перезагрузка-2010» написана в весьма хамоватом стиле и отличается такой интеллектуальной дикостью, что и не стоила бы упоминания. В ней нужно только выделить те моменты, которые давно вошли в стандартную демагогию раскольников, поэтому их тоже нужно знать. Кроме того, этот Г. Коваленко — также известный церковный бюрократ, ловко делавший карьеру еще при митрополите Владимире — его бывший пресс-секретарь, а также бывший глава информационно-просветительского отдела УПЦ, бывший главный редактор официального сайта УПЦ, в нужный момент столь же ловко переметнувшийся к раскольникам, но неудачно — подобных должностей там ему не обещают.

Пользуясь советской марксистской терминологией Г. Коваленко называет концепцию Русского мира «неоимпериалистическим учением». Здесь дело не в невежестве — ведь разобраться в сути концепции можно было за полчаса — а в сознательной лжи. В том же ключе, повторяя обычные русофобские мифы, он противопоставляет «украинскую» демократичность и терпимость «российской тоталитарности и нетерпимости». Относительно последних Г. Коваленко даже нашел такое «научное» подтверждение: *«Недавно в произведениях одного российского специалиста по этике я нашел подтверждение старой гипотезы об особенностях мышления русских людей. Оказывается, обычный человек способен посмотреть на себя со стороны, подумать о том, как его слова и дела воспринимаются другими людьми. Менталитет русского народа устроен так, что он не ставит себя на место другого»*. Хорошо, что фамилия этого «специалиста по этике» не упоминается, иначе этот «специалист» был бы дисквалифицирован в глазах коллег на всю оставшуюся жизнь. Существует огромная литература по русской культуре и русской ментальности, в том числе и ученых с мировыми именами, и эта

литература показывает как раз прямо противоположное: именно русские имеют большую способность «посмотреть на себя со стороны», нежели европейцы. Это особенно ярко показывает опыт «святой русской литературы» (Т. Манн), а в классической форме этот факт сформулировал И. В. Киреевский: «Назвав «самодовольство», я коснулся еще одного, довольно общего, отличия западного человека от русского. Западный, говоря вообще, почти всегда доволен своим нравственным состоянием, почти каждый из европейцев всегда готов, с гордостью ударяя себя по сердцу, говорить себе и другим, что совесть его вполне спокойна, что он совершенно чист перед Богом и людьми... Русский человек, напротив того, всегда живо чувствует свои недостатки и, чем выше восходит по лестнице нравственного развития, тем более требует от себя — и потому тем менее бывает доволен собою». Но всё это Г. Коваленко неизвестно, а изучать было некогда за карьерными делами. Поэтому проще придумать «специалиста», который подтвердит любые русофобские фантазии.

Во многих местах текст Г. Коваленко превращается в такую клоунату, которую даже неловко цитировать, но все-таки приведем один фрагмент для того, чтобы читатель мог сам судить об «интеллектуальном уровне» тех людей, которые вообразили себя «духовными вождями» Украины. Например, он пишет: *«Русское православие — это и есть самый последовательный платонизм. Жизнь строится, исходя не из реальных потребностей людей, их прав и обязанностей, исходя не из Евангелия или хотя бы из совести. Жизнь строится, исходя из идеала, который мы ценим, а потому называем еще и «ценностями». Людям нужна хорошо оплачиваемая работа? Пусть лучше воплощают в жизнь заветы Путина и Кирилла, и не забывают о первой ценности святого «русского мира» — послушании старшим. Люди стремятся к защите своих прав? Пусть лучше работают на достижение святости, помня о ценности самопожертвования. Людям нужны образование и медицинское обслуживание? Пусть лучше гордятся лучшим в мире строем Святой Руси!.. Жизнь по «православным идеалам» — это рабство формализма, обряда, обычая, жизнь без свободы с коллективным конформизмом, тоталитаризмом и полной потерей смысла».* Такой текст дает основания задуматься и о степени психической адекватности его автора, но для нашей темы стоит отметить другое. Этот текст, по сути, является «калькой» с текстов советской атеистической литературы, причем ее самых агрессивных периодов — 1920—1930-х годов. Тем самым, здесь автор просто наивно проговаривается и показывает свое реальное — совершенно светское и без-

божное — а вовсе не показушное «православное» сознание. И возникает лишь горький вопрос о том, каким образом такие люди делали успешную карьеру в церковных структурах? Неужели и раньше не было видно, кто они на самом деле? И сколько еще скрывается таких «спящих агентов»?

Кроме рассмотрения манипулятивных технологий т.н. «*богословия майдана*», стоит рассмотреть и его носителей как определенный человеческий тип. Русофобия как выражение скрытых психологических комплексов всегда является следствием огромной внутренней гордыни человека, которую он обычно вообще не замечает, поскольку считает ее естественной. Именно вследствие этой гордыни такой человек иллюзорно самоутверждается за счет презрения к собственной Родине — ведь идолопоклонствуя перед Западом, он воображает себя высшим, «избранным» на фоне окружающего его местного «быдла». Но если светские русофобы высказываются об этом открыто, то те, кто позиционируют себя как «православные», обычно маскируются иронией и показной «интеллигентностью». Однако в православной среде бесполезны любые маски, поскольку здесь есть люди, способные к глубокому духовному зрению. И они легко опознают «православных» русофобов — людей внутренне холодных, интеллектуально поверхностных, крайне самолюбивых и обидчивых — т.е. совершенно не христианский тип человека, даже если он и в рясе.

Русофобия, маскирующаяся под так называемый «русский либерализм», является следствием обвальской личностной деградации — перехода от жертвенно-героического христианского понимания свободы к светскому ее пониманию — эгоцентрическому и гедонистическому, низводящему человека до уровня жвачного животного. Русофобы, на поверхности апеллирующие к «свободе» мнений и всего остального (т.е. «реабилитируя» все виды греха и человеческой деградации вплоть до содомии), в реальности являются носителями идеологии нового тоталитаризма и агентами его становления в тех странах, которые ещё не полностью подконтрольны Западу и пытаются развиваться самостоятельно. И самой неприятной и неудобной для них в этом отношении является именно Россия как страна, имеющая такой мощный культурный «код», который дает возможность ей очень эффективно сопротивляться духовной и материальной экспансии Запада и обеспечивать быстрое возрождение страны после исторических катастроф.

Российский социум имеет своеобразный бисистемный характер — он не только интегрирован как целостность, но и

постоянно находится под воздействием извне, пытающимся лишить его самостоятельности. И часть российского социума во все времена стремится не к внутренней системной интеграции со своим народом, а лишь к внешней интеграции в систему западного мира. Эта бисистемность впервые проявилась ещё во времена св. Александра Невского, подвиг которого состоял не только в победах над внешними агрессорами, но и в ликвидации внутренней оппозиции прозападного боярства, стремившегося интегрировать новгородские земли в европейское сообщество в статусе полуколониальной периферии (этот статус их вполне устраивал как иносистемную группу в русском социуме). Эта коллизия, впервые правильно разрешённая св. Александром, стала затем, к сожалению, парадигмальной (т.е. повседневной) для всей дальнейшей российской истории. В полной мере она разыгрывается и в настоящее время.

Русофобы, воспринимающие себя как часть европейской общности и смотрящие на свою Родину как на враждебное окружение, в целом составляют очень небольшую часть населения России, хотя и весьма сильно выросшую в XX веке вследствие разрушения национального самосознания в советский и постсоветский периоды. Для обозначения этой группы иногда применяется метафора «малого народа». Более адекватным научным термином является понятие этнической антисистемы, предложенное Л.Н. Гумилевым. Не обязательно верить в его экстравагантную теорию этногенеза для того, чтобы пользоваться его точной и плодотворной концепцией «этнической химеры». По его определению, «антисистема подобна популяции бактерий или инфузорий в организме: распространяясь по внутренним органам человека или животного, бактерии приводят его к смерти... Это значит, что соотношение между этносом и химерой такое же, как между организмом и раковой опухолью... Подобно опухоли, химерная антисистема высасывает из этноса или суперэтноса средства для поддержания существования, используя принцип лжи». Сама химера воспроизводится из поколения в поколение только за счет передачи «негативного мироощущения», разрушительного по отношению к культуре и нравственности народа, на котором она паразитирует. При этом внешнее идеологическое оформление химеры может меняться из поколения в поколение по принципу паразитарной приспособляемости, поскольку ее суть и основа — негативное мироощущение — остается неизменным.

Давно замечено, что почти все нынешние идеологи «либералов» (в том числе «либерал-православия») являются деть-

ми и внуками советской номенклатуры. Однако в этом нет ничего удивительного. Это такой тип людей, который меняет внешнюю идеологию, как перчатки, — с советской на анти-советскую — но подлинное их мировоззрение при этом остается таким же, как и у их предков — культ ненависти к России. Этот культ всегда замаскирован под «идейность» и «принципиальность», но эта лицемерная маскировка сама является частью русофобского культа. И сейчас они объявляют себя «православными» с той же самой целью, с которой их предки становились большевиками — ради захвата власти над Россией. Тогда эту власть давал большевизм, сейчас власть духовную дает Православие — и вот они уже все «православные». Но они мечтают еще и о власти политической, и поэтому поддерживают антигосударственные выступления манипулируемой толпы, которую они на самом деле презирают точно так же, как и в свое время их предки — большевики-троцкисты. Ничего не изменилось: как и их предки, свое патологическое властолюбие они маскируют под «борьбу с режимом» за «свободу», понимаемую ими в самом низменном материалистическом смысле. У этих людей такое же тоталитарное мышление, как и у их большевистских предков, и под «свободой» они понимают установление своей собственной диктатуры, впрочем, всегда рабски подотчетной их западным хозяевам.

Ненависть к России — это всегда ненависть не национальная, а духовная — в конечном счете, это всегда ненависть к Православию, под какими бы лживыми масками она ни скрывалась. Кому на самом деле служат эти люди, вполне очевидно.

г. Луганск, ЛНР

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

БЫЛ ЯБЛОЧНЫЙ ГОД

Набив на дубовую бочку обруч, Иван Ерофеев, пожилой мастер с сосредоточенным взглядом, лохматыми копёшками бровей, серебристым слежавшимся ворохом волос достал из одного кармана многократно сложенную газету, привычным движением оторвал листок, из другого извлек приличную щепотку махорки — получилась тугая самокрутка. И вот над чистыми легкими стружками, над сталюгой — специальным станком для изготовления клёпки для бочек, на которой он сидел, поплыл синеватый дымок.

Как же быстро всё меняется! Еще полсотни лет назад в селе бондарей было хоть пруд пруди. Только в этом небольшом переулочке Макуховке хлопотало четверо мастеров-бочкарей. Причем настоящих, посвятивших этому ремеслу целую жизнь. Кузьма, Марк, Филипп и он, Ерофеев, перенявший премудрости древнейшего дела у своего отца, а отец, в свою очередь — у своего отца.

Иван улыбнулся, вспомнив, как он сделал первую в своей жизни хлебную дежу с легкой крышкой, которую называют «веко». Отец

ПРОЗА

ухитрился уложить на сани около 60 бондарских изделий (считай, целую зиму мастерил) и отправился на дородном жеребце Майке на ярмарку в старинный город Новгород-Северский. А он, десятилетний мальчонка, воспользовавшись его отсутствием, сел за стальною и по-быстрому сляпал дежу и тут же за три рубля продал соседке Анне. На вырученные деньги купил себе лыжи, о которых давно мечтал.

Выходит, что он теперь последний бондарь не только в своем переулке, но и на селе. Одного за другим, скорбно сложив на их груди натруженные мозолистые руки, отправили всех известных в округе мастеров на кладбище, в шутку прозванное земляками курортом «Белые березы»...

Он бросил уставший взгляд на часы — стрелки показывали без пяти два ночи. Хотел было подтянуть на них гирьку в виде сосновой шишки, но излишним шумом побоялся разбудить жену Ефросинью и сына Егора. Они и так часто ворочались с боку на бок от его бесконечного стука, шороха, а короче, от неизбежной мастеровой возни и хоть с пониманием, но грустно вздыхали. Ничего здесь не поделаешь — комната, посреди которой стояла стальюга, была одна-одиношенька. Керосиновая лампа светила тускло, поэтому Иван опустил ее пониже, добавив к прежнему куску ржавой проволоки еще один длинный крючок.

Каждая табачная затяжка его немного расслабляла, хотя отдыхать было некогда. С вот этой самой 150-литровой бочкой ему предстоял трудный путь до городского базара по старой полевой дороге через снежные заносы, бугристые сугробы, по свирепому морозу.

Вскоре Ерофеев открыл дверь, сильным рывком взвалил на плечо перевязанную веревкой, свитой им самым же из пеньки, бочку и вышел на улицу. Сразу же за порогом бушевала непроглядная выюга. Бондарю казалось, что тысяча чертей веселилась и выводила такие рулады, от которых на душе становилось неспокойно и мрачно. Она злобно бросала в лицо и за шиворот целые охапки колючего шершавого снега, задувала в бочку, гудела за спиной. И от всего этого под напором непогоды пожилой мужчина слегка пошатывался, но продолжал медленно идти.

Сначала он держался огородных сучковатых изгородей, чтобы не сбиться с пути. Преодолеет небольшое поле и наткнулся на стенку длинного строения, внутри которого сквозь сон похрюкивали колхозные поросята.

— Вот и свинарник, — прошептал путник, — теперь начинается длиннее, километров на шесть поле.

Последнее время Ерофеев стал замечать, что разговаривает сам с собой, особенно когда ему тяжело и душе требуется

собеседник. Даже от нескольких сказанных самому себе фраз он всегда чувствовал небольшое облегчение.

Возле последнего сарая он присел на бочку, с большим трудом разжег заранее приготовленную самокрутку. Махорочный дым мгновенно смешивался со снежными вихрями и уносился в темень.

Дальше двигался почти по сплошной целине, каким-то особым чутьем нащупывая забытую полевою дорогу. Ее выдавали кое-где видневшиеся колеи от конных саней, редко поскрипывающих здесь полозьями.

Белые метры давались бондарю с огромным трудом. Выручала его напористость и уверенность в собственных силах.

— А разве на фронте было легче? — вслух произнес он. — А после войны...

Мастер задумался и несколько сот метров преодолел как бы незаметно для себя. Хотя непогода по-прежнему буйствовала. Новая порция самосадного дыма немного успокоила. Потеплело на душе.

Бондарь уже собирался поднять бочку на плечо, как услышал какой-то странный звук. Это был вой, но вроде бы не похожий на вой вьюги. От него мужчине стало как-то не по себе, даже похолодело внутри. Как ни старался он в темноте разглядеть коварного зверя — поле было пустынным.

— Будь что будет, — вполголоса сказал Ерофеев и, поднатужившись и уложив на плечо деревянную поклажу, медленно двинулся вперед.

Свинарник, возле которого сторожа иногда замечали волков, остался далеко позади. Посмотрев назад, бондарь вдруг увидел две пары еле заметных в ночи огоньков. В эту минуту путник с сожалением вспомнил, что у него ничего нет увесистого для защиты от серых хищников.

В голове в одно мгновение промелькнула вся его жизнь. Тяжелое трудовое детство, скудные подработки на Дальнем Востоке в качестве связиста, семейные многолетние заботы, война, голодовки, сталинский режим. И пожил, кажется, порядком, только совсем не хочется так глупо помирать в чистом поле от волчьих зубов. Пули на войне и те щадили рядового Ерофеева.

Весь напрягшись, Иван до боли в глазах всматривался в ледяную темноту. Вот огоньки стали приближаться, но затем промелькнули справа. И вой постепенно стал отдаляться. С облегчением вздохнув, бондарь поковылял дальше. Даже бочка вроде бы полегчала. Однако он почувствовал под ногами выше колена глубокий мягкий снег. Значит, дорога исчезла. Остановился, поразмышлял и пошел наугад.

Минут через тридцать увидел далекий мерцающий огонек. Он звал мастера к себе и заронил в душу желанную надежду.

— Может, померещилось? — неуверенно произнёс он, потому что за спиной уже осталось несколько сот метров, а огонек, как ему казалось, не приближался.

Но опасения были напрасными. Вскоре ему навстречу шагнул темный силуэт избы, ноздри приятно щекокнул печной дымок. Ерофеев, немного помедлив, постучал в окно с цветастой занавеской. За стеной сначала молчали, а затем по ситцу скользнула тень в платочке и послышался женский голос:

— Кого там носит в такое бескетье?

— Мне бы обогреться, — ответил Ерофеев и удивился тому, как слабо прозвучал его голос.

— А кто вы и откуда? — тревожные нотки не покидали хозяйку.

— Ерофеев из Чернацкого, иду в город и заблудился.

За стеной затихло, и опять заревел ветер и зашуршал снег по белой извеске стен и по мерзлой коре деревьев. В сенях послышались медленные шаги, проскрипела задвижка.

— Входи, да поживей, а то снегу в сенцы наметет.

Хозяйка, полноватая, с грустными зелеными широко поставленными глазами, ему показалась как будто бы знакомой. Бондарь присел на самодельную табуретку с вырезанным по центру отверстием для руки и осмотрелся. Изба как изба: со старым давно лакированным шифоньером, аккуратно побеленной печкой с ухватами рядом в углу, деревянной кроватью. Над скамьей висел большой портрет, на котором сидела невеста в фате и усатый парень в черном пиджаке, на лацкане которого красовался белый цветок. Такие портреты можно увидеть в каждой избе довоенной или послевоенной постройки.

Ерофеев поднялся и шагнул к портрету, чтобы лучше рассмотреть молодоженов.

— Так это ж Фанас Пивоваров! — изумленно вполголоса произнес нежданный гость. — Мы же с ним уходили по повестке на войну.

— Да, это он, а рядом я, — печально за спиной произнесла хозяйка. — Так вы вместе воевали?

— Воевать вместе не пришлось. До Харькова добирались в одной теплушке, а там новобранцев распределили, и мы попали в разные воинские части. Меня направили в связисты, а Фанаса — в артиллерию.

— Он пропал без вести, — услышал Ерофеев за спиной скупые, тяжелые для восприятия слова.

Слёз на глазах Василисы, так звали хозяйку, не было. Видно, их давно иссушило время. Чувствовалось, что оно было

для женщины страдальческим, тягучим, как смола. Но глядя на ее морщины, казалось, что слёзы навек остались в этих горестных бороздках кожи под глазами.

— А девочки выросли? — спросил Иван, вспомнив рассказ Фанаса о семье, когда ехали вместе в гулком вагоне.

— Выросли, — Василиса как будто оживилась при упоминании о детях. — Анютка стала медсестрой, сейчас работает в областном центре. Верка выучилась на учителя, имеет награды и всю жизнь работает в школе. По внуку мне подарили.

Некоторое время она молчала, как будто вслушивалась в завывание вьюги. Затем с задумчивым видом добавила:

— Так что жизнь продолжается...

Слица Василисы будто бы на мгновение сошла туча, которая всё время делала его мрачноватым. Оно слегка засветилось.

Иван еще раз кинул взгляд на игрушечные танки и самолетики, которые стояли на столике под старинной иконой с лампадкой. Это, скорее всего, навешают бабушку-вдову ребяташки на школьных каникулах.

— Выходит, ты, Иван, последним видел моего мужа живым, — то ли с вопросом, то ли с утверждением произнесла Василиса.

— Наверное. Когда ехали на войну, мы с Фанасом, конечно, думали, что погибнем, а вслух старались говорить о хорошем, о доме, о семьях, о яблоках, которые в том году уродили, как никогда.

— Действительно, яблок была уйма. — Ветки не выдерживали. А яблочные года всегда приносят счастье. Так в народе толкуют.

Оставив на столе пустую алюминиевую кружку, хранящую тепло парного молока и еще что-то грустное, душевное, Ерофеев шагнул в уже светлеющую утреннюю снежную круговерть. Теперь он чувствовал под ногами крепкую дорогу, и, пока не попал в базарную толчею со своим бондарским товаром, думал о Василисе и Афанасии, о внезапных поворотах горестной судьбы, от которой никому никуда не уйти.

Эх, яблочные года...

ШАГИ ЖИЗНИ

С утра стояла мягкая снежная погода с легким морозцем, а к обеду стало резко холодать.

— Оденься потеплее, — скорее приказала, чем попросила Зоя Андреевна, женщина лет шестидесяти, медлительная, с хронической усталостью в зеленых глазах, своей сестре Нине, — там холодина.

Нина, на лице которой, несмотря на болезнь, еще сохранились остатки прежней привлекательности, стала надевать темно-синюю куртку и левой рукой никак не могла попасть в рукав.

— Ты бы хоть что-нибудь сама сделала, — проворчала сестра, помогла беспомощной женщине справиться с этим несложным делом, открыла защелку входной двери.

Нина боком протиснулась в дверной проем, шумно шаркая и загребая левой ногой. Здоровому человеку нужно менее минуты, чтобы спуститься вниз со второго этажа. А ей понадобилось целых десять. За это время мимо нее успели пройти вверх-вниз жильцы двадцатого дома: Иван Тихонович, обдавая дымком дешевой сигареты, бабушка Галина Николаевна с капроновым ведром картошки, офицер-пограничник с женой и с полугодовалым ребенком.

Она чувствовала себя помехой, виновато смотрела в глаза соседям и старалась уступить им дорогу, беспомощно приподвигаясь к стене. Только поврежденная параличом нога плохо слушалась. Нина пыталась извиниться за свою неуклюжесть, но ее слова были произнесены невнятно. Лучше всего у нее получается «Здра-асте!», при этом ее перекошенный рот изображает что-то наподобие улыбки.

Ей очень хочется быть такой же, как все, легко разговаривать с людьми, делиться с ними своими впечатлениями, звонко смеяться, а самое главное — свободно ходить по земле. Эх, вернуть бы ей два десятка лет назад! Тогда Нина жила в большом городе, работала на заводе инженером, муж — мастером. Профком им выделил двухкомнатную квартиру. Только жизнь как-то не заладилась.

В молодые годы она любила спокойные вечера, кухню, чуть пропахшую яблочным пирогом, домашними пельменями. С радостным замиранием сердца ожидала с работы Андрея. Мечтала родить ребенка, чтобы наполнить свою жизнь и жизнь супруга каким-то особенным смыслом. Однако годы шли, а детей всё не было. Костер семейного счастья быстро угасал, и Нина теперь уже стала бояться вечеров. Андрей спивался, потерял работу.

Нина обычно отмалчивалась, но разве бывает терпение бесконечным?

Однажды, едва тот, пошатываясь, переступил порог, глянула на него с укором и сказала:

— В конце-то концов, ты прекратишь пить или нет? Посмотри, на кого ты стал похож!

— Хочу пить, хочу не пить! Ты мне это... не указ, — медленно, но со злостью произнес муж и шагнул к ней.

— Не указ! — с пренебрежением повторила его слова Нина. — Ты даже мое обручальное кольцо пропил, алкаш!..

В хмельных глазах Андрея сверкнули недобрые огоньки.

— Да пошла ты! — проскрипел зубами он и сильно толкнул Нину в грудь.

Женщина, пролетев пару метров, ударилась головой об угол тумбочки и потеряла сознание. Оно вернулось к ней только через несколько дней пребывания в областной больнице. В этот момент рядом с ней находилась сестра Зоя, целую неделю присматривавшая за ней. Дальнейшая ее судьба — это мучительная борьба за жизнь. Понадобились месяцы упорных тренировок, чтобы сделать первый шаг. Вот и пришлось Зое увезти сестру в свой городок, взвалить на себя тяжеленную ношу.

На улицу Нина выходит каждый день и почему-то всем во дворе является помехой. К примеру, присядут на скамейку две соседки потолковать о том, о сём. Нина примостится рядом и пытается вставить в разговор свое слово, но оно, непонятное для окружающих, словно камень шлепается в песок. Соседки начинают ругаться за то, что из-за ее бормотания не могут нормально поговорить. А еще опасаются, что Нина подслушает их секреты, а затем кому-нибудь разболтает. Хотя как она может это сделать в ее то положении?

Выслушивая грубость, она не обижается или делает вид, что несдержанность людей вовсе не ранит ей душу. Летом на земле, зимой на снегу издали заметны большие круги, с черепашьей скоростью протоптанные Ниной во время прогулок. По ним можно определить, что всякое передвижение больной женщине дается ох как нелегко! И, наверное, каждый шаг Нины — это шаг к жизни. Сколько еще их впереди? Это в большей степени зависит от нее самой.

Когда проходишь мимо и здороваешься с нею, женщина очень часто интересуется временем. Зачем ей оно? Оказывается, точное время необходимо для того, чтобы заблаговременно начать подъем на второй этаж и не опоздать на интересный телевизионный сериал. Смотрит на экран, не отрываясь, часто на щеках блестят слезы. В эти минуты, наверное, чужие невзгоды попеременно со своими горьким комом подступают ей к горлу. Кому-кому, а ей есть что вспомнить.

В метельные и в морозные дни Нине тяжело выходить на прогулки и поэтому она днями сидит у окна, наблюдает за прохожими. Скорее всего, все они кажутся ей счастливыми, потому что свободно шагают, спешат на работу, в магазины, в гости. Она мысленно представляет себя в этой шумной толпе, молодой, здоровой. В один из таких дней я помахал ей с улицы рукой. Нина, поливавшая цветы на подоконнике,

улыбнулась светло и чисто, как бы стесняясь внезапной радости оттого, что ее заметили и пожелали добра. Мне показалось, что такая улыбка на время растопила ее никогда не проходящую горечь.

А однажды летним днем я услышал негромкое пение. Вертерок доносил до меня чистый нежный голос. В нем чувствовались какая-то тайна несбывшейся женской мечты и грусть по ушедшим дням. Из-за куста было невозможно рассмотреть исполнительницу песни. Я подошел ближе и очень удивился: на скамейке сидела и пела Нина!

ГОРЬКОЕ СЧАСТЬЕ

Тот горестный мартовский день до сих пор помнят не только жители Михеевки, но и всей округи. Шутка ли, Иван Веретенников вместе со своим гусеничным трактором Т-74 ушел под лед среди бела дня и как раз на середине реки. Только огромная полынья заколыхалась, да радужные круги засверкали на воде.

Продавщица сельмага Верка Калюжная, тощая, как тростинка и на удивление быстрая молодка, как раз возвращалась с обеда и когда увидела всё это, глазам не поверила: такая железная махина вдруг в считанные минуты исчезла без следа. Именно Верка с большим трудом удержала Дарью, жену Веретенникова, когда та, прибежав с фермы, охваченная паникой, рвалась к зловещей полынье.

— Ванечка! Ванечка! — охрипшим голосом кричала супруга.

Она повторяла и повторяла это слово, в котором было сосредоточено ее женское счастье, много раз. Молодая женщина со сцепленными на груди пальцами рук будто бы надеялась, что Иван услышит ее зов и его крупная голова появится над водой.

Еще утром вместе с Иваном, крепко сбитым, со шрамом вполщеки от внезапно порвавшегося троса и опасно хлестнувшего механизатора по левой скуле, зеленоглазым и чернобровым, Дарья вышла из высоких ворот дома. По пути занесла спящего Антошку матери, которая жила недалеко от молодых. Бабушка, бывшая колхозная бухгалтерша, уже не работала, хоть у нее было завидное здоровье. Ей днями, не разгибаясь, нравилось возиться в огороде, но еще больше — с двухлетним внуком, на редкость быстро познающим жизнь. Мальчик уже узнавал и называл несколько букв, считал до десяти и ненасытно задавал сотни «почему?»

Эх, знала бы, что, проводив мужа взглядом и привычно сказав: «До вечера!», она больше никогда не увидит его живым. Одна дорожка разошлась на две тропочки. Дарья по

своей стежке направилась на ферму, а Иван по своей — на полевой стан.

Дело в том, что заливные колхозные луга находятся на другом берегу реки. В жаркую летнюю пору почти всё взрослое население Михеевки на лодках переправлялось туда на козовицу созревших, отяжелевших от рос трав. Высушенное сено старательно укладывали в стога, сверху водружали связанные между собой суковатые палки шалашиком, чтобы сильные ветра не разворотили эти нехитрые сооружения.

Зимой михеевцы всем селом мостили на реке «дорогу жизни» (так в шутку местные балагуры нарекли настил, искусственно возводимый мужиками из льда).

Та зима была на редкость морозной. Переправа через реку выдержала десятки рейсов тяжелых тракторов с прицепами. Почти всё сено, хранящее духмяный запах прошлогоднего заречного лета, лежало возле коровников. Осталось лишь два стога, перевезти которые через реку не давали затяжные метели. Заведующий фермой Кружилин надеялся на то, что сена хватит до самого мая, но в середине марта спохватился, что корм на исходе. То ли его расчет оказался неточным, то ли доярки были чересчур щедрыми, однако что-то нужно было предпринимать.

После оттепели наст слегка пожелтел. Даже приезжие рыбаки с опаской пробивали ледяной речной панцирь и поговаривали о том, что он от быстрого течения изрядно истончился. Если не поспешить, то так необходимое сено останется до следующей зимы. Иван Веретенников знал об этом лучше других — Дарья каждый вечер разговор заводила:

— Жалко смотреть на буренок, так отошали. Сенца бы в кормушки добавить.

Иван прицепил к трактору деревянные сани и отправился за реку. В грохоте двигателя он не услышал, как под гусеницами затрещал лед...

Анатолий, тридцатилетнего возраста, высокий с бледноватым длинным лицом, живыми блестящими глазами и небольшими зальсынами, приехавший на похороны брата, очень тосковал по нему. Вспомнил, как мама чуть своей жизнью не поплатилась, когда Ивана рожала. Пришлось вызывать врачей из области. Но ничего, всё обошлось. Через три недели она встала на ноги. Как старшему в семье, Анатолию было скорее приказано, чем поручено, присматривать за братом. Крупный по телосложению Ваня отнимал много времени, но пятилетний Анатолий понимал, что кроме него малышом заниматься некому. Отец, участник войны, — весь день на подсочке леса, мать — то с вилами, то с граблями в поле. Оба выросли крепкими, даже пацаны постарше боились обидеть братьев Веретенниковых.

Судьбы их, естественно, сложились по-разному. Анатолий, с инженерским дипломом, выбрал завод, Иван в новеньком солдатском кителе с погонами танкиста принял гусеничный трактор в соседнем селе. Там в клубе встретил Дарью, симпатичную девчонку — темные, немного грустные глаза с поволокой, густые волнистые волосы, легкая плавная походка. Как тут не влюбиться!? Ухажеров у нее было, как семечек в подсолнухе. Не обошлось без разборок и синяков от местных ребят. Но Иван не отступал, да и Дарья отдала предпочтение именно ему, бывшему танкисту.

— Да, брат! С невестой тебе повезло!

По-доброму позавидовал младшему брату Анатолий, когда впервые он увидел ее на их свадьбе. Уезжая домой, он увозил в своей душе непонятное чувство. Поначалу оно отвлекало его, начальника цеха стального завода, от круговорота дел. Кто знает, может, он и не женился за эти годы по той причине, что искал женщину, похожую на Дарью. В гости к брату ездил редко. Последний раз навестил Ивана, когда у него родился Антошка...

В ночь после похорон Анатолий остался в осиротевшем доме брата, ведь в этом селе у него больше не было знакомых. Да и невестку необходимо поддержать в такую минуту. Он не мог смотреть в ее темные глаза — столько в них тогда таилось полойной печали и безнадежности.

— Ты когда домой? — поинтересовалась мать Дарьи Клавдия Степановна, когда он вышел из душевной комнаты на свежий воздух.

— Денька через два.

— А что так? — настоящая тревога застыла в ее глазах.

— Да цех второпях бросил, а тут конец месяца.

— Я хочу тебя, Толя, попросить, — грудной голос Клавдии Степановны стал тише, — немного по дому Даше помоги, земля пересохла, сеять пора.

— Да я бы помог, но... — как-то осёкся Анатолий.

— Вот и помоги, ведь ты для моей дочери не чужой, — сказала женщина приятной наружности, в очках, через которые просматривались тоненькие морщинки возле пытливых больших глаз, словно подспудно догадываясь о его симпатиях к Дарье.

В доме брата Анатолий пробыл восемь дней. Даже не прореагировал на две строгие телеграммы начальства. За это время Анатолий вспахал на колхозной лошади огород, разбил на нем грядки, в курятнике новую дверь навесил, купил и установил насос в колоде под окном, чтобы хозяйка не доставала воду ведром.

Дарья горевала. И всё же Анатолий заметил, как в глубине ее глаз появился слабенький интерес к жизни. Душевному

возрождению помогал Антошка, часто подбегавший к ней и ласково обнимавший за колени. Он, словно взрослый, понимал, как тяжело было матери.

К вечеру у Анатолия ныла спина, тяжелели руки, но он отгонял усталость и вместе с Антошкой раскрашивал картинки, стрелял по мишеням из игрушечного автомата. Мальчик иногда интересовался, где его отец, и успокаивался ответом, что он уехал далеко и приедет нескоро. В минуты общения Анатолия с Антошкой, когда в окна заглядывала темнота, Дарья с грустной улыбкой смотрела на мужчин.

— Можно я еще приеду? — с мольбой в голосе перед самым отъездом спросил Анатолий.

— Приезжай, — со вздохом произнесла она. И этого слова было достаточно для того, чтобы в его душе поселилась надежда.

Всю дорогу он размышлял о случившемся в Михеевке. Анатолию казалось, что он что-то делает не так, что он не имеет права вмешиваться в жизнь Дарьи. Между ними, словно живой, стоял брат. При воспоминании о нём Анатолию становится неловко. Ну а если Дарья выйдет за кого-нибудь «чужого», как ее новый муж отнесется к Антошке? При этой мысли Анатолию стало не по себе, и он непроизвольно увеличил скорость своего серенького «жигулёнка».

На заводе Анатолий вновь наладил добрые отношения с шефом, цех заработал стабильно. Однажды, задержавшись после планерки, он завел с шефом разговор о двухкомнатной квартире.

— А что? Неужели покончишь с холостяцкой жизнью?

Догадливый Афонин был удивлен.

— Есть надежда, Альберт Сергеевич, — улыбнулся Анатолий.

— Ладно, что-нибудь придумаем, — значительно и обещающе произнес директор.

Теперь Анатолий с особым волнением ожидал пятницу, спешил на автомашине в Михеевку, словно боялся опоздать. При встречах Клавдия Степановна загадочно улыбалась. Она ничего не говорила об отношениях Анатолия и Дарьи, но по всему чувствовалось: одобряла. Она наверняка знала о стародавней традиции на Руси: если в чьей-нибудь семье умирал или погибал муж, его место обязан занять его неженатый брат. Тогда всё как бы становилось на свои места.

Зато ее односельчане к частым приездам Анатолия в дом Веретенниковых относились по-разному: одни их откровенно осуждали, другие — многозначительно посмеивались, третьи радовались, что жизнь у Дарьи и ее сына налаживается.

Хотя, если разобраться, никаких особых отношений между вдовой и шурином не было. Они только едва намечались и

были сравнимы с первой каплей среди морозного марта. Антошка при виде Анатолия бежал к нему навстречу сломя голову. С большой охотой «управлял» автомашиной, сидя на коленях у дяди. В такие минуты на глаза Анатолия от избытка неведомых ранее чувств наворачивалась скупая мужская слеза. Какие-то невидимые тонкие нити связывали его с этим малышом.

Как-то раз в кабинете Анатолия зазвонил телефон.

— Пожалуйста, приезжай скорей, если можешь, — взволнованно умоляла Дарья Веретенникова. — Антошка сильно заболел, у него жар.

— Потерпите немного, я скоро...

Путь до Михеевки он преодолел минут на тридцать раньше обычного. Дарья уже ожидала его с сыном возле дома на скамейке. И опять — дорога, несущаяся навстречу автомобилю. Анатолий внимательно всматривался в нее, чувствуя большую ответственность за ставших ему дорогими людей.

В палате мальчишка лежал вместе с матерью. Анатолий же спокойно сновал между домом, заводом, больницей и продуктовыми магазинами. Когда его в окошке спросили: «Вы к кому?» — он немного растерялся, но желая поскорее сгладить напряженную паузу, ответил:

— К жене, Дарье Веретенниковой и к своему сыну.

И в это мгновение после всего пережитого в его сердце закипела необъяснимая радость. Он со счастливой улыбкой в одной руке нес пластиковый пакет с горячей картошкой, а в другой — скромный букет нежно-белых ромашек для Дарьи.

КЛИМ

Тихий мартовский вечер. Солнце только-только зашло за статные высоченные вербы в конце переулка, прозванного Макуховкой. Клим сидит на жердочке возле дома, широко и живо растягивает красные меха двухрядки. Его белобрый голова, словно тяжелый подсолнух, наклоняется над гармошкой. Задумчивый, сосредоточенный, он прислушивается к переливистому перебору басов.

— Ты бы хоть людей постыдил! — укоряет его мать Анна. Ей почти семьдесят лет, но ее голос звучит молодо и звонко.

— А что я делаю не так? Сажу возле родного дома, играю на своей гармошке. Ну, употребил слегка. Так кто сейчас в деревне не пьет?

— Другие выпьют и ложатся спать, а не смешат соседей, — не унимается Анна.

Глядя на руки Клим, никогда не скажешь, что он имеет прямое отношение к музыке. Короткие пальцы огрубели и

потрескались от тяжелой работы. Но какую бы мелодию не исполнял гармонист, они никогда не ошибаются, а быстро перебегают с одних кнопочек на другие или на мгновение замирают, или возвращаются обратно.

С музыкальным слухом Климу повезло. Подростком он подсаживался на бревно к Егорке Шубе, самому заядлому в селе гармонисту. Еще никому не удавалось переиграть этого коренастого, отчаянного с изогнутыми дугой рыжими бровями парня. Казалось, огнем горела тульская двухрядка, когда он прикасался к ней. Егорка на ходу сочинял частушки и часто вставлял в них такие крутые словечки, что одни бабы прискакали со смеху и выходили на круг, другие ругали сочинителя и спешили увести от него подальше детей. Часто он сам не выдерживал и бросался в пляс вместе со своей хромкой.

Живая Егоркина натура завораживала и притягивала Клима к себе. Он перехватил у сельского виртуоза манеру исполнения и множество мелодий и частушек. А иногда, изрядно подвыпив, они между собой устраивали нечто, похожее на турнир. Гармонисты изо всех сил старались переиграть друг друга. Но победить учителя Климу никогда не удавалось.

В его метриках было записано: Николай. А кто-то в шутку назвал мальчишку Климом, и это имя приросло к нему, словно репей к штанам. Он и его брат Славка росли без отца в тесной рубленой избе, топившейся по-черному, без пола. В послевоенное время тесных жалких изб в деревне было порядочно, но таких можно было пересчитать по пальцам.

Матери Клима, санитарке местной больницы Аньке, помощи было ждать неоткуда: она одна без мужа поднимала двоих детей на свою мизерную зарплату. С Федосом они прожили всего пять лет и расстались совсем неожиданно, без ссор и огорчений. Он уехал куда-то в Сибирь на заработки и ни одного письма не написал. В деревне больше ни разу не появился. Как в воду канул — говорят в таких случаях.

Сыновья отца совсем не помнили, поначалу приставали к матери с расспросами, но Анна ничего вразумительного сказать не могла. Дети смирились со своим незавидным положением и стали рано прирабатывать.

Бригадный дом и конюшня были в двухстах метрах от огорода Анны. Единственным препятствием на пути являлась низина, которая весной и во время дождей, заливалась водой. Клим чуть свет бежал на бригаду, выбирал получше воз и откатывал его в сторону, затем деловито брал ведро с дегтем и, вытащив загвоздку и выдвинув колесо, не спеша квачом смазывал железную ось. То же самое проделывал с другими колесами. Через полчаса появлялась бригадирка Аксиныя и раздавала наряды взрослым

и подросткам. А конюх дед Панько, живущий с Климом по соседству, давал ему уздечку самого лучшего коня по кличке Буян.

В поле ребягня возила копны сена и соломы. От жаркого июльского солнца выгорали их ресницы, немудреные прически и делались одного цвета рыжевато-белесого. Плата за такой тяжелый труд была невысокой — рубля полтора. Но для Клима и эта сумма была в радость, потому что приближала его к заветной мечте — покупке гармошки. Не лишними оказались также деньги, заработанные Климом на строительстве Егоркиного дома. Парень быстро научился выкладывать из кирпича стены и даже углы новостройки.

— Слышь, Коля, сегодня в наш магазин гармони привезли, — обрадовала сына Анна, возвратившись из центра деревни с авоськой, наполненной рыжеватыми кирпичиками ржаного хлеба. — Ты бы сходил.

— Ну, так я побежал! — на ходу пересчитав накопленные за несколько месяцев деньги, заторопился Клим.

На купленной двухрядке он играл долго, до третьих петухов. На траве от каблуков парней и девчат остался вытоптаный островок. Наверное, ни разу в жизни Клим не был так счастлив, как в этот вечер.

— Плюйте, девки, в потолок, я гармошку приволок! — весело припевал он.

По характеру Клим нетерпеливый. Если сразу у него что-то не получается, бросает и больше никогда не будет этого делать. Если гармошка далась подростку сразу, то с учебой в школе у него не клеилось. Бывало, прозвенит звонок на урок, дети по классным комнатам успокаиваются, слушая своего учителя. И вдруг через пять минут дверь одного из классов резко распахивается — и после подзатыльника рассердившегося педагога Клим оказывался в тесном коридоре.

— А на тому боци, де живе Маричка... — громко разносились по школе слова его любимой украинской песни.

Не помогли ни строжайшие записи в дневнике учителей-предметников, ни частые вызовы матери в школу, ни педсоветы, ни последние предупреждения директора. До окончания восьмого класса Клим был на редкость необуздан, словно весенний разлив реки.

Была у Клима еще одна страсть — кони. Случалось, вместо школы он отправлялся на конюшню, бросал свои потрепанные тетрадки на скамейку и вместе с дедом Паньком ухаживал за лошадьми, водил их в ночное. Особенно ему нравилось объезжать молодых коней по первому снегу. Запрягали рысака целым скопом, а затем в санях оставались самые отчаянные пацаны. Ухватившись покрепче за вожжи, Клим весело гикал, снег из-под копыт летел прямо ему в лицо.

Тоску по родным местам по-настоящему Климу почувствовал трижды. Первый раз, когда служил в армии. Второй и третий, когда лечился в ЛТП. Последний раз вернулся домой с женой и тремя ее детьми.

— Ну, зачем тебе эти дети? — докучала ему мать. — Из-за водки своих бросил, а чужих на шею себе и мне повесил.

— Зато жена-корейка смазливая, — отвечал Климу.

Развязка в этой истории наступила быстро. Вскоре жена нашла себе другого, затем третьего, четвертого и вместе со своим выводком уехала из села к пятому.

Да на нее у Клима особой надежды и не было: повстречались-то они в ЛТП, то есть в лётно-техническом полку, как он в шутку называет его сам. А там народ аховый. Несколько раз приходила к нему корейка из другого села, хотела сойтись опять. Климу выпрашивал у нее червонец, но на дальнейшей семейной жизни ставил крест.

Оставалась верной Климу одна гармошка.

— Это мне теща подарила, когда я лечился, — говорит он знакомым.

Вот так, по-петушину усевшись на жердочке, играет по вечерам Климу. Иногда, подвыпив в кочегарке, где он работает, не может влезть наверх, поэтому садится на нижнюю жердь.

В былые времена возле гармониста было бы многолюдно. А сейчас, когда на улице Куликовке молодежи днем с огнем не сыщешь, как-то диковато слышать гармошку. И всё же соседским бабам: Козичке, Проське, Косечихе, Аксюте такая музыка нравится. Им, конечно, уже не до танцев, но проходя мимо Клима, остановятся, перекинутся с ним словечком, помянут старое, невозвратное.

— Я как услышу гармошку, корову бросаю доить, — с улыбкой признается продавщица Мария, — Ох и нравится мне такая музыка! «Как гармошечку почую, три дня дома не ночую...»

В праздники на Куликовке намного оживленнее. Собираются те, кто здесь родился. А вечером с сумками, набитыми мясом и салом, уезжают под веселое пиликанье двухрядки. И, может быть, немножко завидуют Климу. Ведь он остается дома. Проводит их, поиграет, повеселит свою душу и душу соседей и завалится спать на материнскую печку, довольный своею жизнью. Завтра ему рано вставать: в три часа он растапливает кочегарку в детском саду.

СЛОН

— Слоны? Неужели это ты?

Сергей вздрогнул от неожиданности. Кто же его окликнул? При чем окликнул из далекого прошлого. Он осмотрел-

ся и заметил напротив себя мужчину в очках. Его одежда: куртка-бомпер, схватывающая плотную фигуру, и черная кепка с острым козырьком — говорила о том, что незнакомец не отстает от моды. Но кто же он?

— Не признал? — очкарик поднялся с кресла, изрядно затертого пассажирами, подошел к Сергею и присел рядом. — Неужели я так сильно изменился?

— Толян! Точно Толян! — изумленно воскликнул Сергей.

Он не верил своим глазам. Рядом с ним сидел друг детства. В этом и сомневаться не нужно. Сергей с сияющей улыбкой посмотрел ему в глаза серого цвета, которые быстро оживились, шевельнулись брови — и между ними обозначился шрам. Тот самый. За прошедшие три десятка лет он стал почти незаметным, ведь время его хорошо подшлифовало. И у Сергея при виде этой давней отметины что-то шевельнулось в груди, и уже, наверное, в тысячный раз там, внутри, слегка вспыхнуло чувство стыда.

— Да. Столкнулись мы с тобой, Слон, как говорится нос к носу! И где? В столичном аэропорту, — знакомым давнишним тембром зазвучал его голос. — Куда ты хоть летишь?

— В Брянск, — ответил Сергей. Он все еще не мог прийти в себя от внезапной встречи.

— А я — в Калининград, — не стал мучить догадками друга Толян и добавил — Там моя фирма, хоть и небольшая, но держит меня на плаву. — А ты чем занимаешься?

— Вот уже тридцать лет отработал директором в детдоме, — произнес Сергей.

— Да ты что? — удивленно посмотрел на него собеседник. — Неужели, Слон, тебе было мало тех суровых сиротских лет?..

Они стояли в центре зала ожидания. За огромным окном разыгралась настоящая февральская метель. Это из-за нее отменили все авиарейсы. Причем неизвестно, на какое время.

— Ладно, я отойду минут на пятнадцать, возьму водички.

Сергей, опустившись в кресло и глядя вслед уходящему другу, стал вспоминать...

Все беды Сергея начались вместе с его рождением на белый свет. По рассказам старшей сестры Лиды родильного дома в Клетнянском районе в шестидесятые годы не было, поэтому, когда пришло время рожать, его мать отвезли в соседний город за тридцать километров. Из-за мартовской распутицы дороги стали непроходимыми. Вот и отправили крестьянку Татьяну в соседний город на гусеничном тракторе. В неудобной, продуваемой сквозняками кабине она сильно перемерзла и заболела. Родить ребенка кое-как смогла, но у нее не хватило сил на то, чтобы победить внезапно сваливший ее недуг. Она,

бедняжка, только и успела увидеть родившегося сына, перекрестила его и попросила Бога, чтобы он его оберегал.

Сережу — так назвали младенца — нянчила сестра. Молока в доме не было, и она заворачивала в марлю ржаной хлеб, размачивала его в воде и этой злаковой смесью кормила брата. Не отходил от самодельной люльки отец Тимофей, всей душой тянулся к единственному в семье мальчику. Только тяжелая рана, полученная на фронте, не позволяла ему стать настоящей опорой детям. Дело в том, что в одном из боев в 1944 году осколок от снаряда снес ему почти половину черепа. В полевом госпитале хирург, делавший всё, чтобы он выжил, даже не надеялся на чудо. Но Тимофей оказался невероятно живучим, встал на ноги и, несмотря на запреты врачей, выполнял тяжелую, повседневную для деревни работу. Травма головы постоянно давала о себе знать, и иногда внезапно он падал на землю и терял сознание.

Вот и оказался маленький Сережа в Доме малютки, сам еще не смыслия, какие нелегкие испытания его ожидают. Вскоре не стало и отца. Когда круглый сирота немного подрос, начались его горькие путешествия по детским домам. Даже подумать страшно: их было целых восемь, похожих друг на друга, как близнецы-братья. Это был настоящий конвейер, суматошный, беспокойный, бестолковый, где менялись лица друзей по несчастью, воспитателей, директоров. Но из бесконечного временного потока Сергею больше всего запомнился именно Клетнянский детдом. Много раз он пытался установить причину этому, но ответа не находил.

Детство очень требовательно к мальчишкам и девочкам. Светлым его можно назвать тогда, когда ты идешь по жизни, чувствуя с одной стороны теплую нежную руку матери, с другой — крепкую мозолистую руку отца, когда в доме мир, покой и много игрушек. И отправляясь играть с друзьями в солнечное лето, малыш уверен в том, что он опять вернется под родную крышу, где его любят и ждут.

В Клетнянском детдоме тоже была крыша, большая, поросшая зеленым мхом от листьев и влаги, падающих сюда с огромных тополей. Крыша одна на две сотни попавших сюда волей судеб маленьких, рано взрослеющих жильцов. Были и добрые, и почему-то обозленные на жизнь люди, пытавшиеся им заменить законных родителей. А еще был негласный закон, давно установленный в детдомах. Исполнялся он и здесь под контролем смотрящего по фамилии Фомин.

Ему уже было больше восемнадцати лет, но он доучивался в выпускном классе, чтобы затем уйти на свои хлеба. Это был перзрелый детина высокого роста, с непокорной, редко

чесаной шевелюрой соломенного цвета, с голубыми, всегда смотревшими на мир нахально глазами.

— Ты знаешь что, малец? — небрежно обронил Фомин тринадцатилетнему Сереже, который день тому назад прибыл в детдом. — Вечером в восемь часов я жду тебя в комнате для отдыха. Усек?

— Да, только где эта комната? — переспросил встревоженный и растерянный от неожиданности мальчик.

— Найдешь, — небрежно процедил сквозь зубы детина.

Когда в назначенное время с бешено колотящимся сердцем Сережа открыл дверь, в комнате толпилось много обитателей детдома. Фомин сидел за столом у окошка.

— Ты, ты, ты и ты! — ткнул он пальцем в сторону подростков, — будете сегодня учить новичка!

«Шестерки» Фомина полотенцем завязали глаза Сереже и подтолкнули его на середину комнаты. По сигналу «Начинай!» подростки стали отвешивать ему тумаки. Каждый из них, чтобы оправдать доверие смотрящего, бил больно.

— Защищайся! — кто-то крикнул Сереже, и тот стал ловить выставленными вперед руками пацанов-невидимок, по-настоящему наносящих ему удары. Вскоре поймал одного и ответил ему тем же.

Сережа слабаком никогда не был, сама сиротская жизнь научила стоять за себя. Руки у него были крепкие, цепкие, наверное, такие же, как у деда и отца. Не видя ничего, мальчик дубасил всех, кто ему попадался на пути и слышал вскрики этих пострадавших.

— Ты погляди, натуральный Слон! — удивлялся Фомин, глядя на стойкость Сергея, и на зрелище, которое он устроил ради своей потехи.

Впоследствии мальчишка почувствовал со стороны смотрящего даже какое-то щадящее отношение к себе. Наверное, потому что увидел в новичке уже явно не детскую стойкость и терпение. Он никогда не был стукачом, старался держать свое слово. Вот и тогда с разбитой кровотокашей губой и с синяком под глазом Сергей попал в медчасть к фельдшеру Любове Прокофьевне. Она приггла ранку зеленкой и спросила:

— Кто это тебя разукрасил?

— Никто. Это я неудачно упал на ступеньке, — соврал мальчик, прекрасно зная, что ему не поздоровится, если расскажет о случившемся так, как было на самом деле.

Не сказал он правды и директору Виктору Павловичу, который по докладу фельдшера пригласил Сергея в свой кабинет. Даже если бы подросток признался, Фомину ничего бы не было, потому что даже директор побаивался этого приклатнённого, взявшего верх над всеми детдомовца.

Из всего персонала детского заведения Сергей выделял миловидную фельдшерицу, в первую очередь за ее безмерную доброту. В раннем детстве он не знал ни заботы, ни ласки, но когда рисовал в воображении образ матери, то представлял ее именно такой, как Любовь Прокофьевна.

Лето выдалось на редкость жарким. Солнце круглый день палило беспощадно, поэтому детдомовцы после обеда сбегали к реке, расположенной за пару километров. Горсточка легко одетых ребят облюбовала место для купания под высоким мостом. Поплескавшись в реке, они лежали в густой траве и, как всегда, мечтали о предстоящей взрослой жизни. Вдруг Петьке Валуеву пришла в голову мысль прыгнуть с моста в воду. Но пацаны к этому предложению никакого интереса не проявили.

— Ну что, струсили? — настаивал на своем он. — Кишка тонка, да?

— Ты сам не прыгнешь, — с усмешкой откликнулся Сережа. — Могу поспорить на килограмм конфет.

— А ну пошли, — назойливо выпалил Петька и стал взбираться на насыпь первым.

Он встал у края моста, посмотрел вниз и замер. До воды было метров семь, не меньше. Прошло несколько минут, а он не решался.

— Эх, ты, смельчак! — укоризненно взглянул на Петьку Сережа и, не размышляя, прыгнул вниз.

Через полминуты всплыл на поверхность и, скривившись, кое-как добрался до берега. Тут же подбежавшие к нему друзья заметили кровь на траве. Оказывается, в речке было много битого стекла и другого хлама, привезенного и брошенного сюда жителями окрестных сел. Сережа напоролся на острый осколок, распластав вдоль почти всю ступню. Пришлось ребяташкам нести на себе раненого до самого детдома.

— Ну вот, теперь придется тебе, герой, полежать у меня пару неделек, — полушутливо сказала Любовь Прокофьевна, закончив перевязку и намыливая руки.

Как ни странно, дни, проведенные на больничной койке, для подростка были самыми счастливыми в жизни. Он даже забывал о боли, когда рядом находилась фельдшер. Она как бы заменила сироте маму: заботливо ухаживала за ним, вкусно кормила, даже прикупала для него пряники и конфеты в магазине. Несколько раз приносила настоящее мороженое в стаканчике, чтобы больной легче переносил жару.

Особенно запомнились Сереже вечера. Любовь Прокофьевна обладала прекрасным голосом и пела ему на ночь песни. Репертуар певицы был довольно обширным, но основ-

ную часть в нем занимали военные произведения, с которыми она когда-то дошла до Берлина. Много повидавшая на своем веку женщина даже знала и исполняла Сереже знаменитую песню «Катюша» в различных вариациях, которые были на слуху у фронтовиков.

К раненому часто заглядывали товарищи, веселили его и торопили с выпиской. Они рассказывали, что пацанва с соседнего села совсем им жизни не дает. Как только встретят на улице детдомовца, побьют ни за что. Пора их проучить, чтобы не наглели.

В первый же день после выздоровления к нему подошел Фомин:

— Сегодня у нас стрелка с сельскими. Не вздумай куда-нибудь улизнуть. Жди команды.

Сережа уже знал, что такое стрелка — это выяснение отношений с помощью кулаков и нехитрого «боевого» снаряжения. Поэтому тут же выломал из кровати железный прут и пошел к колхозному саду вместе с компанией детдомовцев.

— Вперед! — скомандовал Фомин, и ребята шумной лавиной двинулись на другую враждебно настроенную лавину.

Послышались возня, громкие вскрики, глухие удары. Сережа заметил, как на него бежит парень намного его старше, в очках. Чтобы опередить соперника, он ударил по его лицу припасенной железкой и с ужасом увидел брызги крови. Парень упал, застонал и схватился за лицо руками. В это момент Сережу обуял страх, и он, бросив прут, сначала хотел дать стрекоча, но что-то удерживало подростка. Он наклонился над незнакомцем. Ему стало жалко пострадавшего от его же рук молодого парнишку.

Оторвав полосу от своей рубашки, Сережа с сочувствием попытался приложить ее к раненой переносице. Кровь пропитывала ткань.

— Где ты живешь? — растерянно произнес Сережа.

— На Ольховке, — ответил парень.

— Пойдем, я помогу тебе дойти.

Они медленно побрели в сторону названной улицы. Сережа вел под руку Анатолия (так звали бывшего противника по драке) и с содроганием думал о том, как встретят его родители. Но, к счастью, все обошлось мирно и благополучно. Родители сначала испугались, увидев сына с окровавленным лицом, затем наложили повязку и стали благодарить Сережу за то, что помог ему дойти до дома. Знали бы они, кто ударил железкой Толю!..

Но Анатолий не проронил ни слова. Его мама Антонина Петровна поставила на стол всё, что у нее было в печке. Однако Сергею кусок стал поперек горла от чувства собствен-

ной вины. Кое-как он съел блин со сметаной, запив его горячим чаем, и заторопился уходить.

— Куда же ты? Ты кушай, кушай! У вас там с хорошей едой всегда туговато, — заволновалась гостеприимная женщина.

Сергей направился к двери. Тогда Антонина Петровна положила с десяток блинов в пакет и чуть ли не насильно вручила ему:

— Угостишь своих друзей, их ведь у тебя много.

Тихонько положив блины на столик в сенях, подросток побежал в сторону детдома. Неожиданно для себя, он пришел к Толе на другой день и поинтересовался его здоровьем.

Как ни странно, Толя обрадовался его приходу. Такое необычное знакомство вскоре переросло в настоящую дружбу. Постепенно привязались к детдомовцу и Толины родители. И если он несколько дней подряд не приходил сюда, скучали по нему. Сергею по душе была эта простая дружная семья, в ней он находил то, чего ему в сиротской жизни ох как не хватало! Ему даже не хотелось на время покидать этот уют и умиротворение и возвращаться в детдом по вечерам.

Говорят, что всё когда-нибудь кончается. Через два года Анатолий поступил в кооперативный институт и уехал в город, а Сергея перевели в другой детдом.

— Не забывай, пиши, — сказал на прощанье Анатолий Кудрин.

— Береги себя, пожалуйста! — приказал Сергей и крепко обнял друга.

Поначалу часто приходили от товарища письма, в которых он рассказывал о своей новой жизни, и Сергей четко отвечал на них. Но затем весточек было все меньше и меньше, и настало время, когда они совсем прекратились. Видно, изменились их адреса, да и уже было, наверное, не до писем.

И вот, как будто по божьему велению, они встретились в зимнем аэропорту.

— Ты, наверное, меня заждался? — Толян держал в руках два стакана кофе, из кармана в пакетике торчали круассаны. — А мне позвонили по работе, пришлось долго разговаривать по телефону.

— Ничего, друг! Главное, что мы снова встретились, теперь, надеюсь, не потеряемся! — с улыбкой произнес Сергей, отхлебывая из стаканчика горячий напиток.

Метель утихла. Объявили рейс на Калининград.

г. Брянск

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ДЕЛО

РАССКАЗ

Сельский глава Василий Кузьмич собирался уже домой обедать, как в кабинет заглянула Тамара:

— Там Шалый пришёл...

Василий Кузьмич с досадой отодвинул почти готовый отчёт об удобрениях: в отчёте всё сходилось, а стало быть, вырисовывалась надежда на кредиты, и вот тебе — закуска перед обедом! Ну почему в жизни никогда не бывает гладко и аккуратно?! И примета такая есть: если с утра хорошая погода, то у Вальки на носу обязательно вскочит прыщ. Валька была вредной бабой, жила на пенсию от погибшего мужа и с этим прыщом с утра носилась по селу, и портила всем настроение.

Василий Кузьмич почувствовал полуденную духоту и едкий запах гудрона, который варили через два дома от волосной конторы.

Досаду вызвал не сам Шалый, на которого, по большому счёту, общество махнуло рукой, списав из работного люда, а то, что придётся отвлекаться на никчёмную ерунду, выслушивать очередные бредни потерявшегося в жизни человека, а тут отчёт, понимаешь... Василий Кузьмич досадливо махнул рукой:

ПРОЗА

— Давай...

Тамара посторонилась, и в проёме нарисовался Шалый. Вид у него был возбуждённый и всклокоченный, словно его только что шарахнуло молнией. «И зачем такому маленькому угорелому человеку столько бесполезной энергии?» — в который раз не без зависти подумалось Василию Кузьмичу.

Шалый был одноклассником главы администрации — в школе постоянно попадал в передряги, вписывался в немыслимые приключения, которые сам чаще всего и выдумывал. Армия его не исправила. Женитьба — тоже. При этом работник он был отменный, всё в руках у него горело, надо было его только остановить вовремя, чтобы ничего не перегорело и не обуглилось. После жатвы портрет Шалого всегда висел на Доске почёта и раз даже был напечатан в районной газете. А вот премий больших ему давать боялись. Как говаривал бывший парторг Пётр Савельевич: «Эх, Ванька, твою бы дурь да в нужное русло — давно б при коммунизме жили». — «И заживём!» — легко обещал Шалый. Но перестройка вышибла его из жизни напрочь. Как, впрочем, и многих в селе. Только Шалый, в отличие от остальных, не унывал и, казалось, продолжал верить в светлое будущее.

— У меня к тебе, Кузьмич, государственное дело, — с порога объявил он и прикрыл дверь.

— Садись, — голова кивнул на стул и, спохватившись, строго сказал: — Во-первых, здравствуй.

— Здоров, — Шалый не обратил на строгость хозяина никакого внимания и на стул — тоже. Он упёрся руками о стол и, перегнувшись к Василию Кузьмичу, зашипел: — Россия пропала, совсем пропала. Это — заговор, и ты — соучастник.

Сказать, что Василий Кузьмич опешил или растерялся, или, как принято сейчас говорить, оказался в шоке, — существенно погрешить против правды: его будто лесинной огрели.

«Господи, откуда он узнал про кредиты? — сверкнуло в голове, и тут же зло взяло на самого себя: — Да при чём тут кредиты?! Какой ещё заговор?!»

Он резко поднялся:

— Совсем сдурел!

Секунду они смотрели друг на друга. Василий Кузьмич был выше и крупнее.

— Садись, — покровительственно сказал он, немного успокоившись. — Да садись же.

Шалый сел.

— Ну, конечно, я так и думал: ты и не догадываешься, тебя просто используют.

Василий Кузьмич поморщился, опять мелькнула мысль про кредиты, но не из-за них же Россия пропадает...

— Нас, русских, выживают. Нас всё меньше и меньше. И ты, может, и неумышленно, я не спорю, потворствуешь этому.

Василий Кузьмич вздохнул, как старая лошадь, возившая бочку с водой от реки, которая, дошагав до сельпо, тоже вздыхала устало и облегчённо.

Шалый же воспринял вздох главы волости как признание вины и расправил плечи.

— Вот смотри: коровник у тебя ремонтируют армяне, в Кудюмовке — таджики или узбеки, хрен их разберёшь, а за лесом, в Берёзовом — весь посёлок отдал китайцам. Это же геноцид! — воскликнул Шалый и, почуяв, что перебрал, добавил: — Пусть и в скрытой от общественности форме.

Василий Кузьмич, пока Шалый победоносно загибал пальцы, постепенно приходил в себя.

— Китайцы, между прочим, работают, — сказал он. — В отличие от тебя.

— Так ты дай мне работу, дай!

— Иди работай, — хмыкнул глава, — у нас рабочих рук не хватает. Хочешь, на тот же лук определю: у нас ещё земля за речкой есть.

— Я те чё, китаец, что ли? Я, между прочим, тракторист высшей квалификации, у меня, знаешь, сколько почётных грамот...

— Знаю, — перебил Василий Кузьмич. — Только кто тебе сейчас трактор даст? Забыл, что в том году уделал, а у нас сейчас самая горячая пора подступает и рисковать техникой никто не будет.

— Вот ты, значит, как с русским человеком?

— Да при чём тут русский — не русский, — огрызнулся глава. — Работать надо. Где таких работяг, как китайцы, найдёшь? И почти даром, — Василий Кузьмич вздохнул. — Мне, думаешь, в сладость в тот же Берёзовый ездить? Как... как... — Василий Кузьмич не мог подобрать подходящего слова, — как в кино дурачком: тут тебе китайцы, а вокруг берёзы, и они на этих берёзах своё шмотьё застиранное развешивают. Тьфу! У самого руки чешутся. А не могу. Нам лук продать надо. Лук сейчас, знаешь, как идёт. Ого! Лук в этом году очень хорош!

— Плюнь на этот лук, подумай о русском человеке.

— А я о ком думаю? Я эти деньги, по-твоему, в карман кладу? Школа, садик, котельную надо к зиме готовить... Тут, если я начну пальцы загибать...

— Подумай только, до чего дошло: чтоб детишек учить, надо китайцам полземли отдать. Н-да, совсем пропала Россия.

— Нечего Лазаря раньше времени петь, жить надо, работать, делать своё дело, а там — как Бог даст. Хочешь, я тебя в

котельную отправлю? Там сейчас как раз народ нужен место под новые котлы разбирать.

— Да я же тракторист, Кузьмич, понимаешь ты это? Посмотри, сколько земли-то пустой, — и Шалый патетично обвёл рукой кабинет главы.

— А чего её тревожить, если мы на том, что засеваем, получаем сейчас больше, чем двадцать лет назад? Да и для кого стараться? Для города? Так они всё равно западные объедки едят. Нам-то урожая хватит. А они пусть синтетику трескают.

Этот ответ несколько озадачил Шалого.

— Не даст тебе никто трактор, — подытожил Василий Кузьмич. — Говорю, иди на котельную.

— Поспособствуй, Кузьмич, умоляю, пустите на трактор, — из самоуверенного и грозного Шалый сразу стал маленьким и жалким, в душе Василия Кузьмича шевельнулась жалость к нему. — Ей-богу, не подведу. Ты ж не понимаешь, куда катится всё. Эти китайцы — только так, пена. А они же наш генофонд рушат. Я тебе так скажу: они за баб наших взялись.

— Кто — китайцы?

— Да нет... Тут такое дело... — Шалый замялся, и Василий Кузьмич понял, что «русский вопрос» — это только присказка. — Понимаешь, — Шалый перешёл почти на шёпот, — тут вчера к нам Вага приходил, ну, этот, с коровника. Ну, как приходил... Коньяк принёс. Я ещё думаю: чего он пришёл? Коньяк, между нами, так себе, никакого забоя... Я чего-то во дворе оказался и прикорнул малька за поросями... А чего, погода позволяет... Ну вот... а он же не вырубает, коньяк-то, я ж те говорю: дрянь, а не пойло. Очнулся, домой стал прибираться, а там этот Вага с Валькой-то, это... того... ну, в общем, рушат генофонд напрочь... Вот ведь куда дело зашло, понял?

Василий Кузьмич хмыкнул.

— А ты со своей Валькой, того-этого, давно генофонд восстанавливал?

Шалый молчал. Василий Кузьмич махнул рукой.

— Да куда тебе... Ты ж бухой каждый день... Ты не то что на трактор, на бабу залезть не можешь. А Вальке что? Баба в самом соку. И пашет, как твой трактор. И на ферме успевает, и поросю у неё, так ведь ещё тепличка, помнится, у вас. Горбатится одна детям на учёбу. Порослям-то хоть тюрю таскаешь или только кемаришь с ними, пока погода позволяет?

— Таскаю...

— Ну а ты ещё по утрам поросю от курицы отличишь... Эх, Ваня, ты сначала дома порядок наведи, а потом уж за Россию берись.

— Я тебя Христом Богом прошу: пусть посадят на трактор. Ты же видишь, всё, дошёл я, больше не могу так. Честно слово, завтра же смогаюсь с утра на станцию, и стыдно тебе не будет, а?

Василий Кузьмич поднял телефонную трубку и натыкал номер.

— Слушай, Петрович, тут ко мне Шалый пришёл... Да погоди ты... да погоди... Ты чего разматерился? Я тебе ещё слова не сказал... Да знаю я, но тут, говорят, с ним Вага вчера воспитательную работу проводил... Да потом... Не будет он никого разлагать... ну, хоть ремонтником. Завтра придёт, — и уже Шалому: — Слышал?

Тот кивнул.

— Пойдёшь ремонтником?

Тот снова кивнул.

— Ну и ладно. Только смотри у меня.

Шалый снова кивнул, поднялся и опять замялся, переминаясь с ноги на ногу.

— Чего ещё?

— Кузьмич, а это... можно как бы аванс?

— Ты что, сдурел? Я тебе чего тут, касса, что ли?

— Эх, Кузьмич, я же понимаю, что виноват, сейчас в магазин заходил, хотел Валентине тортик купить, простенький, вафельный, — и, заметив некое сомнение в глазах главы, залезил: — Ты вот правильно говоришь: надо с дома начинать, вот я бы и начал, сели бы вечером с Валеи, чайку попили... с тортиком...

— А так просто начать нельзя?

— Нет, ну, как же... Надо посидеть, поговорить... Этот-то конфеты коробками тащит, а я бы хоть тортику...

Василий Кузьмич покачал головой.

— Ну и сколько тебе надо?

— Так ведь... — и Шалый задумался, явно боясь продешевить.

А Василию Кузьмичу стало вдруг ужасно неловко и даже стыдно за весь этот спектакль, словно его и впрямь использовали в каком-то заговоре, а он об этом ни сном, ни духом, и ему захотелось, чтобы Шалый как можно скорее исчез.

— Полтинника хватит?

— Хватит, — быстро ответил Шалый.

Василий Кузьмич полез в карман брюк, достал бумажку и протянул Шалому.

К вечеру от реки потянуло прохладой, то тут, то там взмыкивали вернувшиеся из стада коровы, лениво перебрёхивались собаки, за домами закончили наконец возню с гудроном, и чувствовалось, что совсем рядом набирает силу луг.

Никаких тебе дискотек, ни собраний. Только приятная усталость от первого дня рабочей недели. Солнце, тоже утрудившись за день, коснулось дальних холмов и смотрело на мир благодушно и понимающе.

Василий Кузьмич решил пройтись по селу. Заглянул в котельную, половину которой уже сломали и теперь понемногу расчищали место; завернув к школе, постоял возле футбольного поля, на котором ребятня гоняла мяч; пошёл через детский садик и там заметил, что на площадке как-то нехорошо: вид портили скособочившиеся, словно поддатый мужик, качели. Василий Кузьмич подошёл глянуть, что с качелями, и тут из беседки, прикрытой кустами, услышал знакомый голос:

— Пропала Россия, совсем пропала. Русских совсем за людей не считают. Они, понимаешь, хуже порося для них стали...

Кто-то сердитый перебил:

— Ты, это, стакан-то не грей...

Василий Кузьмич невольно сел на покосившиеся качели, и они под ним жалобно скрипнули. «Господи, какая тоска», — подумалось Василию Кузьмичу.

Вспомнился разговор с Шалым, китайцы, лук, кредиты, будь они неладны... На них закупали никому не нужные удобрения. Вернее, нужные, но не в таких сумасбродных количествах. Какой же хозяин станет землю перекармливать, гробить её? Через посредников договаривались, что удобрений привезут меньше, чем выделялось кредитов, часть денег потом перечисляли волости с какого-нибудь благотворительного фонда для школы или больницы, куда девались остальные, гораздо большие деньги, Василия Кузьмича не интересовало. В этих знаниях слишком много печали.

Василий Кузьмич вздохнул: для чего живём? Ему вдруг представилось, как вернулся домой, набегавшись с мячом, младший сын, как старшая дочь, приехавшая на студенческие каникулы, с матерью собирают стол и ждут его. И так хорошо и сладостно защемило сердце, так тепло стало, что Василий Кузьмич почувствовал наворачивающиеся слёзы. Ну, это уж совсем ни к чему, решил он и поднялся с качелей. Они снова жалобно скрипнули.

— Завтра починим, — пообещал сельский глава и пошёл, вглядываясь в розовый отблеск на небе, который, хотелось верить, обещал назавтра добрый день...

г. Самара

РУССКИЙ ХРИСТИАНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

Против чего воюем?

Больно слышать злобную критику христианского социализма со стороны своих же братьев православных. Словно первые христиане не жили в «коммунах», словно наши предки славяне не знали общинного образа жизни... Против чего воюем? Против себя же воюем!

Читайте внимательнее Ф.Достоевского. Да, у него вы действительно увидите непримиримое отрицание идеологии безбожного социализма, но обнаружите пророческое благовестие социализма христианского, как фундаментальной идеи, основы нашего мессианского государства. Чувствуете разницу?

Христианский социализм не имеет ничего общего с марксистско-ленинским, он близок (или тождественен) образу жизни первых христиан. В качестве подтверждения этой мысли, можно сослаться на следующий фрагмент из Нового Завета, из «Деяний апостолов»:

«Все же верующие были вместе и имели всё общее. И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по

СИМВОЛ ВЕРЫ

нужде каждого. И каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога и находясь в любви у всего народа. Господь же ежедневно прилагал спасаемых к Церкви» (Деян. 2: 44—47).

«Под русским христианским социализмом (РХС), — разъясняет сайт Общероссийского офицерского собрания, — понимается идеология, которая объединяет социалистическую модель экономики и традиционную христианскую этику. Адепты подобной идеологии считают, что можно соединить социализм и Православие, чего, по их мнению, не получилось сделать в СССР. Однако под социализмом сторонники РХС понимают только систему социально-экономических отношений, основанную на приоритете общественной собственности на средства производства. Основопологающее отличие будущей общественно-государственной формации от партийно-коммунистического социализма СССР идеологи РХС видят в создании «земско-советской» системы широкого народного представительства и волеизъявления». Формулировка верная и далеко не новая, поднимающая целый пласт отечественной мысли.

Филолог Анастасия Гачева в своих трудах замечает, что у подавляющего числа русских мыслителей идеал — это не нечто находящееся по ту сторону реальности, но проект, являющийся заданием человечества в истории. Когда мы понимаем идеал так, возникают две главные проблемы: какой должна стать общность, осуществляющая построение идеала, и тот социальный строй, в котором такое многоединство стало бы любящим, братским и действующим.

Философ Владимир Эрн в книге «Борьба за Логос» отмечал поразительное, даже парадоксальное, единство русских мыслителей, зачастую принадлежащих к разным эпохам и разным идейным лагерям. Эрн укоренял это единство в «логосном» мышлении. Восточно-христианский Логос (верующий разум, «сердечный ум», побуждающий человека духовно расти, обретать то, что А.С. Пушкин называл «самостоянием», совершенствовать себя и мир вокруг себя) объединяет их всех: Добролюбова и Чернышевского с Достоевским, богоскательей Булгакова и Бердяева.

Исходной точкой этого разговора о концепциях идеального строя жизни станут размышления Ф. Достоевского о совершенном общежитии, о его основе. Он полагал глубокой ошибкой считать русский народ безрелигиозным. «Я не про здания церковные теперь говорю и не про причт, я про наш, русский «социализм» теперь говорю (и это, обратно-противоположное церкви слово беру именно для разъяснения моей

мысли, как ни показалось бы это странным), цель и исход которого — всенародная и вселенская церковь, осуществленная на земле, поколику земля может вместить ее», — подчеркивал Достоевский в «Дневнике писателя» в 1881 году. В его понимании русский христианский социализм — это церковь как соборное единство, обнимающее собой всё. О том же писатель говорил в «Братьях Карамазовых», выражая мысль о будущем обращении «общества как союза почти еще языческого во единую вселенскую и владычествующую церковь».

Во время первой сцены в келье у старца Зосимы перед приходом Дмитрия Карамазова из уст одного из героев романа прозвучал очень важный рассказ о некоем иностранном сыщике, французе (что уже знаково), который признавался: «Мы собственно этих всех социалистов — анархистов, безбожников и революционеров — не очень-то и опасаемся; мы за ними следим, и ходы их нам известны. Но есть из них, хотя и немного, несколько особенных людей: это в Бога верующие и христиане, а в то же время и социалисты. Вот этих-то мы больше всех опасаемся, это страшный народ! Социалист-христианин страшнее социалиста-безбожника».

Заметьте, отец Паисий (именно он благословляет Алёшу Карамазова на некое социальное служение) принимает это высказывание в свой адрес, что говорит о многом. Замысел автора прочитывается между строк. Становится очевидным, что ненаписанный том романа должен был быть посвящён служению Алёши в образе социалиста-христианина.

Воистину русский социалист-христианин для Запада — это «страшный народ» и можно представить, какое противодействие со стороны внешних сил должен был претерпеть герой Достоевского. Это самое противодействие вторую сотню лет испытывает на себе глубинная мессианская Русь. Достоевский предвидел и предупреждал.

Пресловутый хилиазм

Часто от критиков христианского социализма приходится слышать про опасность ереси хилиазма, которая якобы лежит в основе ХС. И это очередная уловка врага. Никакого «рая на земле», никакого «тысячелетнего царства» идея ХС не содержит, ибо хилиазм — удел иудеев-ортодоксов, но никак не православных христиан.

Обратимся снова к творчеству Достоевского, как к путеводной звезде. Важно понимать, что всё творчество Достоевского направлено на противодействие отрицанию Бога, а не на проповедь какого-то хилиазма. Условно можно сказать,

что Достоевский пытается отвести русского человека от пропасти безверия и подвести его к границе, перейдя которую он становится членом Церкви Христовой.

«Русские мальчики» рубежа веков стремились преодолеть позитивизм, господствовавший в мирозерцательной сфере, одномерность взгляда на природу и историю. Они шли к религиозному сознанию нового типа, к активному, творческому христианству, где вера не ограничивается только спасением души, но требует целостного религиозно-социального действия, ибо по заповеди «вера без дел мертва» (Иак. 2: 26).

Выступая на Санкт-Петербургских религиозно-философских собраниях 1901—1903 годов богослов Валентин Тернавцев подчёркивает главную беду церковного сознания — мнотрицизм.

Тернавцев одним из первых деятелей начала XX века озвучил идею христианского социализма: *«По слову Спасителя, земля есть место странствий и приготовлений, но не только к небу, а в такой же мере к новой праведной земле. Земля имеет свои религиозные задачи, свои священные ожидания «на земли мира и в человецех благоволения».* В дальнейшем эта мысль у представителей религиозно-общественных движений будет звучать постоянно. Идеал религиозного обновления жизни включает в себя мощную социальную доминанту. Требование социального дела, идея социальной правды, а именно жизни по заповедям — ключевые компоненты в концепции ХС.

Дважды на те же грабли

Основная причина, по которой православными сегодня отвергается идея христианского социализма, заключается в подмене понятий, о чем пишет А.Д. Степанов в статье «Почему православные против «православного социализма». «Термин социализм, — рассуждает он, — вызывает у многих прямые ассоциации с марксистско-ленинской интерпретацией социализма, для которой характерны: а) идея классовой борьбы как движущей силы общественного развития; б) идея отмирания государства, являющегося машиной классового господства, которую нынче поднимают на щит глобалисты — строители «нового дивного мира»; в) идея религии как опиума для народа и вытекающая отсюда необходимость борьбы с «религиозным мракобесием». Православные, разумеется, помнят, что социалисты вместе с либералами были могильщиками Российской империи в 1917 году».

Но не будем забывать, что Маркс лишь интерпретировал христианский социализм, образ жизни христианских общин

первых веков. Он не скрывал, что в основу своего учения положил христианскую ценностную базу, изъяв из неё главное — Самого Христа.

Например, разве пролетарский интернационализм не был своеобразным воспроизведением слов апостола Павла, что «во Христе нет ни эллина, ни иудея»? Или стремление у безбожных коммунистов к справедливости и равенству людей не было в чём-то похоже на братство христиан? Об этом при всем своем атеизме и ненависти к религии писал даже «второй» создатель марксизма, ближайший друг и соратник Маркса Фридрих Энгельс в своей работе «К истории первоначального христианства»:

«В истории первоначального христианства имеются достойные внимания точки соприкосновения с современным рабочим движением. Как и последнее, христианство возникло как движение угнетенных: оно выступало сначала как религия рабов и вольноотпущенников, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов. И христианство, и рабочий социализм проповедают грядущее избавление от рабства и нищеты; христианство ищет этого избавления в посмертной потусторонней жизни на небе, социализм же — в этом мире, в переустройстве общества. И христианство и рабочий социализм подвергались преследованиям и гонениям... И вопреки всем преследованиям, а часто даже непосредственно благодаря им, христианство и социализм победоносно, неудержимо прокладывали себе путь вперед».

Именно благодаря этому обману, этой хитрой подмене ценностей коммунизм выступил как очень привлекательное учение, которое настаивало на справедливости и равенстве людей, на том, что все люди заслуживают счастья и обязательно его получают. Неслучайно к середине XX века коммунизм завладел уже почти половиной мира (Россия, Китай и Восточная Европа) и, казалось, вот-вот ниспровергнет своих соперников — капитализм и либерализм.

На тему гипотетической близости христианства и коммунизма можно еще вспомнить теологию освобождения, особенно популярную еще несколько десятилетий назад, — так в Латинской Америке называется богословское и политическое движение христианского социализма, которое настаивает на близости марксизма и христианства. Его сторонники считали бедность источником греха, а Иисуса Христа не только Утешителем, но и Освободителем угнетенных.

Говорят, что история развивается по спирали. Вот и в наше время идеи христианского социализма блестяще встраиваются в новейшую формацию капиталистической идеологии,

обозначая перезагрузку стремительно изживающего себя капитализма. Вспомним о смелой затее папы Франциска, именуемой «Совет по инклюзивному капитализму с Ватиканом», — совместный проект Ротшильдов, Рокфеллеров и папы Римского. Не случайно альянс произошёл после того, как Всемирный экономический форум, Организация Объединённых Наций и другие учреждения призвали к «великой реставрации» капитализма, чтобы реорганизовать мировую капиталистическую систему именно в социалистический (!) мировой порядок, который якобы призван уничтожить частную собственность и валюту.

А теперь поговорим о каббалистах и о религиозном каббалистическом коммунизме как фундаментальной основе нового трансгуманистического течения во главе с папой Римским.

Религиозный каббалистический коммунизм

Основоположником Религиозного каббалистического коммунизма считается некто Иуда Лейб Алеви Ашлаг (Бааль-Сулам) (1886—1954).

Каббалистическая группа Бааль-Сулама организовалась в Иерусалиме в 1923 г. Занятия проводились каждую ночь с 1 часа ночи в доме у Бааль-Сулама в районе «Гиват Шауль». На урок ученики ходили пешком из Старого города. В группе занимались ученики: Барух Шалом Ашлаг, Йошуа Сандер Горовиц, Йегуда Гирш Брандвайн, Давид Минцберг, Менахем Эйдельштейн, Бенъямин Смаковский, Моше Барух Лембергер, Леви Ицхак Краковский, Моше Яир Вайншток, Авраам Ашкенази, Ицхак Меир.

Рукописи Бааль-Сулама бережно хранятся в библиотеке Международной академии каббалы «Бней Барух» и представляют для каббалистов особую ценность. Михаэль Лайтман, известный израильский каббалист, член «Всемирного совета мудрецов» и продолжатель учения Бааль-Сулама (через своего учителя Баруха Ашлага) очень рекомендует своим ученикам изучить его труд под названием «О последнем поколении». В этой книге, по мнению Лайтмана, каббалисты должны видеть руководство, предназначенное для нового времени. Книга удостоилась самых тёплых отзывов ведущих представителей израильской Академии каббалы, которые констатируют, что Бааль-Сулам опередил время и говорил не столько о своей эпохе, сколько о наших днях.

Бааль-Сулам объяснял, что без религии социализм и коммунизм обязательно развалятся, причём доказывал это чис-

то логическим способом и предсказывал развал СССР именно в таком варианте.

Насчет того, что без религиозной базы коммунизм развалится, он писал в открытом письме лидерам восточного блока. Он объяснял, что природных альтруистов среди людей — от силы 10%, остальные — эгоисты (не в бытовом смысле слова), готовые работать лишь ввиду материальных стимулов, которых коммунизм не предлагает.

Зато религиозный человек, по утверждению каббалистического гуру, тратит несколько часов в день на изучение Торы, ни малейшей зримой материальной выгоды от этого не имея. И поэтому, если объяснить *религиозному*, что любовь к ближнему — это «вся Тора», он будет готов работать на общее благо без расчёта на повышение зарплаты или повышение в должности.

Двадцать четыре пункта под общим названием «Позитивная сторона Каббалистического коммунизма» подробно описывают план реализации глобального проекта, где Бааль-Сулам выступает в образе нового усовершенствованного Маркса: *«Каббала — это единственная основа, которая будет надёжной побудительной причиной для подъема этического уровня общества с целью достижения принципа «от каждого по способностям, каждому по потребностям».* Прочитайте и ужаснитесь: как много русского в измышлениях каббалистического гуру, прямо беги и записывайся в каббалисты!

По сути, современных каббалистов интересуют те же вопросы, что и нас, русских патриотов. Вот, например, вопрос, адресованный Микаэлю Лайтману с английского блога: «Бааль-Сулам писал, что совершенное общество будущего будет основано на альтруистическом коммунизме. Что может заставить коммунизм сработать, после того как он так ужасно провалился в XX веке?»

Ответ Лайтмана: «Это был не коммунизм, а советский национализм. Альтруистический коммунизм — это когда все получают необходимое и всё сознательно передают обществу; руководят обществом каббалисты, находящиеся выше личной заинтересованности и пр., о чём пишет Бааль-Сулам в книге «Последнее поколение». Природа всё равно вынудит нас прийти к такому сосуществованию между собой».

На основании бегло прочитанного у каббалистов, я прихожу к выводу, что «мудрецы» хотят построить нечто похожее на коммунизм, на верхушке которого будут стоять **каббалисты во имя Мошиаха**. Прямая реализация проекта Бааль-Сулама происходит сейчас в Ватикане. И они преуспели. Да, их

пророки живы в своих учениках, которые на деле реализуют их проекты. А что же мы?

В этой связи вспомним «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1862—1863) нашего Достоевского, где задолго (!) до каббалистического «пророка» Бааль-Сулама он говорил о том же — о невозможности призвать людей к братству, если в человеческой природе органически нет братского чувства. Если его нет, то единение людей приобретает внешние, механические и насильственные формы. Так, по его словам, сначала социалист начинает «уговаривать на братство», но когда эти уговоры не действуют, в ход идет насилие. «И пойдут братья откалывать головы братьям, чтобы получить через гражданское учреждение братство», — добавлял писатель. В отличие от атеистического социализма «наш русский социализм» — это не механические попытки насильственно соединить людей в условиях отсутствия братства, а нечто совершенно другое: *«Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь всесветным единением во имя Христово».*

В одной этой цитате — и русский христианский «глобализм» (идея всесветности), и русский христианский социализм. Всё то, что у нас торжественно выкрали и выкрали уже дважды.

ЗАБЫТЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ

Что мы знаем о Первой мировой войне? Что Россия к ней была не готова? А какая страна вообще бывает готова, если она не агрессор? Что «Россия войну вчистую проиграла», как однажды выразился широко известный патриот Г.А. Зюганов? Ну так он здесь чуточку ошибся: не Россия проиграла, а Россию проиграли. И в этом проигрыше огромное участие приняли столь дорогие сердцу Геннадия Андреевича большевикиленинцы, о чём он, конечно, знает, но почему-то умалчивает.

Помните? *«Отправлением в Россию Ленина наше правительство возложило на себя особую ответственность. С военной точки зрения его проезд через Германию имел своё оправдание. Россия должна была рухнуть в пропасть. И она рухнула»*, — это сказал противник Российской империи, начальник германского генштаба Людендорф в 1918 году. А это писал наш тогдашний союзник, военный министр Великобритании Уинстон Черчилль: *«Держа победу уже в руках, она [Россия] пала на землю заживо, пожиремая червями»*. Увы, автор больше доверяет словам этих иностранцев, чем словам русского партийного деятеля.

Что мы знаем ещё? Знаем, что в 1915 году был «снарядный голод». Но такой «голод»

возник у всех воюющих странах, так как ни один генштаб не предвидел характера будущей войны и не мог знать, какого расхода боеприпасов она потребует. Просто в силу более развитой промышленности западные страны преодолели трудности быстрее, чем Россия.

Знаем ещё, что в 1915 году Русская Армия отступала. Это верно. Но как далеко? До Днепра, до Волги? Да нет. Отступила до линии Рига — Двинск (ныне Даугавпилс) — Барановичи — Пинск — Тернополь. Если посмотреть на современную карту, это Курляндия (южная Латвия), Литва и части Западной Белоруссия и Западной Украины. От Тернополя на юг линия фронта шла уже по территории Румынии.

Знаем ещё, что в 1916 году был «Брусиловский прорыв» — наступление войск Юго-Западного фронта под командованием генерала А.А. Брусилова. В мае русские войска сразу в нескольких местах прорвали оборону противника, продвинулись на 60—150 км и нанесли страшный урон австро-венграм и немцам, потери которых составили 1,5 млн. военнопленных (второе больше, чем у русских), из них — 350 тыс. пленных. Мало только знаем, что эта стратегическая операция вынудила немцев перебросить войска с запада и, тем самым, спасла Италию (союзника России) от разгрома и облегчила положение французов под Верденом, а главное — она, подобно Курской битве, внесла коренной перелом в ход всей Мировой войны.

К сожалению, «Брусиловский прорыв» не получил поддержки соседнего Западного фронта (генерал А.Е. Эверт) — будь такая поддержка, войну можно было закончить в 1917 году. Вина Эверта, конечно, велика, но дело не только в ней. В Русской Армии была странная, по современным понятиям, организационная система. Во главе фронтов стояли не командующие, а главнокомандующие, у которых была не только вся полнота власти, но и право проведения самостоятельных стратегических операций. Ставка и Генштаб разрабатывали общие планы операций на ту или иную кампанию и превратились, по существу, в рекомендательные органы, мнение которых главнокомандующие могли и игнорировать (как это сделал Эверт).

Ещё мы знаем, что противниками России были Германия и Австро-Венгрия. Забываем только о третьем противнике — Османской империи (Турции), армия которой три десятилетия муштровалась под руководством немецких военных (в ней насчитывалось до 6 тыс. германских генералов и офицеров). Да и сами турки были отважными воинами. В 1915 г. в Месопотамии они разгромили и захватили в плен численно превосходивший английский корпус. В начале 1916 года они меньшей численностью отбили полумиллионный англо-

французский десант на Галлиполийском полуострове. Английский генерал Ч. Таунсенд писал о турках как о дисциплинированных, прочно спаянных и более упорных и твёрдых солдатах, чем даже немцы.

С 3-й турецкой армией, начальником штаба которой был немецкий генерал Шеллендорф, и встретилась 2 ноября 1914 года русская Кавказская армия. Начало боевых действий было неудачным. Турки оттеснили русских внутрь России и окружили их у Сарыкамыша. Над русскими войсками возникла угроза катастрофы. Обращение к командованию Черноморского флота (адмирал А.А. Эбергард) блокировать порт Трапезунд, через который шло снабжение турецкой армии, осталось безрезультатным — у моряков были свои планы (аналогия с Западным фронтом).

В ходе кровопролитных оборонительных боёв в фактическое командование вступил начальник штаба Кавказского военного округа генерал Николай Николаевич Юденич (1862—1933), прибывший в Сарыкамыш в декабре. 1 января 1915 г. Русская Армия разжала кольцо окружения, уничтожила «обходное крыло» турок, нацеленное на замыкание кольца окружения русских войск, и, имея 120 тыс. штыков и сабель против 150 тыс. у турок, перешла в наступление. Сарыкамышская операция завершилась взятием Тавриза и разгромом турок, их потери составили 70 тыс. человек против 20 тыс. русских. Попытка турецкого «блицкрига» была сорвана. С этого времени стратегическая инициатива перешла в руки русского командования, и бои велись только на турецкой территории.

В феврале 1915 г. генерал Юденич был официально назначен командующим Кавказской армией, и «войска, — как вспоминал генерал Масловский, — приобрели веру в себя и в своё превосходство над противником». В мае левый фланг армии перешёл в наступление в районе озера Ван и спас десятки тысяч армян от геноцида. Противник, хотя и избежал окружения, понёс большие потери — только в плен было взято более 10 тыс. человек. В июне турки потерпели поражение в Азербайджане. Если не считать ноябрьского разгрома созданных турками и немцами местных военизированных формирований в Персии, других крупных операций в том году не было, Юденич всё внимание уделил реорганизации и пополнению армии.

Начало 2016 года ознаменовалось блестяще проведённой наступательной операций. 16 февраля штурмом была взята важнейшая в стратегическом отношении крепость Эрзурум, в результате чего 3-я турецкая армия лишилась в общей сложности половины своего состава и почти всей артиллерии. Как известно, для успешного штурма численность штурмующих

должна быть намного больше, чем осаждаемых, и потерь они несут тоже намного больше. Численность русских — 80 тыс. (из них 20 тыс. новобранцев) ненамного превышала численность турок (75 тыс.), однако потери были несоизмеримыми: у турок 66%, у русских 10% личного состава.

Успех операции, которую разрабатывал лично Юденич и о которой до поры до времени, никто не знал, кроме руководства штаба армии, был обеспечен тщательной её подготовкой — детальной разведкой, перехватом и расшифровкой вражеских донесений, созданием метеостанций, усилением службы тыла, обеспечением солдат теплой одеждой и маскхалатами, обучением новобранцев действиям в горной местности, скрытностью, ложными маневрированиями, ложными приказами по радиосвязи (радиосвязь в армии была чётко налажена). Кстати, операция была проведена после острого конфликта с главнокомандующим Кавказским фронтом великим князем Николаем Николаевичем, требовавшим вести только оборонительные бои.

Дальнейшее продвижение русских войск было приостановлено из-за распутицы, однако Юденич времени даром не терял и готовился к новым боям. В начале апреля была подготовлена операция по захвату Трапезунда, и 15 апреля 1916 года (105 лет назад), крепость-порт была взята. В этот раз Черноморский флот (при новом командующем адмирале А.В. Колчаке) оказал существенную поддержку. В помощь 3-й армии турки направили 2-ю армию, освободившуюся после отражения англо-французского десанта, и попытались переломить ход войны, но безуспешно.

В июле Юденич снова перешёл в наступление, снова громил противника, захватив г. Эрзинжан. Немецкий генерал Сандерс писал: «После того, как русская конница прорвала фронт в двух местах, отступление перешло в разгром. Объятые паникой, тысячи солдат бежали. ...Русские предупредили намерения турецкого командования и нанесли 3-й армии полное поражение до окончания концентрации 2-й армии». Попытки 2-й армии взять реванш привели к очередным победам Юденича.

К концу 1916 г. Русская Армия продвинулась вглубь Турции на 250 км, судьба турецкой армии была предрешена. И главная заслуга в этом — генерала Юденича, которого одни современники называли «Суворовым XX века», другие «Третьим Суворовым» (подразумевая под «Вторым Суворовым» генерала Скобелева). Сравнение было справедливым — Юденич всегда побеждал «не числом, а умением», и суворовским правилом — «глазомер, быстрота, натиск» — он умел пользоваться как никто другой. Британская «История великой вой-

ны» считала его армию «единственной, которая наилучшим образом могла бы справиться с тяжелыми условиями и победить».

Николай Николаевич Юденич был не только выдающимся полководцем, но и неординарным человеком. *«В самый краткий срок он стал и близким, и понятным для кавказцев (воинов Кавказской армии. — Авт.). Точно всегда он был с нами. Удивительно простой, в котором отсутствовал яд под названием «генералин», снисходительный, он быстро завоевал сердца. Всегда радушный, он был широко гостеприимен. Его уютная квартира видела многочисленных сотоварищей по службе, строевое начальство и их семьи, радостно спешивших на ласковое приглашение генерала и его супруги»* (генерал Б.П. Веселорезов). *«Николай Николаевич отличался прямоотой и даже резкостью суждений, определенностью решений, твердостью в отстаивании своего мнения и полным отсутствием склонности к каким-либо компромиссам»* (Д.В. Филатьев, сослуживец Н.Н. Юденича). *«Юденич буквально со всеми дер- жущими генерал-квартирмейстером и потом начальником штаба Кавказского военного округа, он одинаково говорил с графом Воронцовым-Дашковым и с подпоручиком своего штаба»* (М.К. Лемке, историк, служивший при Ставке Верховного Главнокомандования).

Знаменитый военный историк А.А. Керсновский в 4-томной «Истории Русской Армии» написал о нём: *«Убеждённый сторонник национального естества военного дела, генерал Юденич свой яркий талант сочетал с огромной силой духа. Отметая псевдонаучный рационализм, твёрдо он вёл свою армию от победы к победе. В то время как на Западном нашем театре войны русские военачальники, даже самые лучшие, пытались действовать сперва «по Мольтке», а потом «по Жоффру», на Кавказе нашёлся русский полководец, пожелавший действовать по-русски, по Суворову. Это был тот полководец, которого не хватало в Ставке весной и летом 1916 года для победы над Германией и Австро-Венгрией».*

P.S. Читатель вправе задать вопрос: как же так, выдающийся полководец, а наступление его на Петроград в 1919 году провалилось? Мой ответ таков: обе революции и Гражданская война — это трагедия русского народа, срежиссированная врагами России. Участников этой трагедии — равно Блюхера и Колчака, Егорова и Деникина, Будённого и Юденича — автор не относит к героям, потому предпочитает не писать о боевых успехах какой-либо из сторон, ибо каждый такой «успех» — это огромные русские жертвы.

«КАТЮШИ» ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

165 лет назад в Париже была поставлена точка в Крымской войне. Сразу по её окончании возникли тиражируемые до сих пор исторические мифы о том, что «реакционная крепостническая» Россия проиграла Крымскую войну «передовым» англичанам и французам. Ещё бы! Парусники против парусников, гладкоствольные ружья против штуцеров Энфилда, бивших на 1250 ярдов, расстреливавших артиллерийскую прислугу, оставаясь за пределами дальности огня наших пушек. А отставание, якобы ставшее причиной поражения, наконец-то показало русскому правительству необходимость либеральных реформ...

Что ж, вот и давайте разберёмся с «отставанием». Первый парусник появился в США в 1807 г. В России немного позже, в 1815 г. С 1817 г. отечественные парусники уже строились ввозом и курсировали по Волге. И первый в мире военный парусник «Скорый» был создан в 1818 г. у нас на Ижорских заводах, на 3 года раньше, чем у англичан. Но... первые парусники были колёсными. Скорость и манёвренность была низкой. Колёса мешали устанавливать бортовую, самую мощную артиллерию и сами

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

были слишком уязвимыми. Поэтому во всех флотах основной силой оставались парусные корабли, а пароходофрегаты играли вспомогательную роль.

Лишь в 1838 г. в Англии был создан винтовой пароход. И только в 1842 г. Британское адмиралтейство решило вопрос, какие же парходы лучше, колёсные или винтовые. И уже позже выяснилось, что в винтовые корабли можно довольно просто переделывать существующие парусники. Деревянный корпус разрезали примерно пополам, делали вставку с паровой машиной. Такая модернизация военных кораблей развернулась в конце 1840-х — начале 1850-х гг. уже перед самой войной. Хотя на Западе считалось, что и парусники ещё вполне пригодны для боевых действий. Из 51 английских и французских линейных кораблей, участвовавших в войне, 32 оставались парусными, а 19 переоборудовали под паровые двигатели.

В российском военном флоте на начало войны имелось 44 пархода, из них 18 пароходофрегат и 26 поменьше (до 10 орудий). Но винтовой 44-пушечный «Полкан» был только один. Ещё один, «Архимед», в 1850 г. потерпел крушение. На стапелях заводов стояло ещё 3. Как видим, западные противники действительно опередили русских. Но всего на несколько лет и не в плане технического прогресса, а чисто количественно. Впрочем, надо добавить немаловажный факт. Ни одного морского сражения с англичанами и французами не было! Потому что по количеству боевых кораблей и огневой мощи британский флот был самым сильным в мире. А флот Франции — на втором месте. Когда они объединились, добавив ещё и османский флот, выходить на битву с ними стало заведомым самоубийством. Ход морской войны определили не передовые технологии, а подавляющее численное превосходство противников!

Артиллерия у обеих сторон недалеко ушла от наполеоновских войн. Бронзовые и чугунные пушки заряжались с дула, били ядрами (поражающая дальность около 1 км) или картечью (около 600 м). Новинкой были только «бомбические» орудия, они стреляли бомбами не навесным огнём, как мортиры, а настильным — до 2600 м. Бомбические пушки были крупнокалиберные и очень тяжёлые, на специальных лафетах, их обычно ставили в крепостях или на кораблях. Хотя в России ещё с 1757 г. существовали и лёгкие орудия, «единороги», способные стрелять как ядрами, так и разрывными гранатами. И ещё одно новшество внёс сам Николай I в 1835 г. На кораблях бомбические орудия начали ставить на поворотной платформе и дополнять их «единорогами».

Но насчёт стрелкового оружия мифотворчество откровенно зашкалило. Винтовок, заряжающихся патронами с казённой части, ещё не было ни в одной армии мира. Везде ружья были длинноствольными, заряжались с дула. А нарезные штуцеры вовсе не были новым изобретением. Их внедрил ещё Фридрих Великий в Семилетней войне, вооружил ими части егерей из лучших стрелков. На фронтах Восточной войны они имелись во всех армиях. В России — «люттиские» штуцеры образца 1843 г., доработанные в нашей стране (прицельная дальность до 600 м, максимальная дальность полёта пули 853 м). Они предназначались для егерских частей, а в пехотных полках для «застрельщиков» — лучших стрелков, их полагалось по 26 на батальон. Остальная армия была вооружена гладкоствольными капсюльными ружьями образца 1845 г. (прицельная дальность 100 сажений — 213 м). Капсюль, заменивший кремневый замок, был новинкой, не зависел от превратностей погоды, меньше стало осечек.

У французов был принят на вооружение штуцер Тувенена 1842 г., примерно с такими же тактико-техническими характеристиками, как «люттиский». Им тоже были вооружены не все солдаты, а только егеря (5 батальонов) и дивизия зуавов, алжирских стрелков. Остальная французская армия отправилась на войну с ружьями образца... 1777 г. Кремневыми! Почему же штуцеры предназначались не для всех? Потому что у них был серьёзный недостаток — при повышении дальности огня терялась скорострельность. Их долго было заряжать, из-за нарезок пулю в ствол приходилось вгонять с большим усилием (у французов её вообще заколачивали, чтобы пуля сплющилась и вжалась в нарезки ствола, из-за этого она теряла и баллистические свойства, летела абы как). Вдобавок штуцеры были очень капризными. Нарезки забивал пороховой нагар. Стволы приходилось не только чистить, но и промывать. Иначе штуцеры было невозможно заряжать, могло и разорвать по нарезкам.

И вдруг — английские штуцеры Энфилда! Британская пресса раструбила, как они поражали русских с 1250 ярдов (1143 м) в сентябре 1854 г., после сражения при Альме. Историки до сих пор тиражируют эту байку, хотя... в это время винтовки Энфилда в войсках ещё не было! Её приняли на вооружение только в 1853 г., а в действующей армии она появилась лишь в феврале 1855 г. Изначально штуцерами вооружили только один Даремский полк. А в начале войны вся британская армия имела гладкоствольные кремневые ружья «Браун Бесс» образца... 1722 г. Были и штуцеры Бейкера образца 1800 г. (прицельная дальность 183 м).

К концу войны оснащённость Энфилдами росла. Но... даже военные историки почему-то не обращают внимания на откровенную несуразицу. Указанная дальность стрельбы доступна разве что для современной снайперской винтовки СВД! Да и то на такой дистанции предусматривается «беспокоящий огонь» или стрельба по групповым целям. Реальная же прицельная дальность Энфилда составляла 300 ярдов (274 м). Чуть больше, чем у русской гладкостволки и меньше, чем у «люттихского» штуцера. Максимальная дальность полёта пули достигала 660 м, а убойная сила сохранялась на дистанции 381 м. Именно такую дальность стрельбы заявил изготовитель. Но в документации каким-то образом, случайно или нарочно, футы заменились на ярды, и дальность увеличилась втрое! Отсюда и взялись пресловутые 1250 ярдов.

Все отрицательные качества штуцеров с заряданием и чисткой сказались в Энфилдах в полной мере. Британские солдаты плевались от них (так же, как французы и русские от своих штуцеров), охотно меняли их на привычные «старушки Браун Бесс». Зато газетная шумиха с непомерной дальностью стрельбы обернулась очень успешной... рекламой. Одни лишь США закупили у англичан 900 тыс. таких винтовок. Хотя вскоре убедились в их очень низких боевых качествах. В битве при Шайо в 1861 г. армия южан решила воспользоваться хвалёными Энфилдами, расстрелять армию северян с полумили (800 м). Израсходовала все патроны, не нанеся противнику ни малейшего вреда. Потом пришлось драться штыками.

Нет, я не хочу сказать, что у западных противников вообще не было полезных новинок. У французов появился револьвер Лефоше. В США с 1836 г. использовали револьверы Кольта, но они ещё были «дульными», каждое гнездо барабана заряжалось так же, как однозарядный пистолет. А шестизарядный револьвер Лефоше уже снаряжался картонными патронами. Но это было офицерское оружие ближнего боя, на ход войны оно никак не повлияло. И такой рекламы, как англичане штуцерам Энфилда, французы своему револьверу не сделали.

Но ведь и в России имелись военные новинки, которых у западных противников не было. Ещё в 1834 г. наша страна построила на Александровском литейном заводе подводную лодку Шильдера — первый в мире подводный ракетносец. Провела успешные испытания с пусками ракет из подводного положения, поразившими цели. Было создано 3 опытных образца такой лодки. Правда, в 1841 г. работы в данном направлении были прекращены. Ещё не существовало под-

ходящих двигателей. Паровую машину на подводную лодку не поставишь. Впрочем, уже был создан «электроход» Якоби, шлюпка с электрическим двигателем, но мощность у него была маловата. А в подводной лодке экипаж грёб вручную — она была оснащена «гребками» на кронштейнах, напоминающими утиные лапы. Скорость составляла около 600 м в час.

На обозримое будущее дорогостоящие разработки признали бесперспективными. Резолюция военного министра Чернышёва № 949 от 9 октября 1841 г. изложила указания царя перенацелить усилия и ресурсы на другие направления: *«Высочайше повелено дальнейшие опыты над подводною лодкою прекратить и вместе с тем обратить особенное внимание на усовершенствование подводных мин и действие ракет»*. Во исполнение этих указаний была создана морская мина Якоби — якорная, плавающая на заданной глубине, с гальваническим замыкателем. Уже развернулось их серийное производство.

А ракетное направление вели Шильдер и ещё один талантливый инженер, полковник Константин Константинов. Он разработал ряд новейших для той эпохи приборов для измерения параметров ракет. Царь назначил его начальником капсюльного, а с 1850 г. — первого в России Санкт-Петербургского ракетного завода. Пороховые ракеты Конгрива (позаимствованные англичанами в Индии) были известны давно. Но их применение ограничивалось очень низкой точностью. Константинов усовершенствовал их, а вместо точности перенёс упор на другой фактор — кучность. Были созданы пусковые установки для одновременного запуска до 36 ракет Константинова калибром 106 мм. Это были первые в мире системы залпового огня, прообраз «катюш»! С дальностью стрельбы 2600 м. На фронтах Восточной войны Россия успешно применила как морские мины, так и ракетные установки. Вот и стоит задаться вопросом, так кто же от кого отставал в военно-технической области?

Но здесь правомерно поднять и другой вопрос. С какой стати утверждается, будто русские проиграли войну? Да, нашу страну провокациями втянули в конфликт. На неё обрушилась огромная коалиция. Англия, Франция, Османская империя, Сардинское королевство, бригады добровольцев из Германии и Швейцарии. Австрия и Пруссия в войну не вступили, но примыкали к врагам, оттягивали на себя наши войска. Планы строились грандиозные, Пальмерстон докладывал о них премьер-министру Расселу. Раздавить и расчленить Россию. Отторгнуть от неё Финляндию, Прибалтику, Крым, Кавказ, Грузию. Польшу предусматривалось

восстановить в границах 1772 г., с включением Литвы, Белоруссии, Правобережной Украины, а на Кавказе создать отдельное государство Шамиля.

Между прочим, и само название: «Крымская война», внедрённое в нашей литературе, является крайне некорректным. Оно выпячивает только один театр боевых действий — тот, где западным державам удалось добиться некоторых успехов (далёких от их планов и ожиданий). На самом-то деле война приобрела почти мировой масштаб. Она велась на разных фронтах от Балтики до Тихого океана.

И что получилось в результате? Враги истекли кровью. Потеряли погибшими 170 тыс. солдат и офицеров (у русских 100 тыс.) Этой ценой заняли... нет, не Крым, даже не Севастополь. А только южную часть Севастополя со скороспелыми земляными укреплениями, построенными в спешке. Северная сторона устояла. Она была меньше по площади, но как раз там располагались долговременные укрепления, мощные форты и батареи с каменными казематами. В общем-то, говорить о взятии Севастополя в 1855 г. столь же нелепо, как говорить о взятии немцами Сталинграда в 1942 г. (там удержалось куда меньше). Захватили ещё пару неукрепленных городов — Евпаторию, Керчь. И завязли, ни на что больше не способные.

На Балтике бесчисленный англо-французский флот дважды приходил к Кронштадту и Санкт-Петербургу. Но утыкался в минные поля, их прикрывала артиллерия и ракетные установки (новая методика оборудования минно-артиллерийских позиций была прочно принята Россией, она применялась и в Первой мировой, и в Великой Отечественной войнах, сыграв решающую роль в морской обороне Петрограда и Ленинграда). Были подрывы вражеских кораблей.

А на случай, если противник всё же будет прорываться к столице, в рекордные сроки, за 4 месяца, были построены 32 канонерские лодки с крупнокалиберными бомбическими орудиями. Деревянные, но паровые, с винтовыми двигателями! Потом, до конца войны, было построено ещё 49 лёгких артиллерийских винтовых кораблей. Паровые двигатели для них изготавливались в петербургских механических мастерских под руководством чиновника и инженера Николая Путилова — вскоре он станет основателем и хозяином Путиловских заводов. (Опять же, где тут «отставание»?)

Два похода неприятельских эскадр в Белое море кончились ничем. К Архангельску их не пустили. От Соловецкого монастыря, Колы, Кандалакши, деревни Лямца отбили. Враги только нахулиганили, захватывая рыболовецкие суда, гра-

бя и сжигая безоружные прибрежные сёла. На Тихом океане многочисленная англо-французская эскадра попыталась овладеть Петропавловском-Камчатским, но потерпела поражение. Элитный Гибралтарский полк уничтожили почти полностью. Английская пресса писала: *«Всех вод Тихого океана недостаточно, чтобы смыть позор британского флага»*. После этого русское командование эвакуировало гарнизон и жителей Петропавловска. Был построен новый город Николаевск-на-Амуре. Атака вражеского флота и десанта на Александровский пост в бухте Де Кастри была отражена. А «попутно» Россия стала заселять Амур, присоединила Приамурье и Приморье.

Изначально неприятели планировали наступление из Болгарии на Бессарабию, Одессу и дальше. Но переправу через Дунай должен был обеспечить флот. А устье Дуная оказалось перекрыто минными постановками, артиллерия и ракетные установки уничтожили турецкую дунайскую флотилию. От планов пришлось отказаться. Набег вражеского флота на Одессу был отбит. Англо-французская эскадра несколько раз навевдалась в Азовское море. Попытки захватить Таганрог, Мариуполь, Бердянск, Петровскую, Ейск были отражены. Нигде зацепиться не позволили.

Уже после Севастополя англичане и французы направили свой флот с десантами на Николаев. Но... опять напоролись на минные поля и на огонь береговых батарей. Повернули обратно. Высадились на Тамани — наступать на Екатеринодар и соединиться с немирными горцами. Но и это не получилось. Англо-французский десант отбили у Голубицких хуторов. Отбросили войско горцев, двигавшееся навстречу западным «освободителям». А потом и самих «освободителей» заставили убраться из Тамани. Ну а в Закавказье русские успешно наступали. Несколько раз громили турецкую армию, взяли Ардаган, Баязет, Карс, дошли до Эрзерума.

Так где же здесь «поражение»? К этому стоит добавить, что в Крыму с мощной неприятельской коалицией сражалось лишь около 10% русских войск! Причём далеко не лучших — серенькие армейские полки, а то и флотские экипажи. Но они перемололи и обескровили элитные, отборные части британцев и французов. А лучшие русские контингенты, в том числе корпус Лейб-гвардии, Гренадёрский корпус, стояли в Прибалтике, Польше, Бессарабии, ожидая вступления в войну Австрии — а может, и Пруссии. Они оставались полнокровными, свежими. За год были сформированы новые соединения, создано ополчение. Готовы были достойно встретить хоть одних австрийцев, хоть вместе с пруссаками.

Но... исключительно «вовремя» умер Николай I. Судя по всему, был отравлен. Потому что он никогда бы не признал поражения, которого не было. Сына, будущего царя Александра II, он обстоятельно готовил к царствованию. Однако наследника уже задолго, заблаговременно окружили либеральные советники. Убедили: война проиграна, надо мириться любой ценой... Правда, и цена оказалась гораздо ниже, чем изначальные проекты Пальмерстона. О расчленении России уже никто не заикался.

Наша страна вернула туркам занятые области с Карсом, Баязетом, Араганом, Кагязманом, Олты, с позициями возле Эрзерума. За это западная коалиция вернула Севастополь (который так и не взяла — но в договоре значилось, будто взяла), Балаклаву, Евпаторию, Керчь. Чёрное море признавалось нейтральным с запретом любым военным кораблям заходить туда. Россия лишалась права иметь флот и военные базы на берегах Чёрного моря, но и Турция лишалась тех же прав. Плавание по Дунаю объявлялось свободным, и как бы для этого русскую границу отодвинули от реки, дельту Дуная отдали туркам, а район Бессарабии, прилегающий к реке, — Молдавии. Также Россия лишалась завоёванных ещё по Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г. протектората над Молдавией, Валахией и Сербией, а также исключительного права покровительства христианам в Османской империи

Но самым главным было именно то, что Россия признала себя побеждённой! Это рушило всю систему международных отношений, которая существовала со времени Наполеоновских войн! Наша страна свергалась с роли одного из лидеров международной политики! Уступала её англичанам и французам! А во внутренней политике штампы «поражения» и «отсталости» стали инструментом для манипулирования царём, общественным мнением, открыли путь к радикальным реформам.

Нет, не к освобождению крестьян и не к переводу армии на всеобщую воинскую повинность. Эти преобразования готовил ещё Николай I, только не сумел и не успел осуществить. Грянула натуральная «перестройка». Триаду «Православие — Самодержавие — Народность» сменили другие приоритеты «Устность — Гласность — Гражданственность». Была порушена цензура, сохранившись лишь формально. Выплеснулся мутный поток либеральной литературы с оголтелым критиканством, оплёвыванием прошлого, национальным самоуничижением. Земская реформа породила либеральные говорильни по всей стране, кузницы «прогрессивных» кадров, причём получившие под свой контроль сельские системы

образования и здравоохранения. Суды присяжных замутили правосудие. Стали плодиться кружки революционеров, появились террористы.

Забурлил спекулятивный бизнес: банки, подряды, концессии, самые сомнительные и масштабные махинации. Развернулось внедрение в Россию иностранного капитала. Реформаторы продали американцам Аляску, сдали японцам Курилы. Повели атаки на Православную Церковь, на казачество. Уже с 1857 г. отменили таможенные тарифы, ограждавшие отечественную промышленность и бесившие англичан (эти тарифы и стали одной из настоящих причин войны). Россию затопил импорт. Промышленная революция, начавшаяся при Николае I, сменилась тяжёлым спадом и кризисом экономики. Даже оружие для армии стали закупать за границей.

Только Александр III сумел отчасти выправить положение, свернув реформы, разгромив революционеров, ужесточив государственный контроль во всех сферах. Снова добился рекордных успехов в промышленности и сельском хозяйстве. Но прообразы «катюш» так и остались забытыми — до советских времён.

ДЕСАНТ МИРОВОЙ ЗАКУЛИСЫ

С момента смерти лидера IV Интернационала идут споры о том, кем же был на самом деле Лейба Троцкий. Попытки восстановить его имидж и революционную репутацию активно предпринимались и в России, и за рубежом. Наибольшую известность получил семитомник российского исследователя В.З. Роговина «Была ли альтернатива?» Диапазон этих публикаций весьма широк — от апологетики, как у Роговина, до обвинений Троцкого в сталинском духе образца 1937 года и утверждений о том, что он был убежденным сионистом и руководителем масонской «Кремлевской ложи». Конечно, сводить роль Троцкого в истории к функции «прямого резидента сионистских кругов в России» по меньшей мере наивно. Точно так же можно назвать его и резидентом «Интеллидженс сервиса», с которым он был связан через Сиднея Рейли, или германской разведки — через Парвуса. То, что Троцкий был связан с сионистами и брал у них деньги, — это исторический факт. То, что Троцкого финансировали еврейские банкиры вроде Якоба Шиффа, одного из ведущих сионистов США того времени, а также Леб, Житловский и Рот-

УРОКИ ИСТОРИИ

шилды, теперь уже никто не отрицает. Факты эти достаточно широко известны. Но уж если говорить о финансировании революционеров, напомним, что и Маркс брал деньги у Ротшильда, а Ленин через посредников — у немецкого кайзера. Как и многие революционеры той поры, Троцкий исходил из того, что деньги не пахнут, и брал их там, где давали. В этом отношении он, как и другие революционеры, включая Ленина, был всеяден, что полностью соответствует приведенной выше характеристике «интернациональных» евреев-авантюристов, данной Уинстоном Черчиллем. Труднее доказать связь Троцкого с масонством, но есть ряд свидетельств, подтверждающих, что и она была. Вместе с тем он был одним из инициаторов запрета членам всех партий, входивших в Коминтерн, состоять в масонских ложах.

Биографы Троцкого из числа его почитателей всячески подчеркивают то, что Троцкий якобы не стремился к власти. Несмотря на все свои заслуги при подготовке и осуществлении Октябрьского переворота 1917 г., он не претендовал на роль вождя Советской России. Известно, что он отказался и от предложения Ленина возглавить ВЦИК под тем предлогом, что такое назначение еврея, по сути, на пост премьер-министра, второго человека в стране, вызовет антисемитские настроения (Троцкий Л.Д. *Моя жизнь*. М., 2001). Но возглавивший ВЦИК Л.В. Каменев (Розенфельд), а затем и сменивший его через десять дней Я.Свердлов тоже были соплеменниками Троцкого, но это не вызвало никаких возражений ни у Ленина, ни у Троцкого. К тому же Свердлов (Черный Янкель), действительно, был связан с мировой закулисой и сионистами через своих братьев и делал всё, чтобы убрать Ленина и занять его место. Заметим, что предупреждению Троцкого о засилье евреев в большевистских органах власти и в ВЧК не вняли.

Офицер штаба американского оккупационного корпуса капитан Монтгомери Шюлер в телеграмме, посланной 9 июня 1919 года в Госдеп США, докладывал о национальном составе этих органов следующее: «Здесь примерно 384 комиссара, включая 2 негров, 13 русских, 15 китайцев, 22 армянина и более 300 евреев, из которых 264 человека прибыли из Соединенных Штатов после падения императорского правления». И так было повсюду. Троцкий, кстати, и за власть в партии особо не сражался, и позволил обойти себя Сталину, за что потом и поплатился. Вместе с тем все, кто знал Троцкого, подчеркивают, что властолюбие было его отличительной чертой. Так в чем же тут дело? Троцкий, как очевидно, был одним из тех немногих, кто был посвящен в реальные планы мировой

закулисы, предусматривавшие запуск «перманентной революции» в глобальных масштабах. «Они», если взять терминологию Раковского, ему доверяли. Видимо, через Шиффа и Варбургов Троцкий знал о предстоящем, в ходе революции, разделе России по «плану Хауса» на шесть-восемь государств. Уже поэтому власть в России его интересовала куда меньше, чем власть общеевропейского масштаба и чем роль вождя мировой революции. Еврейский историк Симон Дубнов (1860—1941) достаточно подробно объяснил, что для Троцкого и его патронов из мировой закулисы революция в России была лишь начальным этапом революции мировой. Дубнов писал: «Революция развязала самые низменные инстинкты, но мы как-то должны выбраться из этой кровавой бойни. Нам никогда не простят ту роль, которую евреи сыграли в большевистском терроре. Еврейские коллеги Троцких и Урицких затмевают даже их самих».

Бурная деятельность Троцкого после революции, т.е. после того, как он дорвался до власти, только начинается, вот где он по-настоящему разворачивается! Захват власти дал Троцкому возможность развернуться во всех его ипостасях. Что большевики делали до захвата власти? Только одно — они захватывали власть. Теперь же задач у них было невпроворот, и все их дела начинались в голове у Троцкого. Троцкий был, как сейчас бы сказали, мозговой трест. И здесь весьма любопытно, что Троцкий не взял себе ни председательство СНК, которое он отдал Ленину, ни председательство ВЦИК, которое он отдал Свердлову. «Казалось, что коль скоро Ленин ему не мешал, Троцкий не раздражался дележом лидерства партии с Лениным, — продолжает С.Дубнов. — Казалось, что Троцкий не собирается руководить захваченной им страной». Правильно, для Троцкого Россия уже была пройденным этапом. Пока его планы на превращение революции в теперь уже революционную войну с Германией не потерпят поражение, Троцкий и не обратит внимания на Россию. На повестке стоял захват власти во всей Европе. На повестке стояла Мировая еврейская революция. Троцкий взял себе пост министра иностранных дел. Почему? Потому что для Троцкого то, что сделано, уже было сделано, и он это мог поручить своим товарищам. Его же задача была делать то, что еще не было сделано. Троцкий был тараном, он пробивал. Революция в России была для него свершившимся фактом, на очереди была Мировая еврейская революция, и Троцкий не мог ждать ни минуты. Троцкий хотел стать еврейским Мессией. А это дело такое, когда ни один еврей мешкать не будет.

Троцкому нужна была Европа. А Европа для Троцкого была в первую очередь Германией. Недаром евреи несколько лет изматывали Россию и Германию во взаимной войне. Для чего? Для того чтобы в обеих странах евреи могли забрать власть у истощенного войной народа. Таким образом, первым делом для Троцкого было не допустить мира с Германией и войти в Германию на штыках уже Красной армии, в то время как немецкая еврейская пятая колонна взорвет Германию изнутри. На 180 градусов изменилась позиция большевиков по отношению к войне после захвата власти. До своей революции они были оголтелыми пацифистами, но после революции стали такими же оголтелыми поджигателями войны. Потому что теперь война была нужна им. Вот почему Троцкий стал первым министром иностранных дел. Он был человеком, который брал или создавал именно тот комиссарский пост, какой ему был нужен.

20 декабря 1917 года Троцкий образует ВЧК, но, поскольку на тот момент его больше заботит мировая революция, он этот пост отдает своему товарищу-американцу Моисею Урицкому. Почему Урицкому, а не Дзержинскому? Потому что на тот момент, кроме Петрограда, ничего определенного в руках у большевиков еще не было, и только Петроград был столицей революции. Не было тогда никакого Дзержинского! Власть тогда они только брали в Москве, и большевистское правительство переедет в Москву только в марте. Вот тогда появятся ВЧК и Дзержинский, а до этого были только Петроградская ВЧК и только Моисей Урицкий — царь, и бог, и воинский начальник. Именно таким образом, по недосмотру Троцкого, который срочно заваливал переговоры с немцами, пост московского ВЧК (а по переезде правительства в Москву — Всероссийского ВЧК) уплыл от Троцкого к Дзержинскому, и которого в связи с этим Троцкий в 1925 году так уберет, но будет уже поздно. В декабре же 1917 года, когда весь большевистский режим ограничивался одним Петроградом, Троцкий организовал ВЧК и поручил его своему вернейшему человеку, «американскому товарищу», за которого он мог поручиться на все 100% — Моисею Урицкому, и Урицкий тут же приступил к кровавой зачистке Петрограда.

«Люди Троцкого занялись Москвой, — заключает С. Дубнов, — а Троцкий занялся мировой революцией в Германии. Впоследствии именно концентрация на мировой революции в Европе и приведет к тому, что Троцкий упустит власть внутри страны. Но тогда, сразу после революции, Троцкий контролировал положение в партии и внутри страны полностью. Деньги и власть были его — Троцкого» (Дубнов С. Русско-

еврейская интеллигенция в историческом аспекте. Еврейский мир (Париж), 1939).

Честолюбие Троцкого, действительно, не знало границ. В революцию он пришел без какой-либо серьезной теоретической подготовки. У него не было даже высшего образования, и ни в одном из его трудов не найти подтверждения глубокого знания марксизма. Троцкий не был теоретиком, хотя и предпринимал такие попытки, выступив с теорией «перманентной революции» и став одним из основателей Коминтерна. Он, прежде всего практик, трибун революции, организатор восстаний и переворотов, на волне которых хотел прийти к власти. Не случайно в РСДРП он получил кличку Бонапартист. В своей биографии он писал: «Решающее влияние на меня оказали два этюда Антонио Лабриолы о материалистическом понимании истории. Только после этой книги я перешел к Бельтову (псевдоним Г. Плеханова. — В.Б.) и «Капиталу». У Лабриолы, который марксистом в строгом смысле этого слова не был, Троцкий, видимо, привлекло его утверждение об определяющей роли личности в истории. А Лейба Давидович, судя по его биографии и трудам, именно такой личностью себя и считал. Признаем, что основания у него для этого всё же были. В ходе революции 1905 года он стал признанным вожаком восставших и при подготовке и осуществлении Октябрьского переворота именно он, а не Ленин и тем более не Сталин, сыграл решающую роль. Тут Д. Рид, автор книги «Десять дней, которые потрясли мир», прав. Да и Сталин поначалу это признавал. «Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета т. Троцкого, — писал он через год после этого переворота в «Правде». — Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому» (Сталин И.В. Октябрьский переворот. «Правда», 6 ноября 1918 г.).

Троцкий не ответил Сталину взаимностью. В октябре 1924 года он публикует статью «Уроки Октября», помещенную в третьем томе его собрания сочинений в качестве предисловия. В статье он не поскупился на комплименты в свой адрес как «организатора Октябрьской революции» и, напомнив читателям, что Зиновьев и Каменев вообще были против выступления, заметил, что и Сталин в нём вообще никакой роли не сыграл. Этого Сталин ему не простил.

Троцкий скрупулезно работал над своим имиджем и тщательно готовил документацию для утверждения своей роли в

российской и мировой истории. Он безудержно, как сказали бы сейчас, себя пиарил. Целый штат стенографисток и машинисток фиксировал все его речи и заявления, записки и ценные указания. Он активно раздавал интервью, предпочитая при этом иностранные СМИ. Еще при жизни в СССР он издал десятитомник своих сочинений. Из вождей Октября он стал первым, чьим именем был назван город? — Гатчину переименовали в Троцк. А там пошло-поехало. Когда Троцкого выдворили за границу, он увез с собой два вагона своих архивов. Он шагал в историю семимильными шагами. Но всё оборвалось, потому что Троцкий недооценил роль партийной бюрократии, которая его в конечном итоге и съела под руководством Сталина. Его последняя попытка осуществить свой «18 брюмера» в 1927-м, в годовщину Октября, закончилась, однако, тем, что его сторонников закидали гнилой картошкой и поленьями дров, а самого чуть не вытащили из машины на большевистский суд Линча. Ну а что касается других евреев в руководстве РСДРП-ВКП(б), то они первыми, как Каменев и Зиновьев, выступили с осуждением Троцкого. А Зиновьев даже не раз требовал арестовать Троцкого, против чего выступал Сталин. Он же подчеркивал: «Мы боремся против Троцкого, Зиновьева и Каменева не как против евреев, а как против оппозиционеров».

Троцкий же, комментируя эти слова Сталина, впоследствии писал в своей книге «Сталин»: *«Это сознательно двусмысленное заявление, направленное против «эксцессов» антисемитизма, в то же время совершенно преднамеренно питало его: «Не забывайте, что вожди оппозиции — евреи» — таков был смысл заявления Сталина, напечатанного во всех советских газетах»*. Разгон демонстрации оппозиционеров 7 ноября 1927 г. сопровождался выкриками «Бей жидов!», «Бей жидов-оппозиционеров!» (Цит. по: КЕЭ. Т. 8. Кол. 573—579).

Роль Троцкого в России была, конечно, куда масштабнее, чем роль эмиссара международного сионизма, посланного в Россию для уничтожения Царской семьи по сценарию всемирного «жидо-масонского заговора» и развала Российской Империи. Увы, эта концепция получила воплощение даже в кинематографе, в частности, в документальном фильме «Лев Троцкий. Тайна мировой революции» (автор — Елена Чавчавадзе, режиссер — Галина Огурная). Фильм выполнен в классических традициях конспирологии. Как сообщалось в рекламе фильма, Троцкий фигурирует в нем как *«инструмент в борьбе американских банковских кругов и мировой организации масонов, представляемой Парвусом против великих нацио-*

нальных держав накануне и во время Первой мировой войны, инструмент в борьбе за установление нового мирового порядка».

Где правда в этих утверждениях, где ложь, спор идет не первый год. Для прояснения вопроса отмечу лишь несколько моментов. О роли Троцкого в революции у нас довольно долго вообще помалкивали. Будто его и не было вовсе. Он не сгинул, как его последователи, в годы Большого террора, а был убит 21 августа 1940 года агентом НКВД без суда и следствия по приказу Сталина. При советской власти Троцкий так и не был официально реабилитирован ни при Хрущеве, который сам был троцкистом, ни после него. Не рискнул этого сделать даже Горбачев. В 1987 г. в ходе торжеств по поводу 70-летия Октябрьского переворота он от лица КПСС «осудил историческую роль Троцкого» (Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. «Коммунист». 1987. №17. С. 10—11).

Реабилитировала его Прокуратура РФ 21 мая 1992 г. — при Ельцине, по ходатайству общества «Мемориал», которое, как известно, специализируется на реабилитации жертв Большого террора. Жертвами красного террора это общество не занимается, хотя их было куда больше, чем жертв сталинских репрессий.

Троцкий к еврейству относился так же, как Маркс, а к сионизму — как Ленин. Так, на II съезде РСДРП (1903 г.) он выступал против Бунда, утверждая, что несмотря на свою оппозицию сионизму, Бунд усвоил националистический характер последнего. В отличие, например, от Свердлова и Зиновьева Троцкий считал себя не еврейским революционером, а прежде всего интернационалистом и с детства предпочитал говорить на русском и украинском, а не на идише, хотя идиш хорошо знал. Проеврейских, а уж тем более просионистских высказываний Троцкий всегда избегал. Сионисты пытались привлечь Троцкого на свою сторону уже после того, как он обосновался в Мексике. Незадолго до его смерти к нему приезжала одна из видных сионисток под видом журналистки и предлагала ему переселиться в Палестину. Троцкий был растроган таким предложением, но в Палестину всё же не поехал.

Еврейская энциклопедия в статье о Троцком пишет о его отношении к еврейству и сионизму следующее: «В начале своей политической карьеры Троцкий не проявлял большого интереса к еврейскому вопросу. Подобно большинству своих единомышленников-марксистов, Троцкий не признавал евреев особым народом и был сторонником ассимиляции.

Решение еврейского вопроса представлялось Троцкому возможным лишь с помощью революционного преобразования общества в мировом масштабе. Тем не менее Троцкий всегда сознавал, что его еврейское происхождение накладывает на него некоторые политические ограничения. Действительно, в белогвардейской пропаганде Троцкий часто изображался воплощением еврейского господства в России, еврейского характера советской власти.

В своих статьях до и после революции Троцкий последовательно выступал против погромов и всяческих проявлений антисемитизма. Он считал, что еврейское происхождение было одним из факторов, способствовавших его поражению во внутривнутрипартийной борьбе. Уже в эмиграции он писал, что Сталин использовал антисемитизм в борьбе с оппозицией, в частности, во время суда над Зиновьевым и Каменевым (1936 г.). В интервью американской еврейской газете «Джуиш дэйли форвард» (1937 г.) Троцкий сказал, что угрожающий рост антисемитизма в нацистской Германии и в сталинском Советском Союзе привел его к выводу о необходимости территориального решения еврейского вопроса; он не верил, однако, что такое решение может быть достигнуто в Палестине. Он полагал, что территориальное решение может быть успешным только после победы интернационального социализма в мировом масштабе. В начале Второй мировой войны Троцкий высказывал опасения, что Палестина станет не безопасным убежищем для гонимого еврейского народа, а смертельной ловушкой. Но не только в этом прослеживаются его разногласия с сионизмом и его первооснователем Теодором Герцлем.

Троцкий делал ставку на «интернациональных евреев», которых он надеялся использовать также успешно в разжигании мировой революции, как он это сделал при подготовке революции в России. Сионисты ему в этом мешали, составляя нежелательную конкуренцию в еврейской среде. При его жизни международный сионизм еще не набрал той силы, того мощного влияния на мировую политику и экономику, которым он отличается сегодня. Поэтому, будучи заодно с сионистами идейно и духовно в предреволюционные годы, Троцкий на союз с ними не пошел.

В 1930-х годах в Эрец-Исраэль существовали группировки последователей Троцкого, создавшие так называемую Революционную коммунистическую партию. Большинство их вскоре покинуло страну. Троцкисты разных толков, как правило, выступают против сионизма и государства Израиль, нередко солидаризируясь с самыми крайними формами

арабского национализма. Троцкистские идеи нашли выражение в идеологии, существовавшей в Израиле в 1970-х годах левоэкстремистской группы «Мащпен».

На Троцком много крови. Это он дал приказ «Превратить Черное море в красное». Он один из главных палачей русского народа, в первую очередь автор геноцида казачества на Дону и Кубани, а также белых офицеров в Крыму, один из главных организаторов русского холокоста. Уже 17 декабря 1917 г. в своем обращении к кадетам Л. Троцкий заявляет о начале стадии массового террора по отношению к врагам революции: «Вам следует знать, что не позднее чем через месяц террор примет очень сильные формы по примеру великих французских революционеров. Врагов наших будет ждать гильотина, а не только тюрьма» (Ланцов С.А. Террор и террористы: словарь. СПб.: Изд-во СПбУ, 2004). Само понятие «красный террор» было сформулировано именно Троцким в его работе «Терроризм и коммунизм» как «орудие, применяемое против обреченного на гибель класса, который не хочет погибать» (Троцкий Л. Терроризм и коммунизм. С. 64; Арутюнов А. Досье Ленина без ретуши).

В глобальном плане русский холокост полностью соответствовал планам международного сионизма и мирового масонства, основных столпов мировой закулисы, начавшей активно осуществлять свой проект установления мирового господства крупного капитала еще со времен Великой французской революции. Уже тогда стратеги этой глобальной операции планировали захват территории России с ее гигантскими природными богатствами путем «освобождения» наших земель от их населения, прежде всего славянского. Осуществить эти планы в начале XX века мировая закулиса попыталась путем «мировой революции». Троцкому, которого в России в то время называли Лейбой Кровавым, в этом заговоре была отведена далеко не последняя роль.

В российских архивах есть прямые подтверждения того, что Троцкий всячески способствовал успеху иностранной интервенции. Известно, что его предательская позиция «ни мира, ни войны» привела к срыву Брестских переговоров, что обернулось немецкой оккупацией Украины, Белоруссии и Прибалтики. 1 марта 1918 г. во время переговоров о заключении Брестского мира Троцкий направил телеграмму председателю Мурманского краевого Совета рабочих и солдатских депутатов троцкисту А. М. Юрьеву, которого он знал лично еще по эмиграции в Нью-Йорке с указанием: «...принять всякое содействие союзных миссий». Юрьев заключил соглашение Мурманского Совета с представителями Антан-

ты, в результате чего англичане без всяких боев оккупировали Мурманск. Потом, чтобы уйти от ответственности, Троцкий обвинил Юрьева в предательстве. Будучи наркомвоенмором, Троцкий спровоцировал бунт чехословацкого корпуса, который передвигался по Транссибирской магистрали к Владивостоку для эвакуации на родину через Панамский канал. Во время обороны Царицына И.В. Сталин потребовал от руководства Советской России отозвать Троцкого, так как заподозрил его в предательстве. В результате совместных интриг Свердлова и Троцкого из Царицына в Москву отозвали Сталина. И вскоре вслед за этим выпестованная Троцким, его «краса и гордость» — 11-я «железная» дивизия, посланная им на помощь Царицыну после отзыва оттуда Сталина, вместо включения в борьбу перешла к белым в парадном строю под музыку с развернутыми знаменами, что осталось без всяких последствий для наркомвоенмора Троцкого.

По его приказу был практически уничтожен Черноморский флот — гроза и слава России. То же самое было проделано с Тихоокеанским флотом. Но приказу Троцкого уничтожить Балтфлот не подчинился Алексей Михайлович Щастный, морской офицер, назначенный начальником морских сил Балтийского моря. Он вывел флот в Кронштадт и таким образом спас его. За такое «неподчинение приказу» русский патриот Щастный был расстрелян по личному указанию Троцкого. В списке русских патриотов, загубленных лично Лейбой Кровавым, он занимает одно из первых мест.

Роль Троцкого как «эmissара мировой закулисы» в осуществлении ее планов по разгрому России прослеживается на всех этапах его биографии. Его роль в создании перед Второй мировой войной антисоветского фронта под флагом IV Интернационала органично вписывалась в общую стратегию антикоммунизма. И тут Троцкий в точности последовал наставлениям вождя сионистов-ревизионистов Зеева Жаботинского: «Тот, кто хочет служить сионизму, не может не бороться против коммунизма». Троцкий же не стал сионистом не только потому, что был все-таки профессиональным революционером. Для него сионизм был всего лишь одним из рычагов мировой революции, а поэтому принадлежность к еврейству была для Лейбы Давидовича делом второстепенным, и когда этого требовали обстоятельства, он не щадил даже своих соплеменников. Именно поэтому ни сионисты, ни раввинат не считали Троцкого своим.

Мало кто знает, что раввины предали Троцкого самому страшному проклятию в иудаизме — «Пульса де-нура». В талмудической литературе это выражение означает в пример-

ном переводе «болезненное наказание на уровне нефизического, сущностного мира». Троцкий действительно принял страшную смерть — его убили ударом по голове ледорубом. «Пульса де-нура» сработала.

Но одно дело — средневековая мистика, а другое — реальные дела Троцкого. Все перечисленные выше факты говорят о том, что Троцкий под красным флагом, а затем уже в эмиграции под штандартом 4-го Интернационала объективно способствовал утверждению в России господства его соплеменников, химеризации России под видом советской власти. И хотя история не приемлет сослагательного наклонения, можно со всей уверенностью сказать, что не одолей Сталин Троцкого, Советская Россия неминуемо превратилась бы в государство-химеру, в котором русские были бы на положении граждан второго сорта, как это и было в первые годы после революции, а потом погибла бы, как Хазарский каганат. Развал Советского Союза, осуществленный последователями Троцкого, — самое убедительное тому подтверждение.

Продолжение следует

ВЛАСТИ С ЭТИМ СМИРИЛИСЬ?

Недавно «топовой» новостью стала трагедия в селе Мошково под Новосибирском, где инспектор ДПС при задержании случайно застрелил 19-летнего азербайджанца. Инспектор, конечно, виноват и ответит по закону. Но самое любопытное произошло уже после трагедии: в Мошково прибыли на десяти автомобилях полсотни вооружённых азербайджанцев, которые, окружив отделение полиции, потребовали выдать им на расправу виновника убийства, грозя в противном случае расстрелять всю его семью. Пришлось вызывать ОМОН. И если в первом случае произошедшее называется «трагедия», то во втором — «беспредел».

Разумеется, дэпээсник никого убивать не собирался. Патруль автоинспекторов пытался задержать машину с тонированными стёклами, та убежала, а когда её тормознули, то обнаружили там трёх наглых молодых азербайджанцев, похоже, искренне не понимающих, какие к ним могут быть претензии — они же ведут себя «как всегда»... Когда сопротивлявшегося водителя стали сажать в машину, ему на помощь бросился товарищ по имени Векиль. Понимая, чем дело может

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

кончиться, 38-летний инспектор ДПС достал табельный пистолет и передёрнул затвор, но при этом (очевидно, по причине нечастого обращения с оружием) на предохранитель его не поставил, и в итоге, уже скрутив парня и положив лицом на капот, случайно нажал на спуск. Последнее отчётливо видно на выложенном в интернет видео, где напарник стрелявшего в непечатных выражениях орёт потрясённому убийце нечто вроде «Что ты наделал?! Ты же его убил!»

Парень умер на следующий день в больнице. Что тут скажешь? Жалко его, чудака, сначала игравшего в догонялки с полицией, а потом полезшего отбивать у неё задержанного приятеля. Жалко и инспектора, ставшего невольным убийцей: против него уже возбуждено дело по двум статьям УК России: «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности» и «Превышение должностных полномочий». Но больше всего мне жалко нашу страну, где собравшаяся толпа «единокровных» с оружием может вот так запросто приехать и потребовать выдать им на расправу человека, которого считает виновным, или его семью.

Дикость какая-то, настоящая махновщина в духе гражданской войны! Которой у нас вроде бы пока нет. Или уже есть? Ведь ОМОН и вооружённая толпа азербайджанцев запросто могли начать палить друг в друга, если бы главе азербайджанской национально-культурной автономии Расиму Сахиб-оглы Бабаеву не удалось охладить пыл земляков, убедив подождать результатов расследования. Результаты-то, конечно, будут, как и суд, и приговор. Вот только понравятся ли они решительным ребятам из диаспоры? А если нет, то что они выкинут в следующий раз?!

А теперь скажите мне: кто-нибудь может себе представить, что в том же Баку отделение полиции берёт в осаду толпа вооружённых русских из бакинской диаспоры, требуя выдать им на расправу азербайджанца, случайно застрелившего или сбившего насмерть на машине русского парня? Я тоже не могу. Так почему же в нашей стране аналогичные действия со стороны «обнаглевших» диаспор, уверенных, что здесь, в России, им можно всё, не просто происходят, но и запросто сходят им с рук?!

Может быть, всё дело в том, что сами азербайджанцы никого в России не убивают? Нет, случаев подобных, увы, предостаточно:

2013 год. Азербайджанский гастарбайтер Орхан Зейналов убил заступившегося за свою девушку Егора Щербакова, что стало причиной беспорядков в Бирюлёво.

2014 год. 23-летняя Юлия Пыхтеева убита азербайджанцем, которого ранее обвинила в изнасиловании.

2016 год. В посёлке Махнево азербайджанец Шамхал Гаджиев перерезал горло в собственном доме Денису Железнову. В том же году в Санкт-Петербурге азербайджанец зарезал хозяйку, сдававшего ему квартиру.

2020 год. В центре Санкт-Петербурга охранник фирмы азербайджанец Заур Каримов выстрелом из травматического пистолета в упор в голову убил студента Владислава Голикова.

Мало? Список можно продолжать, и он будет достаточно длинным. Но для нас важно то, что, несмотря на явно «неслучайный» характер всех этих убийств, ни в одном из этих случаев (как и ни в одном из всех остальных) не было прецедента, чтобы отделение полиции блокировало съехавшаяся отомстить толпа вооружённых русских, требуя выдать преступника и угрожая вырезать его семью. Случись такое, «народных мстителей» в два счёта повязал бы ОМОН, а либеральные СМИ месяц рыдали бы о «возрождении русского фашизма». В случае же с диаспорами (не только азербайджанской, разумеется) в их исполнении подобные вещи сегодня уже даже никого не удивляют.

Законы-то у нас хорошие...

Что там говорит статья 109 УК России «Причинение смерти по неосторожности»? Наказание сроком до трёх лет. А что там же предусмотрено за «массовые беспорядки» (статья 212 УК России), да ещё с применением оружия, угрозами убийством и препятствиями работе правоохранительных органов? За одно только участие в подобном — от трёх до восьми лет. За призывы (вовлечение других лиц) — от пяти до десяти лет. А за организацию — от восьми до пятнадцати лет.

То есть, если всё будет по закону, то горячие азербайджанские парни должны получить за свои проделки сроки существенно большие, чем даже совершивший тот злополучный выстрел горе-полицейский. Но вот вопрос — получат ли?! Ибо не подлежит сомнению, что вмешается влиятельная азербайджанская диаспора, будут задействованы деньги и связи, чтобы представить вооружённых бандитов героями-правдолюбцами, а стрелявшего полицейского — злокозненным убийцей, целенаправленно отстреливавшим (очевидно, «по причине национальной нетерпимости») именно азербайджанцев.

Насколько деньги и связи сегодня выше и приоритетнее любого закона, видно на другом характерном для современной России примере. В июле 2019 года в подмосковном Иваново нелегальный мигрант-азербайджанец Фазиль Балаев, по предварительным данным, находившись под воздействием алкоголя и наркотиков, оскорбил (а по другой версии — избил) русскую девушку. Та позвала друзей, и в драке один

из них, Анатолий Грудистов, на которого бросились сразу трое, стреляет в одного из них из травматического пистолета (разрешение на пистолет имелось). Попал неудачно — в глаз, и нападавший умер. Типичным непреднамеренным убийством признан это суд присяжных, приговоривший Анатолия к ограничению свободы на 1,5 года.

Но не тут-то было! Подключилась диаспора, и в итоге новый суд с новыми присяжными на основании итогов того же следствия и тех же показаний свидетелей переквалифицирует дело в умышленное убийство. И парню, добровольно сдавшемуся и написавшему явку с повинной, дают уже восемь лет!

Сознание любого народа национально по определению: ибо каждый нормальный человек любит свой народ. А вот с патриотизмом сложнее. Если сознание «государствообразующего» народа патриотично всегда, т. к. государство воспринимается «своим», то с сознанием «малых» народов и этнических групп, как говорится, «возможны варианты». Одни из них связывают свою историческую судьбу с судьбой государствообразующего народа, создавая с ним симбиоз и решая общие задачи при сохранении собственной самобытности. Другие же следуют «диаспорным» подходам, воспринимая себя как анклав в чужой стране, задача которого — поддерживать «единокровных» и «единоверных» в конкуренции с коренными народами за место под солнцем. В зависимости от этого выбора приверженность человека своему народу может с точки зрения интересов страны пребывания быть как патриотичной, так и антипатриотичной.

Судя по всему, ряд проживающих в России (и частично получающих гражданство) диаспор являются обладателями именно «диаспорного» сознания. Этому способствует, к сожалению, далёкая от совершенства национальная политика России, в значительной степени построенная и сегодня на либеральных стереотипах 90-х. Согласно которой даже русский народ, составляющий в созданной его предками России почти 80% населения, только недавно, да и то в максимально закамуфлированной форме, был внесён в Конституцию в качестве «государствообразующего».

Не говоря уже о том, что русских наши власть имущие то и дело именуют «цементом» — этакой связующей плотные кирпичики малых народов и диаспор клейкой субстанцией, вся функция которой — не позволить этим «кирпичикам» расползтись в разные стороны. Что само по себе — глупость: дом, на 80% состоящий из цемента, рухнет при первой же серьёзной нагрузке. Значит, русские — нечто другое: фундамент, на котором строится весь каркас единой государственности

России. Но и это окопавшиеся в ряде ведомств либералы нипочём не хотят признать: для них «союз равноправных народов, исторически сложившийся вокруг русской основы», куда понятнее и доступнее идеи американского «плавлильного котла» или европейских «гражданских наций», трещащих ныне под напором инокультурной миграции.

Диаспоры чувствуют эту внутреннюю слабость России и всюю ею пользуются. Сплочённые, обладающие круговой порукой и широкими коррупционными связями диаспоры получают перед русским (и другим «коренным») населением массу преимуществ. Тем более что любые попытки как-либо воспрепятствовать этой ползучей аннексии воспринимаются местными властями, весьма дружными (разумеется, совершенно бескорыстно!) с местными же диаспорами, как «нарушение межнационального мира».

Помните, как те же азербайджанцы совсем недавно гоняли по Москве с азербайджанскими и турецкими флагами, празднуя победу в Карабахе? Скольких из них привлекли к ответственности за несанкционированные политические акции? Нисколько. И вот теперь, как видим, такие же кавалькады машин, но уже с вооружёнными пассажирами, готовы выехать в любую точку, чтобы навязывать «правосудие по-азербайджански», как они его понимают. А ведь Азербайджан сегодня находится под сильнейшим влиянием Турции с её «пантюркистским» проектом, сверхпопулярным и среди живущих в России азербайджанцев. Так что нельзя исключать, что скоро мобильные вооружённые банды начнут разъезжать по стране с турецкими флагами, например, насаждая «общетюркское единство» и преследуя его противников.

Впрочем, не в одних азербайджанцах дело — ряд других диаспор ведут себя не лучше. От памятных межнациональных побоищ среднеазиатских гастарбайтеров, делящих рынки труда, сегодня диаспоры переходят к захвату наиболее перспективных, по их мнению, сфер бизнеса, вытесняя оттуда русских. Вспомним хоть недавний инцидент в Ленинградской области, где толпа таксистов-таджиков зверски избила с применением бит и ножей троих русских, которых ошибочно приняла за конкурентов, осмелившихся (в своём родном городе!) заняться частным извозом. Интересно, это мне одному кажется, что вмешательство соответствующей диаспоры наверняка позволит если не всем, то абсолютному большинству из этих преступников уйти от ответственности или отделаться символическим наказанием?

Что же касается «межнационального согласия» и его нарушителей...

Есть такая детская шутка: «Будьте как дома, но не забывайте, что вы в гостях». Она в полной мере применима ко всем диаспорам, не относящимся к нашим коренным народам. Люди, их составляющие, должны твёрдо усвоить, что по своему правовому статусу находятся в России «в гостях» и в качестве таковых обязаны вести себя так, как в этом доме принято. Как минимум — «не класть ноги на стол».

Тем более — не пытаться навязать дому, где живёшь, свои нормы, обычаи и правосудие. Это в полной мере относится и к той части диаспор, которая уже имеет гражданство России, а возможно, и родилась здесь. Как бы ни нравились им подходы и обычаи их «исторической родины», они должны твёрдо усвоить, что, коль скоро живут здесь и являются нашими гражданами, то в первую очередь должны вести себя, как положено нашим гражданам.

Если же кому-то приходит в голову навязать нам свою «национальную специфику», тем более в таких дикарских формах, как это делалось в селе Мошково, то отвечать они должны по полной — не только как совершившие уголовно наказуемое деяние, но и как подрывающие то самое «международное единство» нашей страны — одну из наших государственных основ.

Так должно быть. И прямая задача как правоохранительных структур, так и структур, занимающихся у нас национальной политикой, — донести до сознания диаспор эти простые истины на уровне безусловных рефлексов. Если потребуются — жёсткими методами. Только в этом случае в лице диаспор Россия будет иметь лояльного себе соратника в общем деле, а не мину замедленного действия.

Андрей ЗАХАРЧЕНКО

«ОЧЕНЬ ХИТРАЯ ШТУКА»

Похоже, эту дату — 31 марта 2021 года — стоит обвести в календаре красным фломастером. Потому что в этот день официальный Кремль таки признал, что демографическая ситуация у нас в стране очень тяжелая и выправить ее никак не получается.

Пресс-секретарь российского президента Дмитрий Песков прямо так и сказал журналистам: *«Это, безусловно, про-*

блема. В целом наша демографическая ситуация находится сейчас в очень плохом положении. Действительно, принимаются весьма и весьма интенсивные меры на то, чтобы вот эти демографические ямы, чтобы они минимальным образом сказывались, но все-таки демография — это штука очень хитрая, и пока, по объективным причинам, полностью эту ситуацию выправить не получается. В разных регионах России — разная динамика демографическая».

А вспомним, какие пышные дифирамбы пелись в адрес партии власти и правительства еще в 2013 году, когда в первые четыре месяца года рождаемость выросла по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 1,5% (8,7 тысячи детей). Тогда, например, замминистра труда и социальной защиты бодро рапортовал: с 2007 года рождаемость в стране выросла на 29%, а смертность снизилась на 12%, и всё благодаря специальным государственным мерам. Для выхода из демографического кризиса, отмечал чиновник, Россия не только приняла долгосрочную программу по стимулированию рождаемости и снижению смертности населения до 2025 года, но и неукоснительно ее выполняет: власти ввели материнский капитал и «родовой сертификат», повысили пособия по уходу за детьми до полутора лет, стали платить за третьего ребенка, выдавать землю для ИЖС многодетным семьям, увеличили льготы для работающих родителей, а для мам в декрете запустили бесплатные программы профессиональной переподготовки по востребованным профессиям.

Однако профессионалы считали, что радоваться рано. «В ближайшей перспективе — год, два, три — начнется колоссальное падение числа рождений и одновременно рост числа смертей, — предупреждал в 2014 году, в частности, замдиректора Института демографии ВШЭ Сергей Захаров. — Поэтому естественная убыль будет нарастать очень быстро. Прирост в 2013 году скорее случаен, чем закономерен. Его могло бы и не быть, это — стечение обстоятельств».

И ведь как в воду глядел — с демографией стало не плохо, а очень плохо. Кремлю пришлось искать новые аргументы — «в духе времени». В январе прошлого года тот же Дмитрий Песков пламенно уверял: *«Любой специалист в области демографии и социологии» согласится, что если бы государство не принимало меры по поддержке рождаемости, то темпы сокращения населения были бы ощутимо более быстрыми. При этом он отдельно подчеркивал, что из-за потерь во Второй мировой войне в России в принципе осталось мало женщин, которые могут рожать, но власти принимают меры, чтобы стимулировать рост рождаемости, так что уже в краткосрочной*

перспективе результат их действия будет «обязательно заметен».

Что же мы наблюдаем в той самой «краткосрочной перспективе»? А то, что Россия продолжает сползать в демографическую пропасть.

О фактической неспособности российских властей повлиять на удручающую демографическую ситуацию в стране заявляют и демографы: за период нахождения у власти трех российских президентов население страны сократилось на миллионы человек. «Это результат того, что наша верховная власть со всем ее аппаратом в области демографии занимается самоуправством, — констатировал в беседе с «СП» демограф, академик РАЕН, доктор мед. наук, профессор Игорь Гундаров. — Выражается это в том, что начальники занимаются решением вопросов, мало того что не разбираясь в них, так еще и не согласовывая свои действия с реальными специалистами. До сих пор не создали независимую экспертную научную госкомиссию, с самого момента прихода Владимира Путина к власти ничего подобного сделано не было. А ведь президент тогда правильно замечал: если печальная даже на тот момент история с демографией будет продолжаться, то само существование нации окажется под угрозой».

Свободная Пресса

Андрей ВЫПОЛЗОВ

МЕНТАЛЬНЫЙ БЛИЦКРИГ

Оперируя военно-политическими терминами времен Великой Отечественной войны, но в новой, «ментальной» обработке, пора наконец сказать, что война в российском эксклаве — Калининградской области — идет на протяжении всех последних 30 лет. Причем, война партизанская. Калининградским информационным партизанам, оставшимся без патронов, но с одной только верой в Победу остается ждать подмоги, дичая и обрастая бородами. А тем временем в Калининградской области живет и работает сонм коллаборационистов, присягнувших оккупантам и составляющих костяк новой администрации. Есть свой рейхскомиссар, время от времени наводящий

нойорднунг (новый порядок). Есть показательные расстрелы (все на идеологическом уровне, конечно). Например, был публично «расстрелян» доктор исторических наук, блестящий публицист Владимир Шульгин, которого уволили из Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта за то, что он «мутил воду», то есть выступал против увековечивания имени немецкого философа в памяти русского университета (в самой Германии нет вуза с именем Канта!). Навязывание европейского образа жизни (точь-в-точь украинская методичка с прогерманской огранкой) лишь один раз прерывалось, когда заалела Крымская заря и федеральные органы проредили в Калининградской области германские НКО, работавшие на поддержание тезиса, озвученного Владимиром Мединским: «Чтобы мы сами поняли, что Калининград — не наш». После Крымской весны на западном рубеже России наступила осенняя безнадега, после чего региональная компрадорская элита сконцентрировалась, научилась на своих и чужих ошибках и пошла в бой с новыми силами.

Прежде всего следует констатировать, что коммерческое публичное пространство Калининграда тотально заполнено немецкоязычными вывесками и слоганами. Имя им легион. Вот лишь сезонный срез. Уже никого не удивляет, что в Калининграде есть минеральная вода, пиво, шоколад, торты с названием Kenigsberg — именно так, немецкими буквами (к счастью, нет хлеба с именем мертвого города, но лиха беда начало). Недавно, в День работника культуры, библиотекари, педагоги и музейщики получили от муниципальной власти баночки с вареньем «Вкусный Кёнигсберг». Представьте, что в Польше мэр Гданьска дарит работникам культуры печеньки «Смачный Данциг». Поляки тоже не могут представить. Но в Калининградской области вся эта провокационная работа подается как «историко-культурное наследие России».

В канун Дня работника культуры открылась выставка с названием, от которого за километр несет сепаратизмом. Речь идет об экспозиции черно-белых снимков жителей Калининградской области (есть даже курсанты военного училища) под названием «Новый балтийский этнос». Так известный в Калининграде фотограф Юрий Павлов предлагает именовать россиян из самого западного российского региона. Но никому из властей предрержащих до этого вновь не было дела. Более того, калининградская общественная организация «Союз фотохудожников», директором которой являлся Павлов, в январе 2021 года получила президентский грант на проект «Радио Инстантопия 2021» по обмену творческими идеями между российской и германской молодежью из Калинин-

града и Берлина. Вот так, творчески — сладко и весело — сдают Калининградскую область.

Калининградская бизнес-элита и подпевающая ей интеллигенция умудряется доказывать: это «просто история нашего края». Уважайте, мол, краеведение! Такие объяснения наивны и убоги, достаточно провести параллель с российским Крымом. Как вы считаете, уважаемый читатель, если завтра крымские предприниматели начнут шлепать вывески на украинской мове (при всем том, что юридически украинский и крымско-татарский — госязыки республики), крымские музейщики начнут выставлять экспонаты, прославляющие Украину в веках, а крымские журналисты вкупе с блогерским планктоном станут объяснять этот перекося «уважением к украинской истории»?.. Москва и крымчане вряд ли не допустят украинизации нового субъекта Федерации. А вот в Калининградской области происходит интенсивная германизация. Начиная прямо с аэропорта «Храброво», где от «Кёнигсберга» на сувенирах, магнитиках, майках и трусах рябит в глазах, и заканчивая магазинами «Кёнигсбекер», «Кёнигбрау», «Кант-маркет» и прочее. Популярный в Германии видеоблогер Уве Нимайер, получивший в прошлом году российское гражданство, недоумевает: «Зачем в Калининградской области надо создавать эрзац-Германию?». «Я не понимаю логики россиян, превращающих Калининград в жалкое подобие немецкого заштатного городка, — поделился своими соображениями с обозревателем «Совершенно секретно» Нимайер. — У немецких туристов эта «немецкость» вызывает лишь брезгливость. Я знаю, что немцы едут в Калининград не только для того, чтобы увидеть сохранившиеся памятники истории, но и оценить русский дух, посмотреть на российский отпечаток. Но что они видят? Русские массово строят новоделы «как в Германии», всюду пишут по-немецки: Kenigsberg, Kenigsberg, Kenigsberg и собираются снести единственный по-настоящему впечатляющий символ России, пусть и красной, — Дом Советов. Что же касается объяснений, что эта «немецкость» создается для российских туристов, то я отказываюсь вообще понимать что-либо. Если условный Иван Иванов интересуется историей, бытом Германии, то он спокойно отправляется в путешествие в ФРГ. И Иванов так и делает. Я видел в немецких городах толпы русских туристов, которые пили настоящее немецкое пиво, ели настоящие немецкие сосиски и хрустящие булочки. Зачем ехать в Калининград, чтобы любоваться карикатурой на Германию? Если вы решили посмотреть на египетские пирамиды, вы поедите в Гизу, а не в какой-нибудь польский развлекательный парк, где установлены копии пирамид из бетона для детей».

Но было бы неправильно считать, что на ментальный отрыв эксклава от России работает исключительно калининградская элита. Недавняя выходка ведущего шоу «Модный приговор» на Первом канале Александра Васильева продемонстрировала бессовестность и продажность «креаклов» на федеральном уровне. Находясь в Калининградской области (там у него квартира у моря), Васильев назвал «недочеловеками» тех россиян, кто противостоит в Калининградской области германскому «культурному катку». Годом ранее этот же «историк моды» назвал «мусором» фамилии советских полководцев, в честь которых названы бывшие немецкие города Калининградской области. И вновь — ноль внимания на чисто нацистскую риторику как со стороны Первого канала, так и калининградского губернатора.

По мнению доктора исторических наук Владимира Шульгина, сегодняшний бой в набат со стороны федеральных чиновников можно охарактеризовать пока лишь цитатой из Пушкина: «Все это, видите ль, слова, слова, слова». «Во-первых, плохо, что лишь констатируют, — заявил обозревателю «Совершенно секретно» историк. — По сути, расписываются в бессилии, приглашая противника действовать дальше. Мы в Калининграде говорим об этих откровенно вражеских явлениях с первой половины 2000-х годов, но и сейчас Алиханов заявляет, что Канта чтить будут особо в 2024 году (в год 300-летие со дня рождения немецкого философа). При этом в октябре 2021 года исполняется 200-летие со дня рождения Фёдора Михайловича Достоевского, который был в Кёнигсберге, а его внук Андрей Достоевский дошел до Кёнигсберга в составе Красной Армии. Но будут ли открыты в Калининграде бюст или сквер в честь юбилея Достоевского?»

г. Калининград

Владислава РОМАНОВА

СТРАДАНИЯ БЕЗ БОГА

Жизнь современных людей полна страданий и скорбей. Причины разнообразны. 2020 год открыл период еще больших переживаний и страхов. В обществе выросло число расстройств и тяжелых душевных болезней. Многие люди стра-

дают из-за незнания Бога, не понимая, от чего они томятся и мучаются.

Еще во времена апостола Павла тайна беззакония была в действии — об этом он говорил в своих посланиях. Сегодня её действие пусть не видят, но ощущают почти все жители Земли. Прошедший год сорвал завесу — оказалось, что эксперименты над людьми, осуждённые на Нюрнбергском процессе, в том или ином виде успешно продолжаются. Мы и наши дети стали подопытными кроликами. Но более всего новым нацистам и экспериментаторам интересны дети и молодежь. От адских опытов они страдают более всего.

Нашим братьям и сестрам во многих странах запрещают пользоваться родным русским языком, а детям получать на нём образование. На Украине намерены не только легализовать эвтаназию, ношение огнестрельного оружия, но и уничтожить всеобщую доступность полного школьного образования путем сокращения школ со старшими классами. Реформаторы понимают, что не всякий ребёнок сможет ездить за 100—200 километров на занятия в 10-м классе, поэтому дети из бедных семей вынужденно ограничатся освоением «перспективных компетенций» сборщиков овощей и фруктов.

В европейских вузах ныне удаляют программы по изучению средневековой (христианской) письменности. Зато внедряют программы по изучению современной помойки с гендерными и трансгендерными вопросами.

Идёт отчаянный «блиц-криг» на российскую школу, с задачами «не обременять» в будущем основную массу детей излишними знаниями, уничтожить обязательную для всех образовательную программу и свести обучение миллионов школьников к счёту по пальцам и чтению по слогам (так называемое «персонализированное обучение»).

«Сбербанк» не ослабляет свои атаки на студентов и аспирантов. Этот банк уже откровенно и без стыда вербует для работы на Запад и против России талантливую молодежь, обученную в России. Здесь от удивления нет слов — Запад ни за грош, не потратив и копейки, просто ворует специалистов, подготовленных для России и за счёт России для того, чтобы они вместе с Западом продолжили уничтожение этой самой России и человечества в целом. Кем будут «сберстуденты»? Янычарами вавилонянина Грефа? Госизмена и преступление на белом коне с флагом «Сбербанка» победно шествует по нашей Родине. Русофобствующая «элита», кормящаяся за счет России, вербует коллаборационистов и новых нацистов из русских студентов и аспирантов для «кремниевых», «силиконовых» и серных долин...

Лукавые соблазнительницы детей и юношества повсюду. Они скрываются под масками ученых, журналистов, психологов, законодателей, хитрых политиков, банкиров и IT-специалистов. Они множат человеческие страдания, увлекая молодежь подальше от Бога — в чужую страну и оставляя их там погибать от духовного голода.

Во времена испытаний не знающие Бога люди часто страдают от душевных расстройств. И этих расстройств будет всё больше и больше, ведь благодать покидает целые страны и континенты. Любовь ко всему родному уходит вместе с прежними поколениями, вместе с добрыми, светлыми книгами и фильмами той эпохи, что ещё всецело была пропитана христианским духом прежних веков. Новым поколениям остаётся пустыня, в которой даже нет семьи как образа домашней церкви, в которой, по словам святителя Филарета (Дроздова), с любовью к отцу дети усваивают любовь к Богу, а с любовью к матери — любовь к Отчизне. Для этого гендерно-облагодетельные политики на законодательном уровне срочно рушат семью как богоданный институт.

В итоге всё больше детей растёт среди больных извращенцев, в неполных «семьях», однополых союзах, сектах многоженцев. Богосозданная природа человека не выдерживает жизни в таком содоме и грехе, жизни без благодати. Люди без Бога с детства психически болеют и находятся в депрессии. И тут лукавые «лекари цивилизации» с острыми глазами и собачьим нюхом находят их...

Вместо помощи и направления к Богу эти «врачи» и психологи рекомендуют им вечную погибель и направляют прямиком к дьяволу, пользуясь болезнью человека. Например, «лекари цивилизации» придумали, что наркотики заменяют человеку будущего потерянную благодать. Это, якобы, будет обманным средством утоления человеческой боли и скорби от богооставленности. Повсеместно идёт лоббизм легализации наркотиков.

Сколько отчаявшихся и психически больных получило вместо хлеба камень и змею вместо рыбы и было отправлено «бухенвальдскими врачами» западных стран на эвтаназию... Люди нуждались в помощи и поддержке, чтобы жить и бороться, а их заставили малодушно умереть и совершить страшный грех, добровольно приняв яд. Сколько ещё миллионов слабых и маловерных будет убито в случае повсеместной легализации эвтаназии?

Сколько подростков на Западе с расстроенной психикой переходного возраста и неадекватностью «семейного окружения» было искалечено рекомендациями психологов лон-

донского «Тависток центра»? Этот дьявольский центр рекомендует детям сменить пол и «не мучиться психически в теле девочки, коль родился мальчиком».

В Британии разразился скандал по поводу искалеченных детей и подростков в рокфеллеровском «Тавистокском институте человеческих отношений» (имеющем и без того тёмную и кровавую репутацию). Подростки обращались туда всего лишь за психологической помощью в переходном возрасте, а подверглись процедурам по изменению пола. (В британской клинике над детьми ставили «трансгендерные эксперименты».) Многие сотрудники покидают это учреждение, а искалеченные трансгендерными экспериментами подростки, повзрослев, подают в суды. Но британские судьи, вопреки здравому смыслу, не запрещают такие эксперименты над подростками и детьми, а лишь строже обуславливают их — теперь врачи будут калечить детей на основании специальных решений суда.

Души миллионов людей страдают без Бога, и им внушают, что лекарство от боли — в дальнейшем бунте против Бога. Современные вавилоняне, оторвав человека от Творца, срочно стирают всякую память о Боге в культуре и своей вавилонской антикультурой порождают душевные болезни, а потом используют эти болезни, чтобы далее строить свой ад на человеческих страданиях и костях.

Ужасные преступления против людей, тайно спланированные в Великобритании и США, не прекращались весь XX век ни на минуту. Не прекращаются они и сейчас.

Возможно, что в будущем именно среди детей начнут вербовать желающих «усовершенствовать» своё тело — железными мышцами, дополнительными органами, интеллектуальными возможностями, цифровым бессмертием, обещающая «счастье» в числе привилегированных сверхчеловеков.

Новый Нюрнберг, без сомнения, грядёт и скамья подсудимых ждёт тех, кто должен занять на ней место... И в числе обвинений будет не только разработка биологического оружия *Ковид-19*. Этих преступлений гораздо больше.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2021 год
(Май — июнь)

30 апреля в Ставропольском крае в 15.30 по местному времени на трассе Волгоград—Астрахань микроавтобус, перевозивший юниорскую баскетбольную команду девушек из Волгограда, столкнулся с грузовиком. Погибли пять детей. Еще тринадцать человек тяжело пострадали. Команду юных спортсменов якобы везли на соревнование в Черкесск.

Как выяснилось позже, эта поездка ни с кем не была согласована и не имела сопровождения ГИБДД. Микроавтобус, перевозивший детей, был частным и не был зарегистрирован, т.е. поездка была нелегальной. На вопрос: планировался ли вообще юношеский турнир по баскетболу в Черкеске? — никто так и не дал внятного ответа. Кроме всего прочего, постановлением правительства Ставропольского края междугородние перевозки детей на автобусах запрещены. Осуществлять такие перевозки на дальние расстояния возможно только на поездах или самолетах.

И вот что интересно. Утром этого же дня в центральных СМИ прошло сообщение об аресте в Москве крупного спонсора запрещенной в России террористической организации «Исламское государство» Асламбека Эжаева...

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Уже через три дня после убийства детей на автотрассе в Ставрополе в ночь с 3-го на 4 мая нам пытались устроить уже весеннюю «зимнюю вишню». Пожар начался в служебном помещении на первом этаже и в коридоре гостиницы «Вечный зов» на юго-востоке Москвы по адресу: 6-я Кожуховская, д. 26, где ночевали 114 детей, прибывших на слёт кадетов. Сильное задымление распространилось по всем этажам. Стоит ли удивляться тому, что в здании не сработала ни одна из систем противопожарной защиты (отчего бы это?), а также тому, что в гостинице отсутствовали эвакуационные выходы?.. И с чего это вдруг среди ночи одновременно загорелись служебное помещение и коридор гостиницы?..

Пожарным удалось вывести из гостиницы 305 человек. Двое взрослых погибли. Пострадали, надыхавшись продуктами горения, и попали в больницу 18 человек, среди которых 10 детей. Трое оказались в реанимации.

Кто бы сомневался в том, что СМИ тут же затараторят о пресловутом «коротком замыкании» сразу в двух местах — в служебном помещении и в коридоре?.. Современное электрооборудование в городских многоэтажных домах, гостиницах, торговых и производственных зданиях и т.д. не позволяет произойти пожару из-за короткого замыкания в сети. В щитовой мгновенно срабатывает прибор, отключающий поступление электричества на данную линию. Это знает любой работающий электрик. Но СМИ по-прежнему продолжают долдонить туфту о пожарах от «короткого замыкания».

Как это ни удивительно, «короткое замыкание» в этой гостинице произошло именно тогда, когда в ней были размещены дети... До этого никаких «коротких замыканий» в ней никогда не было... Похоже, кому-то позарез было нужно устроить массовую гибель кадетов накануне парада 9 Мая...

После того, как не удалось устроить массовую гибель кадетов на пожаре 4 мая в московской гостинице, произошло побоище в казанской гимназии. Утром 11 мая — в первый же день вслед за всероссийскими майскими «каникулами», когда вся страна мучилась от безделья, на мусульманский праздник «Ураза» в школу с законно приобретенной винтовкой и взрывчаткой ворвался 19-летний террорист Ильназ Галявиев. В результате — 9 погибших, из которых 7 детей. 21 человек ранен. Погибла 26-летняя учительница английского языка Эльвира Игнатьева, заслонившая собой ребенка.

На мой взгляд, вряд ли можно согласиться с тем, что молодого террориста никто не вёл и никто не подготовил, что он

сам сделал взрывное устройство... Но эти естественные вопросы — дело следователей. А всему нашему обществу давно пора наконец серьезно задуматься о другой стороне произошедшей трагедии, т.к. она для нас не первая и не последняя.

Говорящие головы в телеяшике весь день 11 мая разглагольствовали о случившемся, но никто так и не заикнулся об истинных причинах подобных трагедий, связанных с убийством самых незащищенных — детей, как и с детской преступностью. Видимо, корпоративные интересы не позволяют говорящим головам заикаться об этом: а то ведь больше не пригласят в телеэфир. Но спросим сами себя: **что** вот уже 30 лет круглосуточно тот же телеящик выливает на наши головы на большинстве каналов? Сплошной многосерийный криминал. Убийства, убийства, убийства, кровь, кровь, кровь, жестокость, избиения, месть и опять убийства — уже в ответ на совершённые. Убивают походя, не моргнув глазом, легко, с усмешкой, не задумываясь — убил и пошел дальше, как ни в чём не бывало. И как тут не встать перед вопросом: разве все прошедшие 30 лет это делалось не сознательно?..

Все 30 либеральных лет наша молодежь росла на этих телевизионных криминальных эпопеях. Так кого же российское общество и российская власть, запрещающая любую идеологию, могли вырастить за эти годы? Кто все эти годы был главным телегероем у подрастающего поколения? Только человек с оружием, только супермачо, с легкостью отправляющий в небытие любого на своем пути. Вот мы их и вырастили. Вот они и делают то, что видят в телеяшике. Не говоря уже про интернет. Фильмы «Брат» и «Брат-2» стали поистине культовыми в молодежной среде, их до сих пор крутят по ящику. Но посчитайте, сколько людей убил главный герой фильма?.. И почему бы молодым созерцателям этих культовых «героев» («В чём сила, брат?..») не делать то же самое, если на государственном канале — можно? По сути, художественные телеубийства стали уже идеологией государственной культуры, хотим мы этого или нет. Ведь если государству, власти — плевать на то, что день и ночь крутят телеканалы, значит, государство тем самым **поощряет** такую «культурную» политику в стране. И если государству, т.е. властям плевать на телеканал «Дождь», поспешивший оправдать теракт против детей в Казани и самого якобы «свихнувшегося» молодого террориста, то какой толк другим говорящим головам разглагольствовать в эфире о недостаточной охране школ и даже огнестрельного оружия...

Кстати сказать, этот 19-летний казанский «подросток» должен был в армии служить. Он ведь нигде не учился. Кто его отмазал? Мама-банкирша? Почему-то никто из говорящих телеголов этим вопросом не задавался...

Я много раз писал о необходимости отмены моратория на смертную казнь. Хотя бы для террористов и для коррупционеров с миллиардными оборотами. Но и после казанского спланированного убийства детей кремлевская власть на это, можно не сомневаться, не пойдёт. Оказывается, нам еще мало и Беслана, и Керчи, и Казани... Жизнь террористов кому-то дороже... Ну и, конечно же, так для нас важно, как отнесутся к возврату смертной казни в Совете Европы и в Евросоюзе...

Телевизор упорно внедряет в наше сознание сплошную смертную казнь, а власть бережёт жизни убийц и террористов... Не раз было доказано историей: самая беспредельная жестокость и самый наглый террор распоясываются в России именно тогда, когда власти начинают популистские гуманные игры и отменяют высшую меру наказания — смерть. Так случилось после Февральской революции в 1917-м, так произошло у нас после 1991 года.

P.S. В этот же день, 11 мая, два автомобиля столкнулись в центре Екатеринбурга, после чего один из них въехал в людей, стоящих на остановке. Травмы получили семь человек. Подобные происшествия, как под копирку, происходят регулярно в разных городах России со множеством погибших и покалеченных. Уже вряд ли можно сомневаться, что это — отработанные теракты, закамуфлированные под ДТП. Оба водителя остались живы. Всезнающие СМИ, мгновенно определяющие «короткое замыкание» при пожарах, ни разу не назвали ни имен, ни фамилий водителей...

* * *

Интернет-ресурсы, находящиеся за рубежом, давно уже создают из наших подростков, торчащих на этих ресурсах, антиморальных монстров с **изменённым сознанием**, т.е. психозомби, готовых выполнить любую команду своих наставников. Однажды они такую команду получают, изготавливают по инструкции взрывчатку, покупают огнестрельное оружие и идут убивать или совершают теракт. И подобных зомби с изменённым сознанием в нашем обществе уже немало. В них как бы живет вторая личность, ожидающая приказа к действию. Заметим, и в Керчи, и в Казани молодые террористы действовали абсолютно идентично, расстреливали школьников прицельно, хладнокровно, без малейшего сожаления. Так действуют психозомби, начисто лишённые нравственных тормозов, какого-либо сочувствия к своим жертвам, тем более к жертвам абсолютно безвинным и не способным оказать сопротивления. То есть эти зомби уже не имели нормальных человеческих инстинктов и нормального человеческого сознания, данных нам свыше или от природы

(кому как естественнее считать). Их сознание было изменено, обработано с помощью постоянного воздействия на них психологических программ, специфических компьютерных игр, через внушение их исключительности в сравнении с иным «биомусором», через «объяснение» им «неправильности» этого мира, который они обязаны исправить в силу превосходства над остальными и даже своей «божественности»... То есть в них включалась и действовала вторая личность, и всё человеческое при этом в них начисто отключалось. Повторяю, подобных обработанных психозомби, находящихся в состоянии измененного сознания, вокруг нас уже немало.

Это и есть ведущая с нами кибервойна. В Китае власти давно ее разглядели и создали собственный интернет, в котором жестко отслеживаются и блокируются подобные враждебные программы и ресурсы. У нас же для них — полная свобода. Где и когда очередной психозомби получит ожидаемую им команду на «дело» и в нём очнется вторая личность, — никто знать не может. Но мы должны знать и уже обязаны понимать, что подобные керченскому и казанскому «подростковые» монстры возникают среди нас не сами по себе...

Поистине: пока гром не грянет, власти не проснутся. Пора бы уже нашей власти окончательно проснуться. Пора ей в конце концов понять: если она не в силах справиться с влиянием интернета на молодые умы, значит — должна взять эти умы под собственный контроль. Пусть это звучит непопулярно и жестковато, но у нас уже просто-напросто нет другого выхода. Кибервойна с нами будет только усиливаться и только ужесточаться. Молодежь **вся** должна находиться на учёте — в учебных заведениях, в военкоматах, по месту работы, в других социальных учреждениях, как это было в СССР. В компетентных органах должна быть информация о **каждом** молодом человеке с 13 до 20 лет (прежде всего мужского пола), в том числе и о детях мигрантов. Уже совершенно ясно, что т.н. Федеральное агентство по делам молодежи со своими обязанностями не справляется, а его чиновники лишь формально исполняют свои слишком формальные функции. Там должны работать другие — ответственные — люди с другими задачами, поставленными перед ними властью в условиях всё нарастающей кибервойны.

К сожалению, в стране начисто отсутствует контроль над постоянно прибывающей в российские города кавказской и среднеазиатской молодежью — чаще всего неуправляемой, развязной и не желающей признавать наш культурный менталитет. Они в основном уже обработаны зарубежными исламистскими центрами и соответствующей пропагандой. А кремлёвско-белодомовская власть не только смотрит сквозь

пальцы на поведение этих молодых радикалов на улицах наших городов, но и своими необдуманно публичными заявлениями о нехватке здесь рабочих рук **поощряет** их никем не контролируемое прибытие в российские города. Так что кибервойна, ведущаяся с нами через интернет, в ближайшем будущем может вполне реально, явно и широко вылиться на наши улицы, и тогда уже письмо французских генералов своему президенту покажется нам запоздалым детским лепетом...

* * *

Мэр Собянин очень недоволен тем, что москвичи не спешат вакцинироваться от коронавируса. «У нас нет другого варианта, кроме двух, — настаивает он во всех своих выступлениях по ТВ: — принять вакцину или заболеть!..» И тут же добавляет для пушей убедительности: «У 90 процентов вакцинированных нет никаких отрицательных последствий!..», естественно, умалчивая о том, что у 10 процентов привившихся эти последствия наличествуют. И что это за последствия — об этом тоже молчок. То ли эти 10 процентов вакцинированных умерли, то ли стали инвалидами на всю жизнь... Мы не знаем. Ни мэр Собянин, ни министр здравоохранения Михаил Альбертович Мурашко — не уточняют. А кто из них может дать нам гарантию, что мы не попадем в число этих 10 процентов? Никто из них такой гарантии никому дать не может.

А бывший премьер Д. Медведев пошел еще дальше: заявил о необходимости **принудительной** вакцинации всего населения России (Д. Медведев проговаривается не случайно... Всё, что он заранее предрекает, как правило, сбывается). С таким упорством власти проявляют заботу о нашем здоровье... Но что-то не хватаем им такого упорства в борьбе с захлестнувшей страну вакханалией всевозможного мошенничества и миграционной преступностью.

Помалкивают наши власти и о том, что распространению эпидемии под названием *ковид-19* как раз и способствовали эти самые никем не контролируемые азиатские мигранты, заполонившие всю нынешнюю продуктовую торговлю и сферу общественного питания. Помалкивают власти, что именно через них и заразились многие наши люди. А президент чуть ли не в каждом своем публичном выступлении, словно отчитываясь перед кем-то, напоминает об упрощенном режиме привлечения «рабочих рук» из среднеазиатских республик... И они прибывают сюда целыми семьями и целыми аулами... Эти «рабочие руки»... Которые первым делом норовят открыть здесь торговую точку... И чем там, в этих точках, они приторговывают по ночам — одному Аллаху известно.

Хоккейная сборная некоей страны без флага, гимна и названия на чемпионате мира проиграла хоккейной сборной Канады, составленной из молодых игроков. Игра проходила в латвийской столице при пустых трибунах. Мэр Риги публично и без каких-либо последствий для себя и для Латвии сорвал флаг этой «некоей страны» с флагштоков стран — участниц чемпионата мира по хоккею, оказавшийся там, по его словам, «по недосмотру и по недоразумению». Когда же он то же самое проделал с флагом Белоруссии, то в тот же день все сотрудники латвийского посольства во главе с послом были выброшены из Минска.

Молодые канадские хоккеисты знали, честь какой страны они защищали в сражении на ледяной площадке с игроками «некоей страны». И потому победили. На их стороне были удача, моральный дух и спортивный бог. Выступать неизвестно за кого и без кленового листа на груди, уверен, они бы вместе с тренером отказались.

Летом этого года спортсменам «некоей страны» придется выступать на Олимпийских играх в Токио — опять же без флага, гимна и названия. Скорее всего общий результат выступления этой «некоей страны» на ОИ будет не менее плачевным. На открытии Игр, в отличие от других стран, они пойдут под безликим «олимпийским флагом», вызывая усмешку у телезрителей всего мира.

Честь какой страны они собираются отстаивать? «Некоей». *«Но ведь они же тренировались, они мечтали об Олимпиаде...»* — неоднократно повторял ее президент. Да, они тренировались, питались, ездили на сборы, проживали в гостиницах и получали зарплату за государственный счет, т.е. за счет налогоплательщиков, которые живут в стране, имеющей название, флаг и гимн. Так с какой же стати эти спортсмены теперь представляют «некую» безымянную страну? Причем с благодушного и улыбочивого соизволения ее президента? По причине большой любви к себе любимым?

Никакая другая уважающая себя страна не смирилась бы с подобным унижением.

В то же самое время, когда российская хоккейная сборная выступала на чемпионате мира без флага, гимна и в форме без национальной символики, УЕФА утвердила форму украинских футболистов на чемпионате Европы по футболу, на которой изображен контур Украины с Крымом. Помимо этого провокационного изображения на украинских футболках будет запечатлено нацистско-бандеровское приветствие:

«Слава Украине!» И руководство УЕФА, дабы в очередной раз унижить Россию, пошло навстречу фашиствующей Украине, утвердив эту футбольную форму.

А что же российское руководство — и спортивное, и политическое, и законодательное? А ничего. Побубнили где-то на своих междусобойчиках об «очередной украинской провокации», однако никаких официальных заявлений так и не сделали. Ни официальных протестов со стороны нашего Министерства спорта и МИДа, ни тем более каких-либо санкций по отношению к Украине — не последовало. А пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков уточнил: «Незачем реагировать на это». Ну, конечно же, зачем реагировать на отсутствие национальной формы у наших спортсменов на Олимпийских играх и на присутствие Крыма на чьей-либо иностранной форме?.. Незачем. А другой высокопоставленный спортивный чиновник, следуя в русле указаний сверху, ни к селу, ни к городу заявил: «Зачем отвечать? Зачем разжигать рознь между русскими и украинцами...» Как будто это мы собираемся разжигать... Понятно, что чиновничьи кресла гораздо дороже.

Наш президент опасается пиндосских ракет под Харьковом. Он рассказал об этом своем опасении 9 июня в интервью телеканалу «Россия-1». Жаль только, что корреспондент телеканала не спросил его: а как же такое, г-н президент, стало возможно? Разве это не он остановил наступление ЛДНР в 2014 году? Уж больно хотелось выглядеть миротворцем?..

Жизнь устроена просто. Есть только два варианта: или забираем Украину, или пиндосские ракеты будут находиться под Харьковом. Третьего не дано. А «благородные» «миротворческие» игры — это верный путь к предательству Родины и поражению.

В июне 1941 года мы тоже играли в «миротворческие» игры с Германией. В октябре немцы уже стояли под Москвой.

Российских волейболистов обыгрывает сборная Словении, хоккеистов — сборная Словакии, футболистов — сборная Бельгии. А всё потому, что наши спортсмены легко отказались от национальных символов и готовы за деньги выступать без флага, без гимна и без названия страны. Причём с соизволения главы государства. Национальное предательство — всегда путь к поражению.

Собянин не дает москвичам работать. Задолбал выходными неделями. Но для мигрантов никаких выходных не существует — каждый день переключают бордюры.

С одной стороны, московский мэр в июне отменяет ковидные послабления в городе и, наоборот, ужесточает меры по, якобы, «борьбе с эпидемией», дабы заставить москвичей вакцинироваться, а с другой — Путин своим указом 15 июня продлевает нахождение нелегальных мигрантов в России до 30 сентября. И для них, наших властей, одно другому не противоречит... А ведь увеличение числа заболевших ковидом у нас в стране происходит как раз за счет распространения заразы в миграционной среде.

Тот факт, что народ не торопится принимать эту двойную вакцину, а многие сознательно от нее отказываются, говорит о недоверии народа властям. Уж слишком часто они нас обманывали. И это топорное телезапугивание страны тяжестью болезни и ежедневными кадрами из ковидных больниц, эта ежeminутная долбёжка из всех утюгов о необходимости вакцинации выглядят очень подозрительно даже для тех, кто с советских времен привык верить каждому сказанному по ящику слову. Столь нарочитая забота властей о нашем здоровье как-то не вяжется с другими их действиями, усугубляющими нашу жизнь...

Президент был недоволен положением дел по вакцинированию Москвы. Собянин рвал и метал. Ужесточал, ужесточал меры и... таки объявил обязательную вакцинацию для всех бюджетников и всех работников сферы обслуживания (вспомним проговорку Д.Медведева). В новостях на телеканале «Россия-1» даже прошло сообщение о распоряжении московского мэра увольнять всех непривитых с работы. Произошло это 16 июня, когда Путин встречался в Швейцарии с Байденом...

Давно ли мы голосовали за Конституцию?.. Или мэр объявляет ЧП в своем отдельно взятом Московском государстве, оттавливая действие Основного Закона и Трудового кодекса?..

А в ковидных клиниках уже лежат привившиеся больные. Между тем, 18 мая этого года без публичной огласки и без сообщений об этом в СМИ Госдума приняла в первом чтении закон о принудительной вакцинации (правда, окончательное голосование отложила на осень). Так что действия московского градоначальника имеют свою подстилку...

Но важно другое: искусственно выведенный коронавирус постоянно мутирует, и тот, кто вакцинировался, должен будет и дальше принимать вакцину постоянно — через полго-

да, через год... Потому что она, вакцина, подавляет собственный, естественный иммунитет в организме человека, и без постоянной последующей прививки человек будет гораздо сильнее подвержен риску заражения этим вирусом. Кстати сказать, и не только этим. (И ведь никто по ящику людям этого не объясняет.) Но таким способом, т.е. принудительной вакцинацией, власти накрепко привязывают население к любым распоряжениям государства, потому что речь уже будет идти ни много, ни мало — о жизни каждого человека.

И обратите внимание — те, что привились, теперь самые активные пропагандисты поголовной вакцинации и самые непримиримые ненавистники непривитых. Но в скором времени они начнут понимать: попавшись на этот крючок, они с него уже никогда не соскочат. Вот так власти разделяют народ. Всё по старой, как мир, инструкции: разделяй и властвуй.

P.S. 18 июня в программе «Время» Т.А. Голикова порекомендовала сделать третий укол вакцины тем, кто уже сделал два. Процесс пошел...

Как это ни странно, именно 18 июня, т.е. тогда, когда, по словам московской власти, «драматически» выросло число заболевших ковидом, было возобновлено полномасштабное авиасообщение с Китаем, Турцией и другими европейскими странами... То есть никого не пугала информационная «вспышка» заболевших ковидом в России... И как мы должны были это понимать? Как несогласованность властей или как чей-то блеф ради запугивания и поголовной вакцинации?..

Но почему долдонят лишь о вакцине? (Только в России четыре вида создано.) Ведь уже существует лекарство от ковида. Почему о нём молчат?.. Или оно слишком дорогое и предназначено для избранных?..

Еще до швейцарской встречи Путина с Байденом по приказу Зеленского украинские диверсанты напали на блокпост луганских ополченцев и убили пять человек. Это — после громко распиаренного Киевом «режима тишины» на луганском направлении. Видимо, чтобы не усложнять переговорную обстановку швейцарской встречи, со стороны Кремля не последовало никакой официальной реакции на террористическую акцию укрофашистов под Луганском. Гарант «минских соглашений» и до встречи с американским «коллегой» и после нее сделал вид, что ничего не произошло.

И вот уже Зеленский заговорил о переговорах с российским президентом. Глядишь, и встретятся...